

Евгений Перельройзен

---

*Рауль Валленберг:
«Железная маска» Сталина,
или Алый Первоцвет*

Евгений Перельройзен

**Рауль Валленберг:
«Железная маска» Сталина,
или Алый Первоцвет**

«Издательские решения»

Перельройзен Е.

Рауль Валленберг: «Железная маска» Сталина, или Альф
Первоцвет / Е. Перельройзен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531560-1

В книге рассказывается о семье Рауля Валленберга, его образовании и работе, о его миссии в Венгрии по спасению жертв нацистов до и во время Будапештской операции Красной Армии. Подробно рассказывается о пленении Рауля Валленберга в январе 1945 года в Будапеште и о его пребывании в тюрьмах НКВД — МГБ СССР. Также подробно описываются этапы борьбы за освобождение Рауля Валленберга и за раскрытие тайны его гибели. Рассматриваются причины, приведшие к тому, что герой стал «железной маской» Сталина.

ISBN 978-5-00-531560-1

© Перельройзен Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие. С Раулем Валленбергом в Хайфе	6
Часть 1. Алый Первоцвет	11
Глава 1. Клан Валленберг	11
Глава 2. Юность Рауля Валленберга и его образование	52
Глава 3. Рауль Валленберг ищет работу	80
Глава 4. Венгрия в марте – июле 1944 года и ее евреи	119
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Рауль Валленберг: «Железная маска» Сталина, или Алый Первоцвет

Евгений Перельройзен

© Евгений Перельройзен, 2021

ISBN 978-5-0053-1560-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наде Сергеевой посвящает эту книгу автор.

«Он более велик, чем герои древности. Он творил добро не во благо человечества, а просто ради добра. Он никогда ничего не требовал и не ждал благодарности за то, что делал. Он знал, что люди слабы и ничтожны и не стремился сделать их лучше. Он только хотел им помочь.»

Палко Форгац, один из десятков тысяч спасенных

Раулем Валленбергом

(Из книги Дж. Бирман «Праведник», с. 224)

«...Мы вправе спросить: что же следует из этой мучительной тайны? ... он погиб, хотя не в тот момент, на который указывали советские власти, и уж точно не от сердечного приступа. Все вопросы, когда, как и где он встретил свою смерть, по-видимому, останутся без ответа, так же как неразгаданной останется тайна, почему и кем была изъята или уничтожена папка с его личным делом. Но мы обязаны – памяти Валленберга и истории – искать ответы на эти вопросы. Вот почему непрекращающиеся усилия тех, кто упорствует в таких поисках, заслуживают нашей полной поддержки и одобрения...»

Дж. Бирман «Праведник»

Предисловие. С Раулем Валленбергом в Хайфе

*Даруй боящимся Тебя знамя,
чтобы они подняли его ради истины.*

Псалтирь 59:6

Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?

Притчи 23:11

Впервые я услышал это непроизносимое в СССР имя в треске радиопомех «вражеских голосов» и понял лишь, что разговор был о хорошем человеке...

В Советском Энциклопедическом Словаре 1987 года статья о Рауле Валленберге отсутствовала и это еще можно было понять: времена только начали меняться. Этот словарь содержал, однако, пять строк о клане Валленбергов «монополистической группе Швеции». Трудно понять другое: вышедшие позднее российские энциклопедические словари продолжали хранить полнейшее молчание о Рауле Валленберге. И это наряду с тем, что эти издания содержали массу статей о людях, которые явно не пройдут проверку временем и в недалеком будущем бесследно исчезнут из изданий данной «весовой» категории.

Большие советские, российские писатели братья Вайнер и Юлиан Семенов рассказали своим читателям о Рауле Валленберге то небольшое, что знали сами, как только это стало возможным. Это были очень сильные, теплые и провидческие тексты. В великой книге братьев Вайнер «Евангелие от палача» (законченной в 1979 году (!) и хранимой в подполье) рассказ о Рауле Валленберге велся от лица палача, «нашего Скорцени», способного перебить человек десять голыми руками, полковника ГБ Паши (Павла Егоровича, если кому так больше нравится...) Хваткина, инициатора «дела врачей» по версии книги, и профессора права в «вегетарианские» времена Леонида Ильича:

«[Хваткин:]

– Видит Бог – чистая правда! Если бы Валленберг, содержащийся в нижнем ярусе Сухановской тюрьмы, принял наши условия, всем от этого было бы только лучше. Но он, варяг жидовский, сука скандинавская, еврейский наймит, не принял наших условий, и всем от этого стало хуже, а уж ему-то в первую очередь!...

– Вам предлагается определенного рода миссия. Она состоит в том, чтобы вы поговорили с заключенным... одним из главных раввинов на территории СССР... чтобы он возглавил этот еврейский исход... Если вы сумеете уговорить ..., то мы разрешим вам выехать на родину...

[Валленберг:]

– Вы держите меня здесь восемь лет и однажды вы вынуждены будете меня отпустить. Даже если я не совершу эту мерзость предательства. Я готов подождать еще несколько лет...

[Хваткин:]

– Господин Валленберг, не надейтесь. То, что вы мне сказали, – это глупость. Для вашей страны и для вашей семьи вы давно уже мертвы. Следы ваши потеряны навсегда. И если вы не проявите благоразумие и не захотите нам помочь, вы никогда отсюда не выйдете, вы безвестно сгниете в этом мешке...

– Больше я никогда его не видел. Через четыре года после этой встречи Громыко уведомил шведов, что Валленберг скончался семнадцатого июля сорок седьмого года в больнице

Внутренней тюрьмы от сердечного приступа. Я не знаю, жив ли Валленберг сейчас или он скончался от сердечного приступа, но спустя шесть лет после его мнимой смерти я разговаривал с ним, и был он горбат, искривлен ревматизмом, почти облысел, хотя дух его был несокрушимо тверд. Он ведь так и не согласился!...»

В своей самой сильной книге «Отчаяние» Ю. Семенов рассказывает о М. М. Исаеве («Штирлице»), брошенном в послевоенные годы в застенки МГБ и оказавшимся этак в году сорок восьмом прошлого уже века в одной камере с Раулем Валленбергом:

«...Исаев снова посмотрел на фотографию, кивнул:
– Вы правы, это Валленберг, банкир из Швеции.
– Вам не кажется странным, что еврейский банкир из Швеции дружески беседует с палачом еврейского народа?...
– ... Он работал в шведском посольстве в Будапеште, там Эйхман не только уничтожал евреев, но старался часть несчастных обменять на машины и бензин для рейха... Видимо, Валленберг... пытался спасти как можно больше несчастных...
– Дело в том, что Валленберг у нас... И мы располагаем данными, что он сотрудничал с Эйхманом... Мы не хотим портить отношения со шведами, нам хочется провести открытый суд и изобличить Валленберга, а потом выслать его к чертовой матери в Стокгольм... вы, как Штирлиц, а не Исаев, убедите его в целесообразности выйти на открытый процесс, принять на себя хотя бы часть вины в сотрудничестве с Эйхманом, то есть с гестапо, или же на открытом процессе дать показания в качестве Штирлица, а не Исаева, – что вы знали о сотрудничестве Валленберга с Эйхманом...

Назавтра Исаева перевели в другую камеру... перед ним был изможденный, поседевший, лимоннолицый Рауль Валленберг...»

Там, в камере, Исаев увидел «молчаливые диалоги» Валленберга с тем самым Власовым, читавшим и отчеркивающим ногтем примечательные места в Библии, перешедшей затем к Валленбергу: «...как бы в пику ногтю Власову – мизинец Валленберга: « И тогда как они будут в земле врагов их, – Я не презрю их, чтобы разрушить завет Мой с ними; ибо Я Господь Бог их... Вспомню для них завет с предками, которых вывел Я из земли Египетской перед глазами народов, чтобы быть их Богом.» Исаев поднял глаза на Валленберга:

– Молчаливые диалоги.

Тот кивнул.

– Поглядите Псалтырь... Пятьдесят девятый псалом...

Исаев закрыл на мгновение глаза, потер виски, прочитал на память:

– Даруй боящимся Тебя зная, чтобы они подняли его ради истины...

Валленберг не смог скрыть восхищенного изумления:

– Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?...»

Их разлучили, поняв, что Исаев заодно с Валленбергом и – против Конторы. Под предлогом будущей встречи с сыном Исаева одели в полковничий мундир, а затем вероломно привели к нему Валленберга: «...Валленберг увидел седого полковника, который медленно обернулся нему, узнал Исаева... тонко закричал и, наклонив голову, бросился к окну... он все больше и больше ощущал, что его, прежнего, нет уже; пуст; если что и осталось, то лишь одно отчаяние...» Далее читатель, который не боится узнать определение отчаяния, может прочесть его в этом месте книги – десять отчаянных строк...

Заканчивается книга, повествуя о времени после смерти Сталина:

«... Не забыл он и об эмоциональном аспекте борьбы за лидерство: приказал найти в лагерях и тюрьмах бывших нелегалов, подкормить их, подлечить и дать о них серию материалов в газетах: «В МГБ были не только садисты типа Рюмина, ставленники тирана, но и истинные герои в борьбе с нацизмом.» Исаева нашли во Владимирском политическом изоляторе: полуослепший, беззубый, с перебитыми ногами, он был помещен в тюремный госпиталь... Лишь после этого Берия вспомнил о Валленберге: не помер ли где в одиночке или на каторге? По счастью был жив... Навстречу Валленбергу вышел из-за стола, пожал руку:

– Те, кто мучил вас в течение всех этих лет, трагичных для нашей страны, по моему приказу арестованы. Начато следствие. Мерзавцев ждет смертная казнь, они позорили Сталинскую конституцию...

– Я бы хотел также выступить на процессе против изувера Абакумова, который проводил со мной первые допросы... (Берия держал Абакумова в резерве: ... Виктор вернется в прежнее кресло, кроме него, некому...)...

– Вы что-то путаете, господин Валленберг... Он сам был жертвой клеветы, его пытали в этом же здании... Если настаиваете – не смею возражать...

Сразу после этого вызвал Комура:

– Ты был прав, Богдан. Увы, ты был прав... Подготовь справку, датированную сорок шестым или сорок седьмым годом: «Валленберг умер от разрыва сердца». И запиши в сейф. До поры, до времени... Справку пусть сделают по форме, подпишется начальник тюремного госпиталя, протокол и все такое прочее, чтоб в Стокгольме никто не подточил носа...».

Прочитав в 1989 году книгу «Отчаяние» я получил общее представление о Рауле Валленберге. В непростых заботах начала 90-х годов прошлого века, в провинциальной Пензе я «разминулся» с несколькими статьями в московских газетах о начале работы шведско-российской рабочей группы по выяснению судьбы этого человека и другой небогатой информацией на эту тему. В первые годы жизни в Израиле мне напомнила о Рауле Валленберге лишь улица его имени в Тель-Авиве...

Я «встретил» Валленберга в Хайфе. По некоторым причинам мне пришлось оставить уютный, тихий городок Герцелия и переехать в Хайфу. Приведя в порядок квартиру после переезда, в начале ноября 2009 года я купил билет на творческий вечер одного гостя из Москвы и вечером отправился пешком в хайфский «Аудиториум» на горе Кармель. Было уже темно и почти в самом начале пути я вдруг обратил внимание (до сих пор не знаю почему) на ничем не примечательный жилой дом по улице Арлозоров. У входа была памятная доска, которую можно было рассмотреть лишь вблизи. Я подошел и с изумлением увидел текст на иврите и английском, который говорил о том, что в этом доме находился пансион, в котором весной-летом 1936 года жил праведник народов мира Рауль Валленберг (1912 -?) ... Буквально через несколько дней я увидел в книжном магазине книгу Джона Бирмана «Праведник», купил ее, быстро прочел и узнал многое о моем герое.

С тех пор Рауль Валленберг остается со мной в Хайфе... Я часто бываю на улицах Герцель и Нордау, расположенных в хайфском квартале Адар а-Кармель

(«Великолепие Кармеля»). Это название – цитата из книги пророка Исаи (35:1—2): «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс; великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать; слава Ливана дастся ей, великолепии Кармиля и Сарона; они увидят славу Господа, величие Бога нашего.»

Вследствие арабских беспорядков 1929 года еврейские жители Хайфы были вынуждены оставить нижний город и переселиться на Адар (так сократили это название в обиходе). Чуть позже, в середине 30-х годов прошлого века, Хайфа приняла множество евреев из Германии, покинувших эту страну после прихода к власти нацистов. В результате началось быстрое экономическое развитие района. Начала застраиваться «шикарными» (по тем временам для бедной подмандатной Палестины) домами улица Нордау, прозванная в то время «улицей еки» (выходцев из Германии, привычно говоривших «е-е», т.е. «да-да»).

Улица Нордау выводит на пересечение улиц Бальфур и Герцль с тремя домами, игравшими в середине 30-х годов ключевую роль в жизни Хайфы: «Новый торговый центр», открытый в 1935 году, «Дом с часами», предназначенный исключительно для общественных нужд, и «Дом фондов», финансовых организаций для возрождения «Земли Израиля» (еще строился во время пребывания в Хайфе Рауля Валленберга). Когда я оказываюсь здесь, то нередко кажется мне, что я вижу, как весенним утром 1936 года молодой Рауль Валленберг, идя на работу, спускается по Арлозоров на Нордау или Герцль, идет мимо этих трех зданий и далее вниз, до самой улицы Банков, где и сейчас находится то самое здание, в котором размещался «Голландский банк», чьим стажером был Рауль. Я часто прохожу мимо этого здания, идя ранними летними утрами на пляж в районе Бат-Галим, где купался сам Рауль... И каждый раз, глядя на памятную доску с его именем, произношу про себя: «Здравствуйте, господин Валленберг...»

Многое изменилось в Хайфе с того времени, когда Рауль Валленберг провел здесь полгода. Исчезло «великолепие» Адара: жители Хайфы со средним достатком (и, тем более, выше среднего) селятся сегодня все выше и выше по направлению к университету, хайфскому Техниону, горе Кармель. Лишь великолепное море и щедрое солнце одинаково благосклонны ко всем жителям Хайфы. Многие из них слышали имя Рауля, немногие знают, что он провел несколько месяцев в Хайфе, и уж совсем немногие знают достаточно много о том, какой подвиг совершил этот человек.

После того, как я прочел книгу «Праведник», в течение последующих восьми лет я прочел еще пару сотен книг и статей, имеющих отношение к «делу Валленберга» и захотелось мне рассказать читателю об этом человеке и о событиях, имеющих отношение к «делу Валленберга» на протяжении последних 87 лет: от начала работы советским полпредом в Швеции А. М. Коллонтай и начала «шведской миссии» советского торгпреда Д. В. Канделаки в 1930 году и до решения Мещанского суда города Москвы отклонить иск племянницы Рауля Валленберга Мари Эльсы Дюпюи в сентябре 2017 года.

Такие люди, как Рауль Валленберг, оказали честь человеческому роду. Это о них писал Иммануил Кант: «Не поддерживает ли честного человека в огромном несчастье, которого он мог бы избежать, если бы только мог пренебречь своим долгом, сознание того, что в своем лице он сохранил достоинство человечества и оказал ему честь и что у него нет основания стыдиться себя и бояться внутреннего взора самоиспытания»

В десятках городов мира установлены памятники и мемориальные доски этому человеку: в Будапеште (не зря же его называли «будапештский Мессия (Спаситель)»), Лондоне, Буэнос-Айресе, Нью-Йорке, Стокгольме, Лидингё (там он родился), Гетеборге, Тель-Авиве, Москве, Монреале, Батуми, Ужгороде... Самым трогательным является один из его памятников в Лидингё (Швеция). Этот бронзовый портфель с инициалами Рауля Валленберга стоит на фундаменте дома, в котором он родился 4 августа 1912 года. Подобный портфель был с Валленбергом на улицах оккупированного нацистами Будапешта, находящегося в кольце 2-го и 3-

го Украинских фронтов Красной Армии в ноябре-декабре 1944 года и в первой половине января 1945 года. Этот портфель хранил списки людей, которых надо было спасти, самодельные охранные шведские паспорта, изготовленные секретарем шведской миссии Раулем Валленбергом, которые он раздавал несчастным жертвам на улицах Будапешта и в колоннах жертв «пеших маршей смерти» на пути в лагеря уничтожения.

Бронзовый портфель с инициалами RW стоит на фундаменте дачи семьи его матери, Май Висинг, в Капсте в Лидингё, сгоревшей при пожаре. Было принято решение не восстанавливать ее, замостив фундамент камнями, вынутыми из мостовой будапештского гетто...

*Евгений Перельройзен
апрель – ноябрь 2017 г.
Хайфа, Израиль*

Часть 1. Алый Первоцвет

Глава 1. Клан Валленберг

«Быть, но быть невидимым» («Esse non-Videri»)

Девиз клана Валленберг

1.1 Основатель клана Андре Оскар и его сыновья

Основателем финансово-промышленной империи Валленберг был Андре Оскар Валленберг (1816—1886).

Андре Оскар Валленберг

Именно он в 1856 году основал частный семейный банк – «Stockholms Enskilda Bank (Стокгольмс Эншильда Банк)» (SEB) и тридцать лет был его генеральным директором (1856 – 1886). У Андре Оскара было в общей сложности 20 детей (от двух жен плюс внебрачные дети). Достаточно подробное генеалогическое дерево клана Валленберг можно найти в книге [1]. Автор сразу хочет сказать читателю, что не намеревается в этой книге писать историю этого клана. Все сведения о нем, которые будут приведены, необходимы для понимания судьбы нашего героя – Рауля Валленберга. Один российский писатель написал в своей книге, что Андре Оскар **«не вел свою родословную от викингов»**. Видимо, эта «изящная» формулировка должна была подсказать читателю, что он был еврей. Нет, вынужден огорчить (или обрадовать?) того писателя: Андре Оскар, да, был потомком викингов (конечно, если считать, что таковы шведы). До середины XX века лишь один человек, носящий фамилию Валленберг, имел в своих жилах малую толику еврейской крови. Это был наш герой – Рауль Валленберг. Он был на одну шестнадцатую еврей.

Кнут Валленберг

Лишь два сына Андре Оскара – Кнут Валленберг (1853—1938) (министр иностранных дел Швеции в 1914—1917 гг.), а затем его сводный брат Маркус Валленберг-старший (1864—1943) пришли к руководству SEB: Кнут был генеральным директором SEB (1886—1911) и председателем совета директоров SEB (1911—1914 и 1917—1938), Маркус Валленберг-старший был генеральным директором SEB (1911—1920) и председателем совета директоров SEB (1938—1943).

Маркус Валленберг старший

С 1938 года (после смерти Кнута) Маркус Валленберг-старший стал главой семейного банка и выросшей на его основе семейной финансово-промышленной «империи», контролируемой через многочисленные сегодня инвестиционные фонды клана Валленберг (все это принято называть «сферой Валленберг»). Еще один сын Андре Оскара – Аксель Валленберг (1874—1963) – был одно время членом совета директоров SEB, послом Швеции в США, совладельцем лесопромышленных компаний и основал транспортную компанию. Отметим, что вторым по старшинству сыном Андре Оскара был Густав Валленберг (1863—1937), участие которого в «сфере Валленберг» ограничивалось лишь владением скромных пакетов акций предприятий, принадлежащих к ней [1,2]. Он и был дедом нашего героя, Рауля Густава Валленберга.

Густав Валленберг

1.2. Густав Валленберг, дед героя

Густаву Оскару Валленбергу на момент рождения внука исполнилось 49 лет. Он родился в 1863 году в Стокгольме и был старшим сыном Андре Оскара и Анны фон Сидов (которая в течение 21 года родила своему супругу четырнадцать детей). Кнут Валленберг доводился ему старшим сводным братом, а Маркус Валленберг – младшим родным братом. Как и Маркус, Густав учился на морского офицера, но в отличие от него продолжил образование и дослужился до капитана. Однако в начале 1890-х годов, оставив офицерскую карьеру, посвятил себя предпринимательской деятельности, главным образом в сфере паромства. Его особенно интересовали вопросы транспортировки, развитие навигации и торговых связей Швеции, за которые он ратовал как член парламента (от партии либералов) и в бесчисленных газетных статьях.

Густав Валленберг был предприимчивым, энергичным и импульсивным человеком, не лишенный и некоторого авантюризма. Своей экспансивностью он отличался от Кнута и Маркуса, девизом которых был семейный принцип Валленбергов – «быть, но быть невиди-

мым». Густав вошел в правление SEB, но произошло это из-за отсутствия других кандидатов. Когда в следующем году Кнут предложил его в качестве вице-президента правления банка, Маркус ответил решительным отказом. Все последующие годы отношения между Густавом и Маркусом были напряженными и это сказалось на судьбе внука Густава, Рауля Валленберга. Маркус считал, что Густав не рассудителен, и впоследствии его отстранили от дел в семейном банке.

Густав Валленберг, выбрал карьеру дипломата. После того, как в 1906 году он был назначен послом Швеции в Японии (а с 1907 года и в Китае), отношения между братьями (внешне?) улучшились. Когда несколько лет спустя Густав был обвинен коллегами в разглашении содержания шведско-китайского торгового договора, прежде чем тот дошел до шведского МИДа, а также, в том, что будучи на государственной службе выставил на продажу в Японии собственные суда, Маркус взял его под защиту. Густав получил выговор от МИДа, но не лишился своего поста. Через несколько лет Маркус спас Густава, когда тот по ошибке выступил в качестве поручителя по огромному гарантийному обязательству. Вместе с Кнутом Маркус предоставил гарантии, в результате чего Густав освободился от своих обязательств, за что горячо благодарил братьев. «Надеюсь, его благодарность выразится в том, что он никогда больше не станет заниматься бизнесом» – прокомментировал это Маркус в письме к Кнуту. Густав оставил бизнес.

Кроме двух дочерей, у него был сын Рауль Оскар (1888—1912), ставший морским офицером. Густав видел своего сына, в общей сложности, считанные недели в течение жизни сына, пытаясь воспитывать его на расстоянии порядка десяти тысяч километров при помощи писем. Рауль Оскар женился на красавице Май Висинг, дочери первого в Швеции профессора неврологии Пера Висинга, происходившего из рода евреев, давно принявших в Швеции лютеранскую веру (Май была на одну восьмую еврейкой). У них родился сын Рауль, наш герой. Но родился он через несколько месяцев после смерти отца от скоротечной саркомы [1,2].

Эти два обстоятельства: невхожесть деда Густава в «сферу Валленберг» и ранняя трагическая смерть отца Рауля Оскара, имевшего по старшинству преимущество перед сыновьями Маркуса на занятие руководящих постов в SEB, оказали решающее влияние на всю судьбу нашего героя, Рауля Густава Валленберга – ему уже не было места в «сфере Валленберг», как мы увидим далее.

1.3. Рауль Оскар Валленберг, отец героя

Отец Рауля, сын Густава и Анни Валленбергов, родился 13 июля 1888 года. Густав Валленберг в юности был морским офицером, и мальчика крестили в стокгольмской церкви, приход которой состоял из военно-морских офицеров и членов их семей.

Рауль Оскар Валленберг

Рауль Оскар был у своих родителей первым ребенком и единственным сыном. Необычное имя, возможно, было навеяно чтением романов Александра Дюма: Раулем зовут сына мушкетера Атоса. Позднее на свет появились две дочери: Карин (родилась в 1891 году) и Нита (родилась в 1896 году).

Сыновья в семье Валленбергов по традиции учились сначала в школах-пансионах за границей, а затем в Королевском военно-морском училище в Стокгольме. Школа, где в течение трех лет учились Густав и Маркус находилась под Штутгартом: «классическая, математическая и коммерческая школа для юных джентльменов». В основе преподавания лежали идеи просвещения и прогресса, милые сердцу Андре Оскара. После этой школы мальчики попали в военно-морское училище в Стокгольме, в точности повторив путь отца. Карьера морского офицера во второй половине XIX века привлекала многих молодых людей из высших слоев общества.

В отличие от отца и дяди, Рауля Оскара не послали в пансион, а отправили в Новое элементарное училище в Стокгольме, проводившее в жизнь важные педагогические новшества: признание ненужности телесных наказаний, факультативное изучение классических языков и посещение богослужений по желанию). Однако традиция учебы за границей сохранялась: летние каникулы Рауль проводил в Германии и Англии, а весной 1902 года его отправили на год учиться в Париж.

С осени 1903 года Рауль Оскар приступил к учебе в Военно-морском училище. Учеба была рассчитана на шесть лет. После успешно сданного экзамена курсанту присваивалось звание мичмана, а затем младшего лейтенанта. Теоретическое образование дополняли военная

подготовка и морские экспедиции в другие страны. С 1904 по 1909 год Рауль Оскар объездил весь мир, посетив не менее 24 городов. 28 октября 1909 года он сдал выпускной экзамен на звание морского офицера и вышел из училища третьим учеником из 18 курсантов курса. Наивысшие баллы (по гражданским дисциплинам) он получил по родному языку, английскому, немецкому и французскому, а также политологии и рисунку. По алгебре было всего лишь «хорошо».

Рауль Оскар обладал художественным дарованием. Любил рисовать военные корабли и морские сюжеты, делал копии известных живописных полотен. Усыпальница клана Валленберг в их родовом поместье Мальмвике была выстроенная по эскизам Рауля Оскара.

Рауль Оскар был энергичным молодым человеком с живой фантазией, чувством юмора и острым взглядом. После военно-морского училища он служил во Флоте береговой обороны. Первоначальной его целью было стать лейтенантом, на что требовалось три года.

Май Висинг

Зимой 1910 года Рауль Оскар влюбился. Предметом любви Рауля стала Май Висинг, дочь врача, профессора Пера Висинга и его жены Софи. Май, пишет он, «здоровая, сильная и развитая девушка, способная за полдня пройти пешком 30 км. К тому же у нее необычайно изящная и хорошая фигура», она «по сути очень серьезная и очень целеустремленная», но одновременно «очень веселая, оживленная». И он, и Май отнеслись к случившемуся «крайне серьезно», поскольку они «ужасно боятся, каждый по своим причинам», что родители не одобряют их образ действий – то есть что Рауль Оскар попросил ее руки, не уведомив сначала собственных родителей.

Страх был небезоснователен. Что касается родителей Май, то с ними проблем не было, они имели возможность наблюдать за влюбленными с близкого расстояния с самого начала и были убеждены, что молодые обладают «лучшими предпосылками стать счастливой парой». Но отец Рауля с 1906 года занимал пост шведского посланника в Токио и ни разу не видел будущей супруги сына (добавим, что и сына он видел редко и воспитывал его... по переписке). К тому же Густав Валленберг неоднократно предупреждал сына об опасности со стороны «коварных сирен, жаждущих поймать юношу в свои сети». Однако в результате переписки с сыном он согласился на этот брак.

Венчание состоялось 27 сентября 1911 года. Перед красивой парой открывались самые блестящие перспективы. Они поселились в четырех-комнатной квартире в центре Стокгольма. В том же доме находилась большая угловая квартира родителей Май. Но радость оказалась недолгой. Перед Рождеством Рауль заболел, и в январе 1912 года врачи поставили диагноз «саркома», рак костного мозга, чаще всего поражающий молодых. Когда Рауль заболел, ему было 23 года.

Болезнь развивалась стремительно, но и от больного, и от его молодой жены скрывали, что надежды нет. Ничем помочь было нельзя, разве что уменьшить боли. 23 апреля 1912 года Маркус Валленберг сообщал брату Густаву, что сын его переносит свое положение мужественно: «Я иногда захожу к нему и пытаюсь развлечь разговором. К сожалению, ничего нельзя сделать. Лучший его друг теперь – морфий».

Рауль Оскар скончался 10 мая 1912 года и был похоронен четыре дня спустя. Первым в своей семье он был погребен в усыпальнице в Мальмвике, построенной по его собственным эскизам. «Было поучительно видеть, как несла свою тяжкую скорбь молодая супруга. Родители прибыть домой на погребение сына не смогли... в связи с осложнением положения в Китае Густав считал, что должен оставаться на посту... [1,2].

1.4. Май Висинг, мать героя

Пра-пра-прадед Рауля по материнской линии, еврей по имени Бенедикс, переехал в Швецию в конце восемнадцатого столетия и был одним из первых евреев, поселившихся в этой стране. Бенедикс перешел в лютеранство, женился на христианке, быстро разбогател и через год стал ювелиром при дворе короля Густава IV Адольфа. Впоследствии он был финансовым советником призванного шведами на трон короля Карла XIV Юхана, в прошлом – наполеоновского маршала Бернадота. Сын Бенедикса стал одним из пионеров шведской сталелитейной промышленности. У других его потомков обнаруживался художественный талант, семья считалась для того времени высококультурной – один из ее членов, певец, учился у Листа

К моменту смерти своего супруга Май Валленберг (1891—1979) только что исполнился 21 год, она была на седьмом месяце беременности. 5 июля 1912 года она пишет своей свекрови: «Ах, мама, что же будет с нашим крошкой? Я часто спрашиваю себя, хватит ли у меня мудрости, чтобы воспитать из него приличного человека. Бедное дитя, лишившееся своего папы!»

Начало лета Май провела в Мальмвике, где могла посещать могилу мужа. Затем она переезжает в Капста, в Лидингё – летнее местопребывание семьи Висинг. Роды наступили 4 августа. Пер Висинг писал Густаву Валленбергу: «Как ты, вероятно, уже знаешь из телеграммы, наша дорогая Май разрешилась от бремени, родив, как она сама и желала, мальчика, которого она назвала дорогим для нее именем Рауль Густав Валленберг». Роды прошли хорошо, мальчик родился весом 3 кг 300 г и сразу же взял грудь. «Сама я не в силах описать то счастье, которое переживаю от того, что у меня есть этот младенец, живое напоминание о моей счастливой любви», – писала Май свекру.

Май и Рауль Валленберг

С момента рождения Рауля Густав Валленберг перенес на внука все свои планы и амбиции, которые прежде связывал с сыном. В 1919 году он стал официальным опекуном Рауля.

После кончины мужа Май вернулась в родительский дом. Она полностью отдалась заботам о малыше. Вскоре пришла новая беда. Отец Май заболел воспалением легких и умер 5 декабря 1912 года. Мать и дочь в течение одного года потеряли мужей, для обеих Лилле-Рулле (Раульчик) стал играть роль маленького «дорогого утешителя». Рауль – основная тема писем, написанных за эти годы Май свекру и свекрови, которых она постоянно держала в курсе всех новостей жизни ребенка. Из писем следует, что Май и Рауль общались в основном с родственниками, включая, родных по линии Валленбергов. В рождественский сочельник Май с Раулем ездит к «дяде Маркусу». Они частые гости в Мальмвике, и Маркус Валленберг

в октябре 1913 года очень постарался, чтобы в склепе было не так влажно, что принесло Май «совершенно безграничное счастье» [1,2].

1.5. Якоб и Маркус-младший Валленберги, дяди героя

У Рауля-старшего были двоюродные братья и сестры, все моложе его, – четыре девочки и два мальчика, дети Маркуса Валленберга-старшего, дяди Рауля Оскара. Мальчики – Якоб, родившийся в 1892 году, и Маркус Валленберг-младший (Додде), родившийся в 1899 году, – получили образование, призван-ное способствовать их карьере в SEB. Будучи самым старшим среди кузенов, Рауль Оскар в своем поколении был первым претендентом на руководящую роль в этом банке. Как только его не стало, эстафетная палочка перешла к его кузену Якобу, который был на четыре года моложе и осенью, в год смерти Рауля, закончил военно-морское училище. Якоб мечтал о продолжении карьеры морского офицера, но отец и дядя Кнут Валленберг заставили его оставить эти планы и начать работать в банке.

Якоб Валленберг

В книге [1] можно увидеть трогательную фотографию рабочего места двух братьев-банкиров: придвинутые вплотную друг к другу письменные столы Якоба и Маркуса-младшего, словно олицетворяющих их братское единство и дружбу. Якоб был генеральным директором банка SEB в 1927 – 1946 гг. Затем на этом посту его сменил Маркус-младший (1946 -1958 гг.), а Якоб занял самый главный пост в банке SEB – председателя совета директоров (1950 – 1969 гг.).

Маркус Валленберг младший

Маркус-младший уступил пост генерального директора своему старшему сыну Марку (1958 – 1971 гг.), который занимал этот пост почти до самого слияния семейного банка Валленбергов «Stockholms Enskilda Bank» с еще одним крупным шведским банком «Skandinaviska Banken» 1 января 1972 года (за два месяца до слияния Марк Валленберг покончил жизнь самоубийством ...). Якоб Валленберг был против этого слияния и между братьями возник бескомпромиссный конфликт, в результате которого Маркусу-младшему удалось изгнать Якоба из SEB в 1969 году и самому занять пост председателя совета директоров SEB (1969 – 1971). Образовавшийся в результате слияния этих двух крупных банков «Skandinaviska Enskilda Banken» мог на равных конкурировать с крупнейшими мировыми банками (сегодня активы этого нового SEB превышают треть триллиона долларов). После смерти Марка, ключевой пост в новом SEB занял второй сын Маркуса Валленберга-младшего – Петер Валленберг (1926 – 2015), а сегодня председателем совета директоров банка является сын Марка Валленберга – Маркус Валленберг (1956 -).

Якоб и Маркус-младший, двоюродные дяди нашего героя, Рауля Густава Валленберга, сыграли в его судьбе отрицательную роль. Их отец, Маркус Валленберг-старший, еще в то время, как Рауль безмятежно учился в Мичиганском университете, стал предпринимать некоторые усилия, чтобы нейтрализовать попытки Густава Валленберга, деда Рауля, трудоустроить его в семейном банке, и тем самым сохранить «сферу Валленберг» лишь для своих сыновей и их будущего потомства (см. ниже – глава 2, п.2.4). Эти усилия были им продолжены по возвращению Рауля из Америки. В этой деятельности Маркус-старший получил полную поддержку своих сыновей и дочери Гертруд, которая нашла в Рауле «так много еврейского» (глава 3, п.3.3.). Читатель может убедиться, читая переписку Рауля с его дядями Маркусом-младшим и Якобом, что они полностью блокировали вход в «сферу Валленберг» для Рауля в 1937 – 1941 гг., когда он после смерти деда, так и не сумевшего обеспечить внуку начало нормальной трудовой деятельности, безуспешно искал для себя работу.

И это несмотря на многочисленные возможности трудоустройства в обширной финансово-промышленной империи Валленбергов, к тому же, сильно разросшейся в то самое время из-за поглощения самых лакомых кусков рухнувшей империи Ивара Крейгера (глава 3, п.3.3.). В годы войны Якоб и Маркус-младший участвовали в попытках организации сепаратных переговоров между западными союзниками и представителями консервативной антигитлеровской оппозиции («черной капеллы») (глава 4, п.4.8), а также были замешаны в тайном сотрудничестве с германской военной промышленностью (именно поэтому на банк после войны были наложены американские санкции, а Якоб почти на четыре года (1946 – 1950) «ушел в подполье», оставив пост генерального директора банка SEB) (глава 14). За всей этой деятельностью внимательно следили советские разведчики сразу нескольких ведомств (НКГБ, ГУКР СМЕРШ, РУ ГШ РККА) и их соответствующая информация достигала Сталина. Расплатился за это в будущем Рауль Валленберг, оставшийся за пределами «сферы Валленберг», но носящий одинаковую со своими двоюродными дядями фамилию... Участие Якоба и Маркуса-младшего в борьбе за освобождения Рауля из недр ГУКР СМЕРШ – МГБ СССР ограничилось визитом Маркуса-младшего к советскому посланнику А. М. Коллонтай в советскую миссию в Стокгольме и написанием ей двух писем, после того, как она была спешно «эвакуирована» из Стокгольма в Москву (глава 8, п.8.2). В дальнейшем братья-банкиры отказывались встречаться с представителями «комитетов Валленберга», общественной организации, борющейся за освобождение Рауля. Сын Маркуса-младшего в середине 90-х годов прошлого века отказался финансировать исследовательскую работу в советских архивах сводного брата Рауля, Ги фон Дарделя, и закрыл ему доступ в архивы банка SEB (глава 2, п.2.1)...

1.6. Ивар Крейгер и его империя

Ивар Крейгер родился 2 марта 1880 года в шведском приморском городке Кальмар в семье Эрнста Августа и Женни Эмили Крейгер и был их старшим сыном. Отец Ивара был владельцем трех маленьких спичечных фабрик. Окончил школу на два года раньше обычного, беря частные уроки. В 16 лет стал студентом Королевского технологического института в Стокгольме, который закончил в возрасте 20 лет, получив вторую степень магистра сразу двух факультетов: механического и гражданского строительства.

После окончания учебы провел 7 лет за границей, путешествуя и работая инженером в США, Мексике, Южной Африке и других странах, но большую часть времени он провел в США. Работая в различных инжиниринговых компаниях, он познакомился с новой запатентованной системой для железобетонных конструкций, которая в то время не использовалась в Швеции. В 1907 году ему удалось получить представительские права на эту систему как на шведском, так и на немецком рынках, и в конце 1907 года он вернулся в Швецию с целью внедрения новой технологии в обеих странах одновременно.

В мае 1908 года Крейгер основал строительную фирму *Kreuger & Toll* в Швеции вместе с инженером Паулем Толлом и своим кузеном Хенриком Крейгером. Новый способ строительства зданий в то время не был полностью признан в Швеции, и для того, чтобы внедрить новую технологию, Крейгер прочел несколько лекций и написал иллюстрированную статью по этому вопросу в ведущем техническом журнале. Эта новая технология строительства зданий оказалась успешной, и фирма выиграла несколько престижных контрактов, таких как строительство Стокгольмского Олимпийского стадиона (1911—12 гг.), возведение фундамента для новой Стокгольмской ратуши (1912—13 гг.) и универмага НК (1913—14 гг.) в Стокгольме.

В течение шести лет после регистрации компания *Kreuger & Toll* получила годовую прибыль в размере около 200 000 долларов США и выплатила существенный дивиденд в раз-

мере 15%. В 1917 году компания была разделена на две отдельные компании: Kreuger & Toll Construction AB (большинство акций принадлежало Паулю Толлу, а Ивар Крейгер не был даже членом совета директоров этой строительной компании) и Kreuger & Toll Holding, которая стала финансовой холдинговой компанией Ивара Крейгера. Он был ее генеральным директором и основным акционером. Совет директоров состоял из Ивара, его отца, Пауля Толла и двух очень близких коллег Ивара Крейгера. После того, как Ивар принял участие в управлении спичечными фабриками своего отца в Кальмаре, он перешел на «строительство» новых компаний или на приобретение контроля над другими компаниями, обычно оплачивая это своими ценными бумагами вместо денег, вместо строительства зданий и мостов. Таким образом, к 1927 году Ивар приобрел банки, горнодобывающие компании, железные дороги, фирмы по производству лесоматериалов, бумаги и фильмов, недвижимость в нескольких европейских городах, а также контрольный пакет акций ведущей телефонной компании Швеции «Эриксон» (L.M. Ericsson & Co). Он контролировал около 50% мирового рынка железной руды и целлюлозы, владел рудниками по всему миру, в том числе рудником Болиден (Boliden) в Швеции, который был одним из самых богатых месторождений золота за пределами Южной Африки.

В 1911—12 годах три спичечные фабрики семьи Крейгера столкнулись с финансовыми проблемами. Банкир Крейгера, Оскар Ридбек, посоветовал ему превратить эти фабрики в акционерную корпорацию, чтобы привлечь капитал. Это стало отправной точкой для реформирования шведской спичечной индустрии, а также основных компаний-партнеров в Норвегии и Финляндии. Цель состояла в том, чтобы получить контроль над всей спичечной отраслью в Скандинавии. С этой целью Крейгер впервые основал шведскую корпорацию AB Kalmar-Mönsterås Tändsticksfabrik в 1912 году. Далее, в результате ряда успешных поглощений других компаний, в 1917 году появился монополист шведской спичечной промышленности, принадлежащий Ивару Крейгеру – «Шведская спичка» (Svenska Tändsticks AB).

Ивар Крейгер

Крейгер не только приобретал компании, но и проявил новый образ мышления в шведской спичечной промышленности с крупномасштабными производственными мощностями, идеями для повышения эффективности производства, администрирования, распределения и маркетинга. Ему удалось объединить шведскую спичечную отрасль, а также крупнейшие

спичечные компании в Норвегии и Финляндии. Благодаря этому спичечная индустрия в Скандинавии стала сильным конкурентом крупных производителей спичек в других странах. Методы Ивара Крейгера напоминали те, которые Джон Д. Рокфеллер использовал при создании Standard Oil Trust, превращающие десятки борющихся фабрик в сильную и прибыльную монополию. Эти методы стали незаконными в США из-за антимонопольных законов, но в то время они не были противозаконными в Швеции. Шведы улучшили дизайн, используя более безопасный красный фосфор, и назвали свои спички «безопасными спичками». Они сделали Швецию ведущим экспортером спичек и спички стали самым важным шведским экспортом: в начале 20-го века спички были необходимы для курения, освещения печей и газовых приборов и поэтому спрос на них был крайне неэластичным: монополист мог повысить цены (и, следовательно, прибыль), зная, что это незначительно повлияет на объем продаж в будущем. Расширяя компанию Swedish Match благодаря приобретению монополий, созданных правительством, шведская компания стала крупнейшим в мире производителем спичек. В конечном счете Крейгер основал в Нью-Йорке «Международную Спичечную корпорацию» (International Match Corporation), которая контролировала почти 75% мирового производства спичек.

С 1925 по 1930 годы, когда многие страны Европы никак не могли оправиться от ущерба, нанесенного Первой мировой войной, компании Крейгера предоставляли кредиты правительствам этих стран для ускорения реконструкции. В качестве обеспечения этих кредитов правительства предоставляли Крейгеру монополию на производство и продажу спичек в своей стране. Капитал Крейгер увеличился в значительной степени за счет кредитов шведских и американских банков в сочетании с выпуском большого количества облигаций. Крейгер также часто переводил деньги с одной корпорации, которую он контролировал на другую. Крейгер не ограничивался спичками: он получил контроль над большей частью лесной промышленности в северной Швеции и планировал стать главой целлюлозного картеля. Он также попытался создать телефонную монополию в Швеции. После основания производителя целлюлозы SCA в 1929 году, Крейгер смог приобрести большинство акций телефонной компании «Эрикссон» и горнодобывающей компании «Болиден» (золото), контрольный пакет акций производителя шарикоподшипников SKF, банк «Skandinaviska Kreditaktiebolaget» и т. д. За границей он приобрел Deutsche Unionsbank в Германии и Union de Banques Paris во Франции. Эти операции стали возможными благодаря изобретению Крейгером финансовой инженерии в печально знаменитом стиле корпорации Enron нашего времени, которая сообщала о прибылях, когда их не было, и выплачивала все увеличивающиеся дивиденды за счет привлечения новых инвестиций и / или расхищения капитала вновь приобретенных компаний.

К 1931 году Крейгер контролировал около 200 компаний. Тем не менее, крах фондового рынка 1929 года оказался основным фактором в раскрытии его бухгалтерского учета, которое в конечном итоге оказалось фатальным как для него, так и для его империи. Весной 1930 года Крейгер посетил Соединенные Штаты и прочитал лекцию о ситуации в мировой экономике в Индустриальном клубе Чикаго под названием «Проблема переноса и ее важность для Соединенных Штатов». Он был приглашен президентом Гувером в Белый дом, чтобы обсудить этот вопрос, а в июне ему был присвоен звание «Доктор делового администрирования» Университетом Сиракуз, где он работал молодым главным инженером, когда в 1907 году там был построен старинный стадион «Арболболд». В 1929 году, на пике его карьеры, состояние Крейгера оценивалось в 30 миллиардов шведских крон (приблизительно 100 миллиардов долларов США в 2000 году), и состояло из более чем 200 компаний. В том же году общий объем кредитов, выданных Крейгеру шведскими банками, составил 4 миллиарда шведских крон [3].

Банкиры Валленберг были во вражде с «империей» Ивара Крейгера. Случилось так, что это повлияло на судьбу Рауля Валленберга.

Важнейшими среди переговоров о концессиях и лицензиях, которые СССР вел во второй половине двадцатых годов прошлого века с иностранными фирмами, были переговоры с могущественной спичечной монополией Ивара Крейгера «Свенска тэндстикс АБ» («Шведская спичка»). Имелась в виду концессия на все производство спичек в СССР. В течение 1922 – 1928 гг. перезаклучались ежегодные соглашения о покупке этой компанией осинового леса взамен поставок оборудования советским спичечным фабриками.

В 1925 году Крейгер предложил советскому правительству уступить ему монопольное право на все производство и продажу спичек в СССР в обмен на предоставление крупного займа советскому правительству в 50 млн. долларов.

Крейгер уже имел подобные соглашения с рядом правительств Восточной Европы и Латинской Америки. В 1927 году был согласован текст соглашения и одобрен советской стороной, но Крейгер внезапно отказался от сделки, возможно, под влиянием разрыва советско-британских дипломатических отношений в мае 1927 года. Началась торговая война цен. С тех пор Ивар Крейгер, «спичечный король», стал яростным врагом Советского Союза. Его огромная финансово-промышленная «империя» представляла серьезную силу. Советский Союз, в свою очередь, стремился нанести урон сердцевине «империи» Крейгера – тресту «Шведская спичка», используя демпинговые цены на советские спички, идущие на экспорт [4].

Вот, что можно прочесть в популярной тоненькой книжке для юного читателя, вышедшей в СССР в 1934 году [5]: «После революции вплоть до 1922 г. экспорта спичек из СССР не производилось. Но уже в 1922/23 г. на первой Бакинской ярмарке было продано и вывезено в Персию около 30 тыс. ящиков. Вслед за этим наши спички начали завоевывать турецкий, греческий, а потом западноевропейские и даже американские рынки. В 1927/28 г. наш экспорт уже в 2 1/2 раза превысил довоенный, и мы заняли одно из первых мест на мировом спичечном рынке. Само собой разумеется, что успешная конкуренция советских спичек пришлась совсем не по вкусу капиталистическим спичечным монополистам, и они повели отчаянную борьбу против советского экспорта, не брезгуя при этом никакими средствами. Как вам понравится например такое письмо, адресованное германской фирмой одному из своих представителей:

*ГЕРМАНИЯ
А. РОЛЛЕР
ТОРГОВОЕ О-ВО
ПО ПРОДАЖЕ СПИЧЕЧНЫХ МАШИН
Берлин 1929 г.
М. Г.*

Как вы знаете, русские сбывают в Германии и других странах спички за бесценок. Поставив русским большое количество спичечных машин и предоставив им продолжительные кредиты, мы в настоящее время подвергаемся недоброжелательным пересудам со стороны промышленности тех стран, которым русская конкуренция приносит вред. Мы узнали, что вы также продаете русские спички; когда узнают, что вы представляете и нашу фирму, этот факт будет способствовать разжиганию злобы против нас. Поэтому мы должны просить вас прекратить продажу русских спичек и обязать не производить подобной продажи и в будущем. Если вы не согласитесь с нашим предложением, нам придется 30 сентября отказаться от продления нашего контракта с вами.

Но бойкот предприятий, торгующих нашими спичками, – это только один из многочисленных методов борьбы взбесившихся капиталистов и, пожалуй, один из сравнительно «невинных». Изобретательные монополисты выкидывали штуки и почище этого. Вот, например, в Персии появляются в продаже советские спички, которые оказываются никуда негодными, так как они вовсе не зажигаются. Эти спички были предварительно скуплены нашими конкурентами и выдержаны продолжительное время в сырых помещениях. В Германии закрывается несколько спичечных фабрик, и рабочим, очутившимся вдруг перед ужасами безработицы, говорят, что это происходит из-за «недобросовестной» конкуренции советских спичек. В печати поднимается кампания за бойкот советские спичек, так как они служат якобы «средством большевистской пропаганды и борьбы против святой религии. В Бельгии на специально созванных церковных собраниях домохозяйек-прихожанок попы проводят решения о воздержании от покупки русских спичек. В Боливии подстрекают туземное население чуть не к бунту, долженствующему выразить протест против ввоза спичек из СССР. Наряду с этим помещается ряд статей о плохом, якобы, качестве наших спичек, о нашей торговой „несолидности“ и т. д. Особенно отличался в этой антисоветской кампании концерн Крейгера, основным ядром которого был Шведский спичечный трест и во главе которого стоял Ивар Крейгер. На долю этого концерна падало 3/4 мирового производства (без СССР) и 80% мирового экспорта спичек. Но кроме того Крейгер, вкладывая большие капиталы в спекуляцию недвижимостями, в правительственные займы, в ряд различных отраслей промышленности, занимался очень темными жульническими операциями. И этот жулик стал почти легендарной личностью в гниющем капиталистическом мире. С величайшим искусством он извлекал сверхприбыли из народной нищеты, обирал доверчивую публику, бросавшуюся покупать его „самые надежные акции и облигации“, получал субсидии от шведского правительства, монополизировал в ряде стран производство и продажу спичек. Крейгер пытался навязать кабальные условия сделок и СССР, но неудачно – советская спичка не давалась ему в руки и пробивала чувствительные бреши в его монополиях. Тогда Крейгер всеми силами и средствами стал бороться против СССР. Он окружил Союз кольцом спичечных монополий чуть не во всех граничащих с нами странах, финансировал антисоветские кампании, поддерживал белоэмигрантские банды в Китае, агитировал всеми способами против наших спичек. Но костлявая рука небывалого еще в истории капитализма экономического кризиса схватила за горло и Крейгера. Окончательно запутавшись в своих темных махинациях, он в марте 1932 г. покончил самоубийством, а концерн его начал расплзаться по швам... Мы проследили историю развития и выделки маленькой спички. Для того чтобы мы могли воспользоваться этой спичкой, нужна затрата труда очень многих людей: лесорубов, горняков, химиков, спичечников, транспортников и т. д. Мы видели, что этот труд может быть легким и радостным только в социалистическом обществе, а продукт этого труда – дешевым и доступным широким массам трудящихся только тогда, когда его производство обходится без участия хищников-капиталистов. И маленькая коробочка спичек, на которой написано „made in USSR“ („сделано в СССР“), вызывает бешеную ненависть иностранных капиталистов не только потому, что она благодаря своей дешевизне угрожает их сверхприбылям, но и потому, что она является грозным напоминанием о близком наступлении и их очереди передать свои фабрики и заводы в руки трудящихся».

Действительно, в марте 1932 года случилась загадочная, внезапная смерть Ивара Крейгера, его империя распалась и начала поглощаться кредиторами. Львиная доля досталась... банкирам Валленберг (см. главу 14).

Крушение Крейгера, этого врага, отметил сам Сталин в отчетном докладе XVII съезду ВКП (б) («съезду победителей») 26 января 1934 года [6]: «... Большую роль сыграло здесь падение цен на товары. Несмотря на сопротивление монопольных картелей, падение цен росло со стихийной силой, причем падали цены прежде всего и больше всего на товары неорганизованных товаровладельцев, – крестьян, ремесленников, мелких капиталистов, и лишь постепенно и в меньшей степени товаровладельцев организованных, объединенных в картели капиталистов. Падение цен сделало положение должников (промышленники, ремесленники, крестьяне и т.п.) невыносимым и, наоборот, положение кредиторов – неслыханно привилегированным. Такое положение должно было привести и действительно привело к колоссальному банкротству фирм и отдельных предпринимателей. В продолжение последних 3 лет на этой почве погибли десятки тысяч акционерных обществ в САСШ, в Германии, в Англии, во Франции. За банкротствами акционерных обществ пошло обесценение валют, несколько облегчившее положение должников. За обесценением валют – легализованная государством неуплата долгов как внешних, так и внутренних. Крах таких банков, как Дармштадтский и Дрезденский банки в Германии, Кредит-Анштальт в Австрии, и таких концернов, *как концерн Крейгера в Швеции*, Инсул-Концерн в САСШ и т. д. – всем известен. Понятно, что за этими явлениями, расшатавшими основы кредитной системы, должны были последовать и действительно последовали прекращение платежей по кредитам и иностранным займам, прекращение платежей по межсоюзническим долгам, прекращение экспорта капитала, новое сокращение внешней торговли, новое сокращение экспорта товаров, усиление борьбы за внешние рынки, торговая война между странами и – демпинг. Да, товарищи, демпинг. Я говорю не о советском мнимом демпинге, о котором еще совсем недавно до хрипоты кричали некоторые благородные депутаты благородных парламентов Европы и Америки. Я говорю о действительном демпинге, практикуемом теперь почти всеми „цивилизованными“ государствами, о чем благообразно хранят молчание эти храбрые и благородные депутаты».

1.7. Советский полпред Александра Коллонтай о Валленбергах, Крейгере и советских интересах в Швеции. «Шведская миссия» Давида Канделаки.

«Шведы помешаны на аристократизме, и я не ошибаюсь, если замечаю, что мне „прощают“ мой большевизм и что я посланник СССР потому, что я по происхождению из „хорошей“, т.е. дворянской семьи. „Сейчас видно, что мадам Коллонтай воспитывалась in einer guten Kinderstube“ (...в хорошей детской (нем.)), поймала я как-то замечание за моей спиной. Это и смешило и сердит своей глупостью.»

А. М. Коллонтай. «Дипломатические дневники»

«Когда монарх доверяет подданному государственную тайну, тот не должен удивляться, услышав по себе колокольный звон.»

Английская мудрость

Дипломатические дневники советского полпреда в Швеции рассказывают об отношениях между банкирами Валленберг и Советским Союзом, вражде между Крейгером и Валленбергами, о лесе, золоте и займе... Именно тогда, в начале тридцатых годов прошлого века в памяти Сталина прочно засела фамилия Валленберг (Рауль также носил эту фамилию, он в то время кончил школу и вскоре уехал за океан учиться на архитектора в Мичиганском университете) и все, что с ней связано. Менее чем через 15 лет это разбухшее со временем «досье» в сочетании с дошедшей до Сталина 15 или 16 января 1945 года информацией, что секретарь шведской миссии в Венгрии Рауль Валленберг уже несколько дней находится в расположении 7-ой гвардейской армии, ведущей бои за Пешт, тогда как сама шведская миссия укрывается от превратностей войны на другом берегу Дуная, в Буде, пока еще прочно удерживаемой нем-

цами, привела к роковому для судьбы Рауля решению. Это решение обрело форму письменного распоряжения заместителя наркома обороны СССР Булганина об аресте Рауля Валленберга и отправке его в Москву.

Александра Михайловна Коллонтай находилась на советской дипломатической службе 23 года. Из них 15 лет она провела в Швеции: Полномочный Представитель СССР (с 20 июля 1930 года по 9 мая 1941 года) и Чрезвычайный и Полномочный Посланник СССР (с 9 мая 1941 года по 27 июля 1945 года).

А. М. Коллонтай

Именно к этому, шведскому периоду относятся самые значимые ее дипломатические достижения. Однако официальная дата окончания ее работы в качестве посланника СССР в Швеции – 27 июля 1945 года – не соответствует действительности. На самом деле она покинула Швецию в «аварийном порядке» 18 марта 1945 года по приказу тогдашнего главы НКВД СССР Молотова, переданному по телеграфу вечером 17 марта. В телеграмме говорилось, что утром следующего дня за ней прилетит специальный самолет, который срочно доставит ее в СССР. Для оказания ей медицинской помощи в пути (она была частично парализована) рекомендовалось взять с собой шведского врача, который согласился бы лететь вместе с ней. В главе 8 (см. п.8.2) рассказывается, чем была вызвана эта принудительная, поспешная эвакуация: событие было тесно связано с делом Рауля Валленберга, которое омрачило, в известной степени, весь остаток жизни Александры Михайловны.

Коллонтай получила назначение на должность полпреда СССР в Швеции в 1930 году ввиду чрезвычайных событий в советском посольстве в Стокгольме.

Ее предшественник на этом посту, Копп Виктор Леонтьевич, уже несколько месяцев не мог исполнять свои обязанности – находился в больнице по поводу онкологического заболевания – и скончался от этой болезни 27 мая 1930 года.

Советник полпредства, Дмитриевский С. В., рассчитывавший стать новым полпредом и понявший, что надежды на это нет, попросил политическое убежище в Швеции. Вслед за ним последовал военно-морской атташе, резидент Разведупра Соболев А. А., бывший офицер русского флота, начавший службу в РККФ еще в 1918 году. Получив приказ вернуться в СССР и напуганный этим, он отказался выполнить приказ и вскоре уехал во Францию.

21 апреля 1930 года Коллонтай записала в седьмой тетради своего дневника: «Очень тревожное сообщение из Стокгольма, возможны большие неприятные последствия. Одна измена за другой и все же в стокгольмском полпредстве. За Дмитриевским новый предатель и посерьезнее: это военный атташе Соболев...»

Срочная телеграмма из Москвы: Политбюро назначило меня на временным поверенным в делах Швеции с оставлением меня на посту в Норвегии, выезжать немедленно... В стокгольмском полпредстве царит неразбериха и паника, два невозвращенца за две недели. Полпред Копп безнадежно болен и находится в больнице. Советника нет, остался лишь секретарь – но с ним МИД не считается: нет официальных полномочий.» [7]

Для восстановления полпредства в Швеции были назначены новые дипломаты: советник, торгпред, военный атташе, первый секретарь... Самым значимым из этих назначений стало назначение Давида Владимировича Канделаки на пост торгпреда (политбюро 20 мая 1930 года приняло предложение народного комиссариата торговли (НКТорга) СССР утвердить его торгпредом СССР в Швеции).

8 июля 1930 года Коллонтай записала в той же седьмой тетради: «Приехал новый торгпред сюда в Швецию. Кавказец. Культурный, приятная внешность, приятные манеры. Умный. Провели с ним вечер за интересной беседой. Мне с ним легко и просто. Кажется, в работе будем созвучны, если... я буду здесь, а не в Осло» [7]. Коллонтай пришлось оставить Норвегию: 20 июля решением политбюро она была назначена полпредом СССР в Швеции, однако верительные грамоты вручила королю Густаву V значительно позднее, 30 октября 1930 года, представив ему новых торгпреда и советника [8].

Давид Канделаки сменил пост наркома просвещения Грузии на должность торгпреда СССР в Швеции и покинул Швецию самом начале 1935 года.

Д. В. Канделаки

Этот человек стал первым из когорты личных дипломатических представителей Сталина (в этом ряду можно назвать Астахова, Рыбкина-Ярцева, Деканозова, Сеницына-Елисева...). Знакомый Сталина с дореволюционным стажем, дворянин, эсер в ранней молодости, проходивший в переписке охранного отделения под кличкой «Топор» [9] ... Широко известна «германская миссия» Канделаки (1935—1937 г.), которая, несмотря на отсутствие видимых результатов, подготовила почву для будущих переговоров по заключению пакта «Молотова – Риббентропа». По аналогии с этим можно назвать годы работы Канделаки в Швеции (тоже важной для Сталина) «шведской миссией» Давида Канделаки.

Это имя всплыло из небытия, наверное, в первый раз, на страницах журнального варианта романа А. Рыбакова «Тридцать пятый и другие годы (Страх)» в 1990 г. В эпизоде о размышлениях Сталина о будущих жертвах второго московского показательного процесса в начале 1937 г. читаем: «...что касается Берлина, то переговоры ведет теперь Канделаки, работает в Берлине, встречается не с третьестепенными дипломатами, как встречался Радек, а с главными руководителями рейха... На таком уровне Радек не мог вести переговоры... Не дипломат. Канделаки гораздо лучше. Радек больше не нужен...» [10]. А. Н. Рыбаков узнал, в свою очередь, о Канделаки, видимо, из книги Вальтера Кривицкого, изданной в США и Англии еще в конце 1939 года.

В. Кривицкий писал: «...Сталин уже направил в Берлин в качестве торгпреда своего личного эмиссара Давида Канделаки с тем, чтобы он, минуя обычные дипломатические каналы, любой ценой вошел в сделку с Гитлером. На заседании Политбюро, состоявшемся в это время, Сталин с уверенностью сообщил своим соратникам: „В самом ближайшем будущем мы осуществим соглашение с Германией“. В декабре 1936 года я получил задание заморозить нашу агентурную сеть в Германии. Первые месяцы 1937 года прошли в ожидании благоприятного исхода секретной миссии Канделаки. В апреле я был еще в Москве, когда он прибыл из Берлина в сопровождении представителя ОГПУ в Германии. Канделаки привез с собой проект

соглашения с нацистским правительством. Он был принят лично Сталиным, уверовавшим в то, что наконец-то все его маневры увенчались успехом... Давид Канделаки, выходец с Кавказа и земляк Сталина, официально состоял советским торговым представителем в Германии. В действительности он был личным посланником Сталина в нацистской Германии... Канделаки в сопровождении Рудольфа (псевдоним секретного представителя ОГПУ в Берлине) как раз вернулся из Германии, и они оба быстро были доставлены в Кремль для беседы со Сталиным. Теперь Рудольф, который подчинялся Слуцкому по заграничной разведывательной службе, достиг такого положения с помощью Канделаки, что был направлен непосредственно с докладом к Сталину через голову его руководителя. Канделаки добился успеха там, где другие советские разведчики оказались бессильными. Он вел переговоры с нацистскими лидерами и даже удостоился личной аудиенции у самого Гитлера. Истинная цель миссии Канделаки была известна только пяти-шести человекам. Сталин считал это триумфом своей личной дипломатии, так как теперь в течение многих лет он один мог контролировать ход развития Советского государства. Только немногие из его ближайших помощников знали об этих переговорах. Наркомат иностранных дел, Совет Народных Комиссаров, то есть советский кабинет министров, и Центральный Исполнительный Комитет, возглавляемые председателем Калининским, не принимали участия в политической игре Сталина – Канделаки. Для советских внутренних кругов, конечно, не было секретом, что Сталин стремился к взаимопониманию с Гитлером. Прошло почти три года с ночи кровавой чистки в Германии, которая убедила Сталина уже в тот момент, когда произошла, что нацистский режим прочно стоит у власти и что необходимо прийти к соглашению с сильным противником. Теперь, в апреле 1937 года, после возвращения Канделаки в Москву Сталин был уверен, что союз с Гитлером дело решенное. В тот момент, когда шли переговоры с Гитлером, он уничтожал своих старых товарищей, объявив их немецкими шпионами. Он узнал, что в настоящее время Германия не представляет для него реальной угрозы. Путь для чистки Красной Армии был свободен...» [11].

В этом отрывке у Кривицкого, по крайней мере, две ошибки. Одна, не принципиальная, связана с вышеупомянутым «Рудольфом». Нетрудно выяснить, кем был этот человек. Ответ можно найти в книгах [12,13]. Речь идет о Гордоне Борисе Моисеевиче, который в 1933 году был переведен на работу в ИНО ОГПУ. С декабря 1934 года он – легальный резидент ИНО в Берлине («Рудольф», «Густав») под прикрытием должности сперва пресс-атташе, а с августа 1935 года – 2-го секретаря полпредства СССР в Германии. Привлек к сотрудничеству с советской разведкой ряд ценных источников, в том числе крупного чиновника Министерства экономики доктора Арвида Харнака («Корсиканец»), возглавившего позднее подпольную антифашистскую сеть «Красная капелла». Помимо разведывательной деятельности Б. М. Гордон действовал и на должности прикрытия, работая с контингентом советской колонии в Германии, насчитывавшей в тот период около 2 тысяч человек. Избирался секретарем парткома полпредства и парторгом колонии. В феврале – марте 1937 года в этом качестве присутствовал на печально известном пленуме ЦК ВКП (б) в Москве, открывшим фазу самого интенсивного «ежовского» террора. В мае 1937 года отозван в Москву. 20 июня 1937 года арестован. 21 августа 1937 года по обвинению в шпионаже и «за связь с врагом народа Артузовым» комиссией в составе наркомвнудела, Прокурора СССР и Председателя ВК ВС СССР приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Вполне вероятно, что Гордон был в Москве и в начале апреля 1937 года, о чем написал Кривицкий. Однако, он не сопровождал Канделаки, который также оказался в Москве в апреле 1937 года после отзыва из Германии вместе с советским полпредом в этой стране Я. З. Сурицем.

Вторая, принципиальная, ошибка заключается в том, что Канделаки не встречался с Гитлером и другими лидерами нацистов, не привез с собой проект соглашения с нацистским пра-

вительством. В тот момент Сталину удалось лишь с помощью Канделаки довести до сведения нацистского руководства, что он, Сталин, в принципе готов к установлению дружественных отношений с Германией. После этого Сталину оставалось лишь ждать, когда и у Гитлера возникнет такая же готовность (и она, как хорошо известно, возникла у Гитлера в процессе подготовки нападения на Польшу. Что же касается «чистки» Красной Армии, то Сталин считал весной 1937 года, что у него есть на это время и без соглашения с Гитлером: перед военным столкновением с СССР, которого Сталин хотел бы избежать, Гитлеру нужно было присоединить Австрию, захватить Чехословакию и Польшу...

Специалист по истории советской разведки (и сам ее сотрудник) И. А. Дамаскин причислял Канделаки к «личным разведчикам» Сталина: «... Некоторые авторы утверждают, что у Сталина действительно была личная разведка и даже был начальник личной разведки и контрразведки в генеральском звании. Официальными документами это не подтверждается, хотя мир Сталина полон такого множества тайн, что возможно все. Но скорее всего, никакой формальной службы такого плана не существовало. В то же время были люди, выполнявшие секретные разведывательные задания Сталина. Они числились по другим ведомствам, а задания Сталина носили разовый характер. Отчитывались они только перед Сталиным, и только он давал оценку их работе и решал их судьбу. Вот несколько человек из плеяды „личных разведчиков Сталина“, если их можно назвать таковыми ... (вслед за Канделаки И. А. Дамаскин упоминает в этом ряду Г. А. Астахова, Б. А. Рыбкина... – прим. авт.). Давид Владимирович Канделаки (1895—1938), знакомый со Сталиным еще с дореволюционных времен, когда-то был членом партии эсеров, после революции стал большевиком, наркомом просвещения Грузии. В 1934 году Сталин вызвал его в Москву и направил в качестве торгпреда в Швецию. Но там он проработал недолго, это было как бы его стажировкой на зарубежной работе. Он выдержал экзамен, оставив у полпреда Коллонтай прекрасное впечатление о себе. После возвращения Канделаки в Москву Сталин снова принял его и имел с ним продолжительную беседу. О чем шла речь на ней, мы можем только догадываться. Дело в том, что с приходом Гитлера к власти сразу же стали ухудшаться советско-германские отношения. Германия решительно порвала с традициями Рапалло, которые были основой политического и экономического сотрудничества двух стран. Такое развитие событий шло во вред интересам СССР, но Сталин еще надеялся спасти положение. В своих выступлениях он не был особенно резок. На XVII съезде партии он говорил: „Конечно, мы далеки от того, чтобы восхищаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной“... В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом он подчеркнул свое личное дружелюбие к Германии и немецкому народу. Однако резко антисоветские высказывания Гитлера и не менее резкая отповедь, которую давала ему советская пресса (конечно же с ведома Сталина, не желавшего „терять лицо“), не позволяли искать какого-то нового сближения с Германией на официальной основе. Требовалось делать шаги, которые предпринимались бы в обход государственных дипломатических органов. Именно этим, по заданию Сталина, и должен был заняться Давид Канделаки. В 1935 году он был направлен в Германию в качестве торгового представителя...» [14]

Здесь тоже приходится сделать поправки:

- Давид Канделаки сменил пост наркома просвещения Грузии на должность торгпреда СССР в Швеции уже в 1930 году и прибыл в Стокгольм 8 июля 1930 года, еще до того, как 20 июля 1930 года А. М. Коллонтай была назначена официально полпредом СССР в Швеции [15]. Возможно, кандидатуру Канделаки поддержал перед Сталиным и А. И. Микоян (один из двух не расстрелянных бакинских комиссаров, вторым был Самсон Канделаки, один из мно-

гочисленного рода Канделаки), его наркомат торговли 22.11.1930 был разделен на два наркомата: внутренней торговли (Микоян) и внешней торговли (Розенгольц),

- назвать пребывание Канделаки в Швеции в 1930 – 1934 гг. стажировкой неправильно: когда Сталин считал нужным, дипломатическая квалификация роли не играла, тому примеры: полпред СССР в Германии Мерекалов – инженер по холодильному оборудованию, еще один полпред СССР в Германии Шкварцев – бывший директор Текстильного института, полпред СССР в Финляндии Деревянский – директор электродного завода,

- Канделаки, как будет видно далее, не нуждался в хороших отзывах Коллонтай, наоборот, Коллонтай искала расположения Канделаки, вхожего к близким родственникам Сталина и к самому вождю.

Упомянем также о появлении имени Канделаки на страницах книги Э. Радзинского [16]. Здесь загадочный Фудзи (очень похожий на С. И. Кавтарадзе, врага-друга Сталина) вспоминает о Канделаки: «... в нашем торгпредстве появился странный человек – некто Давид Канделаки. (Это был наш с Кобой давний знакомый. С шестнадцати лет он участвовал в Революции, был боевиком. После Революции стал наркомом просвещения в Грузии). По непривычно свободному поведению „странного“ Канделаки становилось понятно, что он – личный агент Кобы. Только личный посланец Самого мог затеять сверхсекретные переговоры с Ялмаром Шахтом, главой рейхсбанка, о возобновлении торговых отношений СССР с фашистской Германией. Да еще в разгар яростных официальных взаимных проклятий! Переговоры продвигались успешно, и в них участвовал Герберт Геринг, брат Германа Геринга, работавший у Шахта. Герберт передал Канделаки слова самого Геринга: „На самом деле мы не питаем ненависти к Стране Советов. Фюрер и руководство рейха питают ненависть к мировой буржуазии и к мировому еврейству, злойной опухоли человечества. В Германии весьма позитивно оценили то, что товарищ Сталин вывел большинство евреев из руководства СССР. Руководство рейха все больше думает, что пришла пора поговорить о союзе против жадной мировой плутократии во имя мира во всем мире...“ (То же потом повторит Муссолини!) И уже тогда Шахт заявил: „Очень многое в наших взаимоотношениях могло измениться, если бы состоялась встреча Сталина с фюрером! Фюрер высоко ценит Сталина“. Однако слухи о переговорах просочились в прессу, и тотчас переговоры свернули. Слишком много знавший Канделаки по возвращении в СССР, как и положено, исчез. (Помню, впоследствии, году в сорок седьмом, я спросил Кобу о нашем хорошем знакомом. Коба только вздохнул: „Не выдержал за границей твой Канделаки, шпионом стал. Кстати, наговорил следователю, будто ты тоже шпион. Я велел сказать ему: „Не важно, что Фудзи шпион, важно, что человек хороший“, – и шутник Коба засмеялся. – Но твой Канделаки был плохой человек. Ликвидировал его Николай (Ежов). Может, и поторопился, но сам знаешь, какая у вас быстрая, решительная организация!“») [16].

Итак, наш герой – Давид Владимирович Канделаки (1895, с. Кулаши Кутаисского уезда и губернии – 29.07.1938, расстрелян). Член партии эсеров с 1912 года, с 1918 года – член РКП (б). Был лично знаком со Сталиным с дореволюционного времени. Нарком просвещения Грузии в 1921—1930 гг. Торговый представитель СССР в Швеции (5.1930 – 12.1934 гг.) и в Германии (12.1934 – 4.1937 гг.) (в 1932 – 1934 гг. торгпредом в Германии и одновременно заместителем наркома внешней торговли был Израиль Яковлевич Вейцер, который, будучи евреем, уже не мог эффективно вести переговоры в нацистской Германии). Заместитель наркома в Наркомате внешней торговли СССР с апреля по сентябрь 1937 года. В начале апреля 1937 года было опубликовано сообщение об освобождении Д. В. Канделаки от обязанностей торгпреда СССР в Германии и в том же номере газеты публиковалось постановление Президиума ЦИК СССР о его утверждении заместителем наркома внешней торговли СССР. Вместе с Канделаки 5 апреля 1937 года был отозван и полпред СССР в Германии Я. З. Суриц, который

7 апреля 1937 года был освобожден от должности полпреда СССР в Германии и переведен полпредом во Францию. Отзыв Д. В. Канделаки и Я. З. Сурица был вызван утечкой информации, организованной немецкой стороной, о миссии Канделаки. 10 июля 1935 года он был награжден орденом Ленина. Арестован 11 сентября 1937 года в Москве и приговорён 20 июля 1938 года к расстрелу. Расстрелян 29 июля 1938 года на спецобъекте «Коммунарка». Реабилитирован 26 мая 1956 года [17,18].

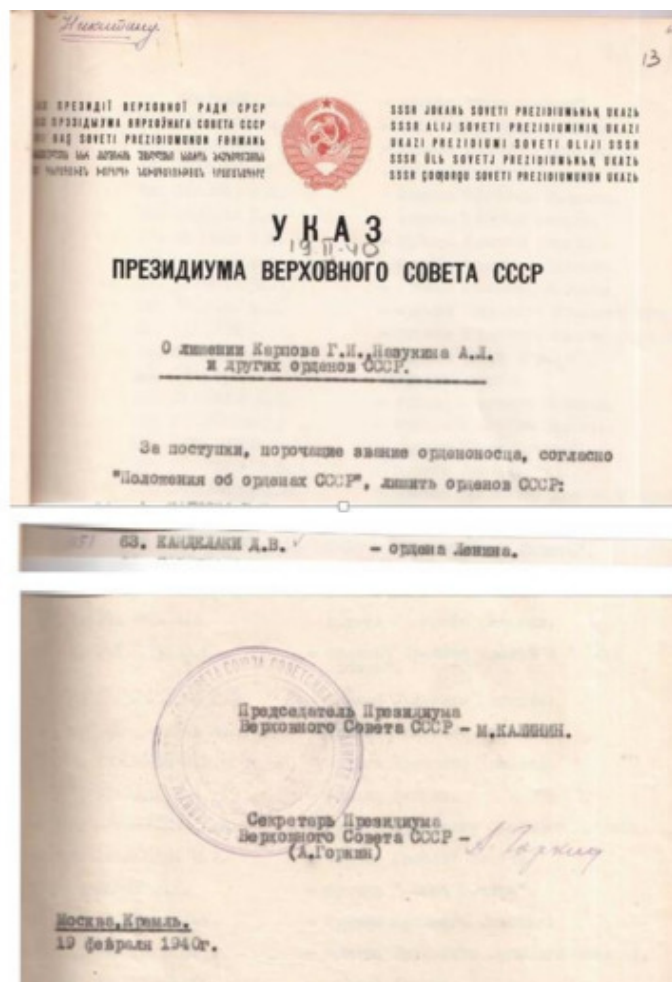
Дело о награждении Канделаки орденом Ленина

«Германская миссия» Давида Канделаки наиболее подробно и точно описана Л. А. Безыменским [19]. Здесь же будет кратко рассмотрена «шведская миссия» Канделаки (1930 – 1934 гг.), о которой до сих пор есть лишь отдельные, отрывочные, не всегда точные сведения. *С момента назначения торгпредом в Швецию Канделаки уже стал «личным разведчиком» Сталина. Это подчеркивает важность его «шведской миссии», подкрепляя тем самым, по мнению автора, версию о «шведской спичке» в деле Рауля Валленберга (см. главу 14).* Действительно, обратим внимание на дату награждения Канделаки орденом Ленина. А. И. Ваксберг писал в своей книге [20]: «И выгодный Германии торговый договор заключил, конечно, не по своей воле, а все по той же, по той же... За этот договор Канделаки сначала был награжден орденом Ленина, потом за него же – расстрелян.» Никакого договора Канделаки не заключал [19], **а орденом Ленина был награжден не в 1937, а в 1935 году** (см. Постановление Президиума ЦИК СССР *от 10 июля 1935 года* и дело о награждении №КЗ-845/118 [21]) с формулировкой **«за выдающиеся заслуги, энергию и инициативу в области внешней торговли.»** *Это важно: Канделаки покинул Стокгольм лишь в январе 1935 года (запись в дневнике Коллонтай от 14.01.1935 [8]): значит орденом Ленина он был награжден не за будущую «германскую миссию», а за уже выполненную – «шведскую миссию»!*

Постановление ЦИК СССР о награждении Канделаки

(Лишили Канделаки ордена, уже мертвого, Указом Президиума ВС СССР от 19.02.1940 «за поступки, порочащие звание орденосца...»)

Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Канделаки ордена Ленина

В эти годы основная работа Коллонтай также лежала в сфере торговых отношений между СССР и Швецией. Кто из них был главным в этом тандеме? Никто, наверное, не сможет ответить на этот вопрос в наше время. Все дипломатическое прикрытие было на Коллонтай, Канделаки же вел всю практическую работу и всю тайную деятельность (таковая была!) по достижению поставленных целей.

Видимых целей было три (в порядке возрастания их значимости):

- возвращение в СССР русского золота,
- заключение торгового договора с соответствующими кредитными рамками,
- заключение лесоторгового соглашения между СССР, Швецией и Финляндией об экспортных квотах.

Среди не называемых явно целей были:

- борьба против «спичечного короля» Ивара Крейгера и
- возможное сближение с финансово-промышленной «сферой Валленберг» (это способствовало бы достижению вышеперечисленных целей) и наблюдение за ее деятельностью.

Все это делалось для достижения главной цели, которую П. А. Судоплатов описал так [22]: «Мало кто знает о попытке Сталина и Молотова создать три „буферные зоны“ отношений с капиталистическим миром. Советская разведка и дипломатия действовала по трем направлениям ведения тайных переговоров о разделе сфер влияния и противодействию агрессии Германии и Японии – в Центральной Европе, Скандинавии и Китае. В Финляндии мы активно поддерживали политические партии, в частности мелких хозяев, которые выступали за то, чтобы Финляндия и Швеция стали посредниками между странами Запада и Советским Союзом в открытии постоянного коридора для поставок советского сырья в Европу. Наш посол в Швеции А. Коллонтай неоднократно высказывалась в доверительных беседах о необходимости установления особых отношений между СССР и Скандинавией. В обмен на гарантированный благожелательный нейтралитет наша страна готова была предоставить серьезные экономические льготы для Швеции и Финляндии, включая даже право реэкспорта древесины, нефтепродуктов из СССР в третьи страны.»

История с золотом была такова. В ходе Первой мировой войны на Россию постоянно оказывали давление Великобритания и другие ее союзники, требовавшие дополнительных поставок российского золота как условия предоставления военных кредитов на межгосударственном уровне. России в первые два года войны удавалось сдерживать эти устремления Запада. Там, где возможно, она прибегала для финансирования военных закупок к средствам, которые не требовали перевода за границу драгоценного металла (коммерческие кредиты, государственные кредиты от США и Японии). Однако в дальнейшем золото стало уходить из казны за пределы страны, прежде всего в Великобританию. В ходе войны Россия перевела в Банк Англии 498 т золота; 58 т вскоре были проданы, а остальные 440 т лежали в сейфах Банка Англии в качестве обеспечения. После февральской революции Временное правительство также успело внести свою лепту в вывозе золота за рубеж: буквально накануне октябрьского переворота оно отправило партию золота в Швецию для оплаты будущих военных заказов (на сумму 4,85 млн. зол. руб., т.е. около 3,8 т металла). Можно было забыть о возвращении золота, посланного в Великобританию в 1914—1916 годах. Оно было полностью потрачено на военные заказы. Однако следовало вернуть 187.800.000 золотых рублей, отправленных в Великобританию накануне Февральской революции, и 4.850.000 золотых рублей, вывезенных в Швецию в октябре 1917 года. «Царское» золото неоднократно фигурировало в качестве одной из «карт» при различных переговорах СССР с Великобританией и некоторыми другими странами, которые в годы первой мировой войны входили в Антанту. Вопрос о «царском» золоте обсуждался на Генуэзской конференции в 1922 г. в контексте урегулирования взаимных претензий Советской России и стран Антанты (переговоры, как известно, завершились безрезультатно). Запад исходил из того, что отказ СССР от долгов царского правительства означал автоматически также отказ от каких-либо прав СССР на «царское» золото. Однако долгов

царского правительства перед Швецией не существовало и эти почти пять миллионов золотых рублей (десять миллионов тогдашних шведских крон) следовало вернуть, чего не удалось сделать бывшему полпреду Коппу. Золото лежало на хранении в семейном банке Валленбергов.

31 марта 1931 года А. М. Коллонтай пишет в дневнике по этому поводу: «Собственно, вопрос этот был поднят Союзом еще в 27-м году, но переговоры сорвались. Сейчас Союзу нужна валюта, и нам задана задача получить от финансовой династии Валленбергов золото, принадлежащее советскому правительству по праву, так как вложены были слитки в их банк русским государством. Трудность в том, что операция эта производилась не Государственным банком, а через частный Азовский банк. Пущу в ход Брантинга. Он найдет как обойти юридические крючки. Но дело это усложняется еще и тем, что сейчас же всплывают вопросы о „претензиях“ шведов к России за понесенный ими ущерб во время революции. Дело это надо еще очень обмозговать и снести с Литвиновым! Но повидать кого-либо из Валленбергов не помещает. Другими словами, поставить на очередь вопрос о золоте и его получении или производстве расчета.» [8]

В конце марта 1931 года состоялся первый серьезный контакт Коллонтай со «сферой Валленберг». Об этом также рассказывает запись в дневнике полпреда от 31 марта 1931 года. «...В конце марта была еще на обеде у кронпринца. На обеде во дворце у меня вышел интересный разговор со стариком Маркусом Валленбергом – старший в этой „некоронованной династии“ шведских финансистов (*это не совсем так: председателем совета директоров семейного банка „Стокгольмс Эншильда Банк“ (SEB) в то время был старший брат Маркуса, Кнут Агатон Валленберг, а генеральным директором – Якоб Валленберг, сын Маркуса, но, конечно, Маркус Валленберг-ст. имел большой вес на семейных советах „сферы Валленберг“.* – прим. авт.). Валленберг с церемонной любезностью вел меня под руку к столу как мой кавалер за обедом. Это было устроено неспроста, а чтобы дать нам возможность побеседовать на темы, которые занимают нас обоих. Кронпринц активно в политике не выступает, но всегда в курсе вопросов, занимающих влиятельные сферы...» [8]. Далее Коллонтай рассказывает об обсужденных за этим обедом вопросах: о русском золоте, хранящимся в подвалах SEB и о необходимости решить вопрос о возвращении этого золота в СССР; о лесоторговом соглашении, призванном согласовать экспортные квоты Швеции, Финляндии и СССР: «... Маркус Валленберг сам заговорил о золоте, хранящимся в его банке. „Пока дело с золотыми слитками не будет урегулировано, Эншильда-банк не станет поддерживать советские экономические начинания в Швеции. Вы, русские, мечтатели и может быть хорошие философы, но в экономико-финансовых делах вы „безграмотны“, – не без раздражения вырвалось у него. – У вас всегда столько разговоров и переговоров, а до конкретных результатов дело не доходит. Мне зондажи русских надоели, с 27-го года все зондируете и ничего практически нам не предлагаете. Надо же, наконец, решиться на прямое деловое предложение банку, тогда и мы поговорим с вами по серьезному и по деловому.“ Из этой беседы о золоте я поняла, что нам надо будет обращаться к Валленбергу с нашим конкретным предложением и что в принципе он на переговоры готов идти. Поговорили с Валленбергом и о лесном соглашении. Валленберг признал выгоду лесного соглашения и для Швеции. Конечно, напирал на те убытки, которые в Швеции и мы понесли на низких ценах на пиломатериалы. Он сказал: „Если вы думаете разорить нас и этим путем добиться у нас коммунизма, то вы ошибаетесь. Шведская промышленность достаточно гибка, чтобы перестроиться и уйти от отраслей лесного дела с падающим индексом цен. Но если вы серьезно намерены удерживать цены от дальнейшего падения, единственный выход – это соглашение.“ Это уже плюс. Эншильда-банк – мощный финансовый центр, крупнейший во всей Швеции.» [8]

Через месяц, 30 апреля 1931 года, Коллонтай побеседовала и с гендиректором банка SEB Якобом Валленбергом [23]. «У меня был на завтраке сын Валленберга, Якоб, содиректор Эншильда-банк. По поводу золота как будто бы вопрос начинает приобретать конкретные формы. Мы им на днях сделаем свое предложение. То, на чем настаивают Валленберги для нас абсолютно неприемлемо. Они сводят вопрос о золоте к расчетам по старым претензиям частного Азовского банка к русскому правительству. Я решительно отклонила этот вопрос. Разговаривать с нами на базе чьих-либо претензий мы не будем. Надо решить вопрос о золоте на новых началах. Второй пункт беседы с Валленбергом касался лесного соглашения... Но все же решающую роль в соглашении по лесу играет Ивар Крюгер (*так имя „спичечного короля“ произносится по-шведски, однако в литературе на русском языке принято писать это имя как Ивар Крейгер. – прим. авт.*) – „спичечный король“. Династия Валленберг во вражде с Иваром Крюгером, они конкуренты и ненавидят друг друга. Валленберги считают, что такую мощную старую фирму, как Эншильда-банк, вытесняет Скандинависка банкен во главе с Крюгером. „Как бы ни казались эффектно мировые комбинации Крюгера, настанет день, когда вы убедитесь и вся Швеция узнает, что Крюгер работает „бронзовыми векселями““, – слова Якоба Валленберга. После завтрака Валленберг прислал мне огромный букет цветов. Это означает, что переговоры с Валленбергами могут дать результаты и по золоту и по лесу. Я – за „династию“ Валленберг! Торгпредские и наш банк стоят за Крюгера, т.е. что надо начинать именно с него.» [8]

Вслед за тем, как эти записи появились в дневнике, состоялись встречи с Коллонтай с банкирами Валленберг и она свой выбор сделала, соответственно информируя Москву. С этого времени Сталин, еще несколько человек в советском руководстве, внешней разведке ИНО НКВД и Разведупре Генштаба РККА обратили внимание на «сферу Валленберг».

А. М. Коллонтай и далее в 1931 году фиксирует в дневнике курс на сближение с Валленбергами. 6 июня 1931 года: «... Торгпред согласился перенести учет векселей Советско-Шведского банка (АБН) в Эншильда-банк. Уже проводятся первые операции. Приняли мы это решение не только по хозяйственно-оперативным соображениям, но я считаю, что это может оказаться полезным при переговорах по лесу и облегчит вопрос о золотых слитках.» 27 августа 1931 года: «... Дело о слитках в Эншильда-банке на мертвой точке. Однако с этим банком наши связи крепнут. Общество „Нафта“ перенесло в Эншильда-банк учет векселей, тоже полезно. Связь с Валленбергом нам особенно нужна сейчас, в связи с переговорами о лесе.»

Вопрос об этом золоте был решен чуть более чем через два года. Об этом рассказывает запись в дневнике Коллонтай от 20 июня 1933 года: «Я еще не записала о золоте и волнениях последних дней. Золото... Как эти слитки мне надоели и как еще больше надоели все эти буржуазные подвохи, хитрости кабинета, враждебность буржуазных партий... Все уже позади, но записать надо, целая эпопея вокруг русских слитков золота. Переговоры о займе неотделимы от переговоров о золоте. Золото – старая проблема. Я занялась ею чуть ли не с первых дней приезда в Швецию, в 30-м году. Золотые слитки стоимостью в десять миллионов крон положены были еще Временным правительством в 1917 году в Эншильда-банк в обеспечение военных заказов, но вложение было сделано не Госбанком, а через Азовско-Донской банк (письма с подписью Терещенко и др. имеются). Все полпреды по очереди принимались за это дело. Но Валленберги упирались со ссылкой на то, что формально вложение совершено не Госбанком, а Азовско-Донским, т.е. „частным“ банком, с которым у Эншильда-банк имеются свои незаконченные расчеты... Шведское правительство было заинтересовано, так как между советским и шведским правительствами висел все еще не ликвидированный расчет о русских долгах по Красному кресту – перевозку пленных через Швецию... Семнадцатого или восемна-

дцатого мая МИД меня вызвал и мы с Сандлером, наконец, подписали соглашение о возврате Союзу золотых слитков с расчетом покрытия нашей задолженности шведскому правительству (они хорошо заработали!) и даже Эншильда-банку за „администрирование“ или хранение золота (это уже грабеж, но иначе нельзя было) ...Получаю от Мещерякова телеграмму в Москве: соглашение по золоту встречает сопротивление парламента... Вячеслав Михайлович недоволен, он особенно интересовался золотом: „Надо, чтобы соглашение прошло через парламент“...„Шансов мало“. *Но торгпред в Стокгольме, и он развивает поистине гигантскую энергию*... Наконец, звонок ко мне из НКВД: парламентская комиссия дала согласие на получение нами золота из Эншильда-банка и на передачу Союзу причитающейся ему части. Договор с парламентом одобрен. Значит, и дело закончено и снято с баланса забот. Соглашение и вся работа вокруг золота вписана в мой трудовой актив. Собственно, вписываю его я сама. На мою долю никаких поощрений не выпало, хотя это дело провела я. Вопрос о золоте я вычеркиваю из своих дум.» [8]

Экономический кризис начала 30-х годов привел к падению цен на лес, а лес был важнейшим источником получения валюты. Экспорт хлеба стал невозможен в результате коллективизации и раскулачивания. Советский Союз вывозил лес низкого качества и в больших количествах, но задешево. Конкуренты – финны и шведы – также сильно зависели от этого экспорта. Для Финляндии торговля лесоматериалами составляла половину всего экспорта. Финны и шведы обвиняли Москву в демпинге. Устраивали бойкот советским товарам. Призывали не покупать русский лес, поскольку его велят заключенные. В СССР раскулаченных крестьян отправили на самые тяжелые работы в лесную промышленность, ссыльных стариков, подростков и детей использовали на лесозаготовках, женщин – на раскорчевке земель. В составе НКВД образовали Главное управление лесной промышленности, где рабочую силу составляли заключенные. Такие обвинения грозили введением экономических санкций, что могло оставить страну совсем без валюты. Поэтому решили договориться с финскими и шведскими фирмами, закрепить за каждой страной квоты на вывоз леса. В Москву вызывали полпредов в Финляндии И. М. Майского и в Швеции – А. М. Коллонтай.

«Нараставшая на Западе кампания против закупок русского леса, который добывается «бесплатным трудом каторжников», вызывала в Москве тревогу и подстегивала ее в желании ускорить достижение компромисса.

20 февраля 1931 г.

Решение Политбюро 1/17 – О соглашении с Финнами и шведами по лесоэкспорту (ПБ от 20.1.31 г., пр. № 24, п.4/11) (т. Сталин).

а) Констатировать, что постановление Политбюро от 20.1.-31 г. о соглашении с финнами и шведами по лесоэкспорту Наркомвнешторгом ни в какой степени не выполнено.

б) Поручить СНК СССР принять меры к тому, чтобы Наркомвнешторгом было выполнено постановление Политбюро от 20.1.-31 г. о соглашении с финнами и шведами по лесоэкспорту.

Выписки посланы: т. т. Молотову, Розенгольцу.

Протокол №27 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 25.2.1931 – РГА СПИ. Ф.17. Оп. 162. Д.9. Л. 138

За месяц, истекший со времени предшествующего решения Политбюро НКВД не удалось достичь никаких результатов в этом направлении. Новое постановление не привело к решительным переменам.» [24]

Проблема лесоэкспорта и госкредитов появляется на страницах дневника Коллонтай 14 и 31 марта 1931 года: «На очереди актуальная задача экономико-политическая: лесное соглашение со Швецией и Финляндией – основными экспортёрами леса на мировой рынок. А вследствие кризиса общего дела на лесном рынке ухудшаются. Мы, т. е. Советский Союз, в этом году вышли на лесной рынок с крупными предложениями лесного товара. (Нам нужна и очень нужна валюта). Конечно, наши конкуренты подняли гвалт, что мы сбиваем цену, что пользуясь „бесплатным трудом каторжников“, мы способны выбить шведов и финнов с завоеванных ими лесных рынков. Газетная кампания по поводу демпинга, гнусная, настойчивая, нервирует. Компания против нас, пользуясь конкретным и понятным всякому шведу объектом – лес, разрастается и портит наши отношения со Швецией. Лесоэкспортёры решили обратиться в риксдаг с запросом правительству по поводу „русского демпинга, разоряющего страну“. Стокгольмская группа лесоэкспортёров предлагает следовать примеру Канады и не покупать советские товары... Наркомвнешторг зондирует у нас вопрос о займе в Швеции, но пока не разрешена лесная проблема, об этом речи не может быть. Будь у нас соглашение по лесу, на политику шведов не может повлиять даже финансовый международный кризис. Их банки полны фондами. Это вторая по важности экспортная статья, превалирующая порой над рудой (знаменитая шведская руда Кируны). И если будет соглашение по лесу, на политику Швеции не может оказать влияние даже финансовая политика „великих держав“ в отношении СССР... Настроение для соглашения у шведов далеко еще не таково, чтобы заставить Крюгера уже искать соглашения с нами. Однако лесоэкспортёры щупают почву. Мы тоже наблюдаем за ними и выжидаем... Влиятельная группа лесопромышленников... старается добиться от парламента запрета ввоза в Швецию русского леса – осины, для фабрикации знаменитых шведских спичек нужна наша осина, шведская осина хуже. Во ввозе нашей осины заинтересована группа лесопромышленников, связанная с Крюгером. Я уверена поэтому, что из нагло открытой компании... против советского импорта ничего не выйдет... Если в январе по приезде из Москвы я считала вопрос о госгарантии СССР со стороны шведов совершенно невыносимым, то сейчас об этом вопросе поговаривают уже в банковских и промышленных кругах. Это еще только намётка. А пока не будет разрешен вопрос о соглашении по пиломатериалам, рассчитывать на получение госкредитов не приходится. Наша задача здесь пока сводится к тому, чтобы изучить, на какие хозяйственно-промышленные и банковские круги нам держать курс в Швеции, на кого мы можем рассчитывать и какие заказы для нас выгоднее всего сделать именно в Швеции.» [8]

«В начале апреля шведская печать сообщила о возможности достижения договоренности между шведскими лесоэкспортёрами и «Экспортлесом»... Одним из главных сторонников подобного соглашения Рюдбек назвал Акселя Валленберга (*один из директоров SEB – прим. авт.*)), их основным оппонентом являлся глава объединения шведских лесоэкспортёров Вильгельм Экман (*группа Крюгера – прим. авт.*)).

Экономический кризис вынуждал Москву искать любых, даже самых незначительных источников поступления валюты. По словам Б. С. Стомонякова, понятие «второстепенного экспорта» (ягоды, грибы, раки, муравьиные яйца, обрезки кожи и т. д. и т.п.) утратило смысл, все стало «первостепенным». Сторонникам сближения СССР со Швецией и Финляндией оставалось сетовать на то, что в Москве к лесной проблеме подходят только с точки зрения выгод нашего экспорта, забывая, что хорошие отношения с финскими и шведскими лесоэкспортёрами – база для советской политики на Севере Европы. Осенью 1931 г. при обсуждении (по инициативе А. П. Розенгольца и Данишевского) вопроса о переговорах со шведскими лесоэкспортёрами на Политбюро было решено требовать предоставления кредита на шесть лет

в размере 15 млн. долларов, если советская квота составит 48%, или 20 млн., если квота будет не ниже 40% (без учета продаж леса на Дальнем Востоке). Новая переговорная позиция также не привела к соглашению с финскими и шведскими экспортерами. Желание заставить конкурентов быть более покладистыми, побудило А. П. Розенгольца предложить в декабре 1932 г. Политбюро следующую тактику: затягивать переговоры, не идя на их срыв, при этом одновременно форсировать продажу советского леса на европейском рынке, не останавливаясь перед некоторым снижением цен. Политбюро согласилось с предложением А. П. Розенгольца.» [24]

16 ноября 1935 года в Копенгагене все-таки было заключено соглашение о регулировании вывоза леса на иностранные рынки и согласовании цен. Подписали его восемь стран: СССР, Швеция, Финляндия, Польша, Румыния, Югославия, Чехословакия и Австрия. Это был результат работы нескольких лет полпреда Коллонтай и торгпреда в Швеции Канделаки. Читаем об этом в дневнике Александры Михайловны:

2 ноября 1935 года.

«Теперь впрягаюсь снова в лесные переговоры, надеюсь, в последний раз. Они начались в июне 1931 года, потом почти на два года заглохли, но сейчас лесное соглашение снова конкретно стоит в порядке дня нашей работы в Швеции, хотя в другом плане. Это уже не трехстороннее соглашение (важное политически), как намечалось четыре года тому назад, а соглашение с рядом экспортирующих стран Европы... Ждем делегата из Москвы на лесную конференцию. Конференция будет происходить в Копенгагене и наш торгпред поедет туда (*Канделаки в это время уже торгпред в Германии, речь идет о новом торгпреде – Непомнящем Л. Л. – прим. авт.*). Он и подпишет лесосоглашение, над которым я в свое время столько поработала...» [8]

17 ноября 1935 года.

«Вчера, 16 ноября, лесное соглашение подписано в Копенгагене. Работа многих лет завершена. Каков будет результат? Но стоило это соглашение многих бессонных ночей и немало энергии и нервов. Лесным соглашением шведы довольны. Я не очень. Это совсем не по той линии, как мы тогда задумали. Но может оказаться выгодным нам в вопросе валюты. И это неплохо...» [8]

Важное место в дипломатических дневниках Коллонтай в 1931—1932 гг., до самой его смерти 12 марта 1932 года, занимает наблюдение за Иваром Крейгером.

6 июня 1931 года: «Брантинг только что вернулся из Франции. Он сообщил, что узнал: В Париже только что был Крюгер и вел переговоры с французскими финансистами о кредитах шведам для возмещения СССР при лесном соглашении с нами... Но при чем здесь Крюгер? Он же до сих пор противился соглашению и всячески его тормозил? Переговоры с нами ведутся лесо-экспортерами не его группы, а той, что связана с Эншильда-банк и группой Прютца (Экспортфоренинг)...»

12 июня 1931 года: «...Я рассказала Прютцу о том, что передавал мне Брантинг о Крюгере в Париже. Прютц ничего не сказал, но лицо его стало серьезным и он задумался. Что-то за этим кроется? Надо разузнать...»

27 августа 1931 года: «...Беспокоят меня и сведения о том, что „спичечный король“ обходными путями тормозит наши переговоры. Ходят слухи..., что Крюгер сам не прочь

заклЮчить с нами соглашение по лесу с весьма выгодными для нас условиями, включая обширные банковские кредиты. Но мы осторожничаем и на явно зондажные слухи не реагируем...»

10 октября 1931 года: «После нескольких дней тревог и неопределенности сегодня телеграмма, разрешают мне и полпреду ехать в Москву для выяснения всей сложной и трудной проблемы по лесосоглашению... После настойчивых зондажных слухов о том, Крюгер предлагает нам проект объемистого и якобы выгодного для нас соглашения по лесу плюс кредиты, „его человек“, директор банка, передал торгпредству проект этого договора, написанный от руки и с подчеркиванием слов „секретно“ и „предварительно“. Я вызвала Прютца, полагаясь вполне на его „дискретность“, так как он крайне заинтересован, чтобы переговоры с возглавляемой им группой лесоэкспортеров состоялись, обойдя Крюгера и его подголосков. Прютц внимательно рассмотрел предложение спичечного короля и признал, что проект Крюгера „если он осуществим“, мог бы иметь громадное значение не только для нас, но и для экономики Швеции... Крюгер с его необузданным характером и ненормальной смелостью в финансовых операциях и в деле сближения с СССР решительнее, чем это было бы в других условиях, т.е. вне кризиса. Во всяком случае Прютц советовал не торопиться с Крюгером. В его делах появились за последнее время темные пятна, нечто наводящее на подозрение. Прютц считает, что следует выжидать, к январю-февралю 1932 года дела Крюгера выяснятся. Но во всяком случае, Крюгер человек не дискуссий и слов, а простого практического дела. Для СССР полезно заранее выяснить свое отношение к его предложению, взвесить и то, что этим срывается соглашение Союза со шведами и финнами по лесу, как оно намечено сейчас Экспортфоренингом. Что для Москвы выгоднее, пусть сами взвешают. Хотя Прютц прямо и не сказал о финансовой неустойчивости банка Крюгера и подозрительности его финансовых операций, но мы сами это чувствуем и учитываем. Недавно были сильные колебания биржевых бумаг Крюгера. Газеты тотчас же подхватили это и пустились обвинять Москву, что мы „подрываем“ престиж „великого шведа“ Ивара Крюгера и ловкими ходами способствуем падению его акций... В Москву надо ехать подкованными и иметь свое мнение: соглашение ли по лесу (конечно, с возмещением квоты) с лесоэкспортерами, связанными с Экспортфоренингом, и этим политически привязать к нам широкие круги шведов и финнов, или принять более выгодное финансовое предложение Крюгера, но политически менее важное. По кратким ответам Литвинова чувствую, что он будет за первое, а Наркомвнешторг – за второе... А что все-таки значит предложение Крюгера? Что „спичечный король“ уже на коленях? Или это маневр?»

30 октября 1931 года: «Вот мы и вернулись из Москвы. Вернулись обнадеженные, что лесными переговорами у нас интересуются. Установку дали ясную и точную. Вопрос о лесном соглашении со шведами и финнами плюс предложение „известной мировой фигуры“ рассматривали на Политбюро. К „известной фигуре“, конечно, отношение настороженное и нам не следует выказывать заинтересованности. С такой постановкой не все на Политбюро были согласны, но у меня отлегло на сердце. До вызова меня и торгпреда на заседание я имела беседу с хозяйственниками, которые к предложению Крюгера отнеслись с явным интересом, „сулит, мол, большим наплывом валюты“. Но на Политбюро председательствовал И.В. [Сталин] и всех поставил на место... Для меня это был большой день, ведь решалась судьба лесных переговоров, на которых мы строим улучшение отношений со Швецией и нашу дальнейшую дипработу там. Литвинов был недоволен решением Розенгольца и торгпреда, внес поправки в данные нам инструкции, которые Сталин принял без возражения...»

13 ноября 1931 года: «Интересующее нас лицо, т. е. Крюгер, неожиданно и срочно уехал за океан. Так и не передали ему ответа на его предложение, привезенного из Москвы. Но так даже лучше. Прютц уверен, что в начале 1932 года финансовые дела Крюгера вполне выяс-

няться. Если к худшему, то не стоило нам вообще вступать с ним в переговоры; если к лучшему – отсутствие ответа на его многообещающее предложение оставляет двери открытой...»

8 декабря 1931 года: «Новое помещение, особняк, куда переехало не все полпредство, а только представительские комнаты и частная квартира полпреда, т.е. моя... когда ухожу после работы, я уже у себя, „дома“. И только вызовут к телефону, если что-нибудь срочное... И не станет торгпред, пришедший в секретный отдел по своим делам, просить принять его „по лесной проблеме“ во втором часу ночи... Одно неприятно: справа от нас вычурный каменный палаццо Крюгера. Говорят, такие палаццо и еще пышнее у него имеются и в Париже, и в Лондоне, и в Нью-Йорке. Кичлив этот финансовый спекулянт. Погляжу из окна голубой гостиной и сквозь ветви старых деревьев, покрытых сегодня инеем, вижу дом Крюгера, и, конечно, мысль опять завертится вокруг лесного вопроса. А надо запастись терпением и ждать 32-го года, по совету Прютца, да и по всей мировой конъюнктуре...»

20 января 1932 года: «...Падение акций на бирже продолжается... Крюгер все еще в Америке, обделывает свои явно пошатнувшиеся дела...»

21 января 1932 года: «...Во Франции падение валюты и безработица. Та же картина по всей Европе, а Крюгер в Вашингтоне успокаивает Гувера, что Европа сумеет преодолеть кризис и выйти из экономического тупика, надо лишь со стороны Америки протянуть руку помощи Германии и, конечно, подкрепить также Скандинавию (т.е. ее банки)...»

13 марта 1932 года: «Телефонный звонок, тревожное событие, еду сегодня же с первым поездом обратно в Стокгольм. Это событие чревато последствиями.»

Конец марта 1932 года: «Выстрел в Париже 12 марта прозвучал на весь финансовый мир и глубоко всколыхнул шведов, связанных с биржевыми бумагами Крюгера. Выстрел отозвался зловещим эхом паники на многих биржах капиталистических стран. „Крюгер, современный Икар (так писали газеты), чьи крылья растопили лучи золота“, Ивар Крюгер, гордость Швеции, покончил жизнь самоубийством в Париже. Эта весть с быстротой молнии пронеслась по миру, и шведов охватила паника. Люди останавливали друг друга на улицах Стокгольма и спрашивали: „Неужели это правда?“. Нервно слушали радиопередачи и, не дослушав, бежали к знакомым. Рантье, отставные военные хватались за голову и вспоминали, что и у них есть спрятанный браунинг. „Лучше могила, чем бедность“. Старушки, превратившие свою вдовью пенсию в акции Крюгера, впадали в истерику и толпились у подъезда Скандинависка банкена; в семьях рантье, рассчитывающих на чудеса быстрого обогащения через „гениального афериста“, проливали слезы утраты... *Но напрасно поддались панике шведы, крах Крюгера не есть еще конец капитализма и не грозит развалом буржуазному миру. Более солидная и менее запутанная в мировых финансах шведская финансовая фирма Валленбергов уже давно бдительным оком следила за Крюгером и его манипуляциями. Валленберги знали, что дела Крюгера пошатнулись, что его жульнические дела, особенно с псевдозаймом Италии, стали известны Уолл-Стриту и что не менее жульнические монополисты США отказались вытащить из ямы своего собрата по воровским проделкам. Хитрые дельцы Валленберги уже давно предвидели, что американцы откажут Крюгеру в новом кредите и что тогда-то и наступит долгожданный момент разоблачить и погубить конкурента. Валленберги имели наготове комиссию по государственному контролю над операциями фирм и банков Крюгера. Когда знаменитый аферист и жулик Крюгер покинул Америку с ее суровым отказом в кредитах, он тоже прекрасно знал, что готовят ему беспощадные конкуренты Валленберги в Швеции: разоблачение обманов, позор и круше-*

ние всей его карточной постройки „чудесного и сказочного быстрого обогащения“. Фальшивые махинации на бирже, „бронзовые векселя“ и проч. Впереди не просто разорение, а позор и тюрьма... Самоубийство Крюгера ошеломило шведов, но паника, вызванная сенсационным выстрелом в Париже, была пресечена на другой же день решительными и быстрыми мероприятиями правительства. Конечно, на такие крутые меры и быстроту действия кабинет Экмана-Хамрина не был бы способен, если бы за его спиной не стояла воля „некоронованного короля“ Швеции – Маркуса Валленберга и им подготовленная комиссия государственного судебного контроля над Крюгером. Первым делом шведское правительство задержало слух о выстреле в Париже почти на сутки. Затем закрыло двери всех банков, причастных к Крюгеру, объявив их подпадавшими под государственную администрацию и мораторий. Это сразу успокоило вкладчиков, так как этим актом государство гарантировало выплату вкладов, не сейчас – так позднее. Затем начались аресты соучастников Крюгера и судебное разбирательство его дела... Вся эта крюгеровская эпопея относительно благополучно заканчивается для Швеции, и разорений меньше, чем ожидали. Шведы люди осторожные, осмотрительные, но крах Крюгера больно ударил по ряду других стран... Полоса волнений, связанных с крахом Крюгера, позади, но налицо несомненный застой в торговых делах Швеции и страх шведов входить в соглашения по торговым делам с иностранными державами... Москва того же мнения: не прерывать формально переговоры по лесу, но не только не форсировать их, а скорее тянуть с нашей стороны... Я с раздражением гляжу сквозь ветви старых кленов на вычурное палаццо Крюгера, дом №13. И хочу, хочу домой!...» [8]

О последнем важном задании для совместной работы Коллонтай и Канделаки рассказывает следующая запись в дневнике Александры Михайловны:

17 марта 1933 года

«Развиваем пары» с торгпредом – новое задание Москвы, новая проблема. Уже не госгарантия, а стомиллионный заем на десять лет. Эта проблема зрела в наших головах уже все последние месяцы, так как госгарантия нас не устраивала, нам надо акцию посерьезнее, посущественнее и более выгодную Союзу... Хамрин передал торгпреду, что он и ряд промышленников «работают» над идеей займа Союзу в сто миллионов крон и на десять лет. Торгпред и я ходили пьяные от радости. Сейчас я уже трезвее смотрю на вещи, особенно, после беседы с рядом лиц, которые могут быть причастны к этому делу. Во всяком случае факт налицо: шведские промышленники заинтересованы «поправить свои дела» и, дав заем нам, получить на сто миллионов заказов со стороны Союза. Торгпред уехал в Москву получить директивы...» [8]

Это было только началом тяжелой работы:

31 мая 1933 года.

«...Два дня длились напряженные переговоры между торгпредом и промышленниками под председательством министра финансов. Торгпред заезжал несколько раз в день посоветоваться со мной и спешил обратно. В конце второго дня наметили базу для переговоров. Сопrotивление встретил десятилетний срок кредитов. При десяти годах промышленники требовали материального обеспечения со стороны Союза. На это мы не могли пойти без санкции Москвы... Вечером получен был ответ от наркома Внешторга. Частичное обеспечение он допускал в виде «алмазного фонда». Но от Литвинова ответа нет. Это уже хуже. Я хотела обождать указаний Литвинова, но торгпреду не терпится, директива наркома Внешторга ясна и она срочная...»

С минфином договорились, частности выяснили. Обе стороны довольны. Это редко. Через день вопрос будет внесен на обсуждение парламентской комиссии. Уезжаем из министерства в приподнято-радужном настроении. Но радости дипломатов никогда не бывают

долговечными. В полпредстве ждала меня директива Литвинова: ни о каких материальных обеспечениях госкредита речи быть не может. Я этого ждала и все еще сержусь на торопливость торгпреда. Вчера заявили, а сегодня брать назад – несерьезно, не по-деловому. Торгпред вне себя. Кидается к телефону. Москву! Москву! По четырем адресам шифровки. Решающим. Ответ отовсюду один: «Потрудитесь выполнить директиву»... Вигфорс выслушивает меня молча, обдумывая. «Это весьма прискорбно, – говорит он, – но в таком случае будем считать переговоры несостоявшимися». Мы прощаемся и уходим. Снова лестница. Но позади нее «разбитые надежды». Однако торгпред считает, что это вовсе не непоправимо. Мы поманили шведских промышленников и кабинет, пусть чувствуют, что мы не так уж в них нуждаемся. Сами возобновят переговоры. И лестница в министерстве финансов сразу перестает казаться мне такой мрачной» [8].

28 июля 1933 года.

«... Я пришла в Кремль, и меня впустили в кабинет Сталина (*эта встреча почему-то не зафиксирована в справочнике «На приеме у Сталина» – прим. авт.*) ... Я хотела ему объяснить, почему у нас сорвались переговоры по госгарантии, но он отвел разговор вопросом: толковый ли у меня торгпред? И сразу заторопился и, пожелав здоровья, попрощался. Я ушла несколько удивленная, что срыв переговоров о госгарантии был принят в Москве вовсе не так «трагично», как мы себе представляли в Швеции. Позднее я узнала, что в перспективе стояла Лондонская конференция и выступление Литвинова о проекте многомиллионного заказа Англии на началах долгосрочного кредита или займа, но без материального обеспечения. Инициатива переговоров в Швеции шла от Розенгольца, так вышло. НКВД остался в стороне. Последние, решающие директивы приняты были в Политбюро. Когда Максим Максимович об этом узнал, он немедленно написал протестующее письмо Иосифу Виссарионовичу: «Этой мелкой сделкой со Швецией срывается вся акция в Лондоне о нашем предложении на миллиардные кредиты по нашим заказам»...

Таким образом, своего рода соревнование (но никак не соцсоревнование) двух ведомств сорвало важное для отношений между Союзом и Швецией дело... Урок: НКВД не любит поддерживать инициативу, которая не продиктована им... В нашей работе не надо быть слишком инициативной. Надо «проводить задания», а не создавать и находить прицелы» [8].

3 сентября 1933 года.

«В конце августа из Москвы неожиданно нагрянул нарком внешней торговли с женой, притом инкогнито и под чужой фамилией. Зачем это? Конечно, вопрос о займе! Москва интересуется и требует, чтобы мы приналегли. Для нас приезд наркома из Москвы полезен и по другой причине: все еще не изжит холодок из-за срыва переговоров о госгарантии весной...» [8].

10 ноября 1933 года.

«Сегодня важное событие: торгпред получил точные директивы, на основе которых можно начать переговоры о займе со шведским правительством... Основа в общем такова: заем чисто финансовый, которым располагаем мы для любого заказа в Швеции. Никакого материального обеспечения. Сто миллионов крон на восемь лет...» [8].

10 декабря 1933 года.

«Переговоры идут полным ходом. Шведское правительство само торопит... При обсуждении проекта договора мне стало ясно, чего шведы больше всего боятся: что мы стомиллионный заем не используем в Швеции. Они понимают, что для нас важен этот заем как прецедент, что обеспечит Союзу займы в других странах. Шведская же промышленность заинтересована в реальных заказах Союза. Вот и бьемся над формулировками пунктов – использование займа и срока самого займа...» [8].

12 января 1933 года.

«Когда я летом говорила с наркомом НКВТ, он напирал на два вопроса – кредит и валюта. „При быстром росте нашей тяжелой индустрии наше главное препятствие – нехватка валюты. Нам нужна валюта, – говорил нарком, – гоните валюту, развивайте экспорт в Швецию. Мы пригоним вам и второстепенный по значению товар: антрацит, фрукты и прочее. Валюта – это основная задача торгпреда. Помогите ему в этом, как в Норвегии. Швеция нам нужнее Норвегии. Она имеет много полезных для нас отраслей промышленности. Добивайтесь долгосрочных кредитов с госгарантией (тогда еще не был задуман заем). Работайте над кредитом“. Теперь, когда вопрос о кредитах уже перешел в новую, высшую стадию, я считаю, что здесь не зря поработали в прошлом году... все это было основательной подготовкой почвы для задачи еще большего значения, т.е. финансового займа Союзу... Финансового займа Союз еще нигде не получал. Пусть же Швеция создаст выгодный для Союза прецедент. Такова директива Москвы...» [8].

Конец февраля 1934 года.

«Ездила в Москву по делу займа всего на несколько дней. Литвинов определенно скептически относится к „затее НКВТ“, что меня очень беспокоило. Но на заседании Политбюро Сталин высказался за заем, и наш текст по займу, принятый в госкомиссии в Стокгольме, Политбюро тоже утвердило. Директива для дальнейшей работы дана по всем пунктам... Торгпред сияет, а Литвинов, не прощаясь со мной, уходит нахмуренный. Это меня беспокоит...» [8].

8 марта 1934 года.

«Сегодня договор по займу закончен и парафирован... Но ведь предстоит еще официальное подписание договора... Затем самое важное: апробация договора парламентом. Это меня больше всего тревожит, особенно после предупреждения на этот счет Литвинова...» [8].

25 апреля 1934 года.

«Жуткий вчера выдался день, полный колебаний и сомнений. Началось это с прихода ко мне Нильса Линда, атташе по прессе шведской миссии в Москве. Он пришел из министерства иностранных дел с дурными вестями. Правительство не добилось поддержки голосов бунде (*партии крестьян – прим. авт.*). Следовательно, договор о займе Союзу, который завтра поступит на пленум парламента, будет отклонен... «Придумайте, вы, мадам Коллонтай что-нибудь, чтобы спасти положение», – говорит Линд. Он, конечно, думает не о займе Союзу, а о судьбе кабинета... Выход, по-моему, есть: надо, чтобы Москва заявила срочно что СССР договор о займе не ратифицировал, и тогда выйдет, что не шведы провалили договор, а мы отказались от займа. На это у меня еще нет полномочий Москвы, но это – шаг в духе политики Литвинова, он это одобрит... Прютц рассказал, как он в качестве председателя союза экспортеров, этой самой влиятельной организации монополистов Швеции, сделал еще одну, последнюю попытку спасти заем, Но премьер Ханссон и «король финансов» Валленберг заупрямились. – Наше предложение, – сказал Прютц, – вполне реальная финансовая комбинация между частными банками и правительством, она могла бы сломить упорство партии крестьян. Но ведь вы знаете, что Валленберг ожесточенный враг Советского Союза, он до сих пор вам не прощает успеха вашей революции 17-го года, а тут вы еще отобрали у него приятные его сердцу золотые слитки, как бы доставшиеся ему в наследство от правительства Керенского. Валленберг готов урегулировать любую задолженность с крестьянами, только бы не допустить их голосовать за заем. Ну а премьер Ханссон известный трус, он боится всяких дел с частными банками после скандала с премьером Экманом (*был уличен в связях с банком Крейгера – прим. авт.*)...я поспешила в шифровалку, чтобы отдать распоряжение об отправке уже готовой шифровки

Литвинову... На другое утро получена была мною открытая телеграмма (не шифровка) от Литвинова, следующего содержания:

Министру иностранных дел САНДЛЕРУ (копия мне)

Имею честь от имени Союза Советских Социалистических Республик сообщить Вашему Превосходительству, что Центральный Исполнительный Комитет СССР, рассмотрев договор, предоставляющий Шведским Правительством 100-миллионный заем СССР и подписанный 16 марта сего года, означенный договор не ратифицировал, найдя некоторые условия невыгодными, о чем довожу до сведения Вашего Превосходительства. Литвинов» [8]

К изложенному выше А. М. Коллонтай сделала позднейшую вставку «Мои примечания 1949 года»: «Прав Прютц. Даже при временных срывах и неудачах, труды, затраченные на поприще дипломатии, никогда не пропадают бесследно, они со временем дают свои плоды и результаты, если прицел и курс взяты верно. В 1940 году, после заключения первого перемирия между нами и Финляндией, когда немцы уже заняли Норвегию, тот же кабинет Ханссона обратился к СССР с предложением расширить торговлю с СССР, предоставив СССР стомиллионный кредит с рядом выгодных для нас уточнений договора. Это был договор о займе [1934 года] с соответствующими изменениями, вытекающими из кредитного соглашения. Москва согласилась возобновить переговоры на этой новой основе... кредитное соглашение состоялось и начало вливаться в практику жизни нашими заказами и нашим экспортом в Швецию. Но и это соглашение было сорвано, на этот раз не монополистами, а фактом разбойничьей агрессии фашистов на Советский Союз 22 июня 1941 года. Государственное кредитное соглашение между СССР и Швецией не могло быть практически осуществлено из-за внешнего события – мировой войны. Но в канцеляриях торговых министерств Москвы и Стокгольма лежали два неиспользованных текста договоров между Союзом и Швецией: договора о шведском займе Союзу 1934 года и кредитное соглашение 1940 года. Оба эти важные документа не были похоронены, они ожидали лишь благоприятной конъюнктуры, чтобы воспрянуть и вступить в действие, конечно, в несколько переработанном виде...» [8].

Мы продолжим тему о торговых отношениях между СССР и Швецией после войны в главе 14 все с той же целью: оценить влияние этого фактора на дело Рауля Валленберга.

5 января 1935 года А. М. Коллонтай записала в дневнике: «...Торгпред уехал. Как сработаемся с новым?...» [8]. Незадолго перед этим Давид Канделаки дважды (28 и 29 декабря 1934 года) встречался со Сталиным в его кремлевском кабинете, получая инструкции для выполнения новой, «германской миссии» Канделаки. В ходе ее Д. В. Канделаки побывал в кабинете Сталина еще 18 раз... [25].

В «Дипломатических дневниках» Канделаки ни разу не упоминается по имени (как и другие сотрудники полпредства, многие из которых были репрессированы – материал был отредактирован в последние годы жизни Александры Михайловны (1946 – 1952), ведь он предназначался к печати, пусть и в далеком... 1972 году (в год столетия со дня рождения Коллонтай), на самом же деле эта книга увидела свет лишь в 2001 году). Он именуется «торгпред» и это слово встречается не менее сотни раз в восьмой – двенадцатой тетрадах (1930 – 1934 гг.) этих дневников. Очень мало слов об отношениях между ними, просто констатация совместной четырехлетней работы «по золоту, лесу и займу».

Зато А. И. Ваксберг уделил много места характеру их отношений [20], основываясь на каких-то других материалах архивов Коллонтай.

«В Стокгольме ее ждал сюрприз: пока она «прохлаждалась» в Сочи, прибыл новый торгпред. С первой же минуты она почувствовала к нему полное расположение. Об этом – спонтанная, по горячим следам – запись в дневнике: «Очень, очень симпатичный кавказец, культурный, умный, приятная внешность, приятные манеры. Интересно разговаривать с таким эрудированным и внимательным собеседником. [...] Уверена, что сработаемся [...]» Это был Давид Канделаки молодой человек с туманным прошлым, недавно начавший работать в наркомате внешней торговли. Про него говорили, что он очень близок к Сталину, точнее, к Алеше Сванидзе – брату первой жены Сталина и его личному другу. Вхожесть в дом вождя делала нового торгпреда в глазах Коллонтай еще более симпатичным, а его очаровательная молодая жена – врач Евгения Бубнова – покорила своей готовностью немедленно включиться в общественную работу... По множеству признаков она все более убеждалась в том, что торгпред действительно близок к вождю и выполняет здесь его личные поручения. Все друзья, которые приезжали к нему в Стокгольм или состояли с ним в переписке, относились к узкому кругу сталинских родственников или домашних приятелей: кроме Алеси Сванидзе, еще и Шалва Элиава, Станислав Реденс, Иван Аллилуев, Зураб Мглоблишвили... Для чего послал его Сталин в Стокгольм? Следить за полпредом? Или с тайными поручениями, исполнить которые, по его мнению, она сама не способна? Эти вопросы мучили ее, и ответа на них она не находила. Но одно не вызывало сомнений: появился прямой канал связи с вождем, до которого она могла довести информацию, не подходившую ни для официальных, ни для личных писем. Какая-то неведомая сила побуждала ее к тому, чтобы в присутствии Канделаки все время доказывать свою лояльность. Больше того – личную преданность Сталину и его политике... Чтобы сблизиться еще больше с этой полезной семьей, Коллонтай под началом доктора Бубновой создала «Линию-клуб», который, согласно его «устава», имел целью «сохранение линии, а также исправление испорченной; возбуждение аппетита и обмена веществ, при одновременном обмене мячами; физкультурное времяпрепровождение и сближение членов клуба (до определенных границ)». Экспертом и казначеем клуба была определена совсем юная дочь Канделаки – Тамара, а почетным членом клуба – кот Канделаки по имени Васька – «вследствие образцового умения обращаться с мячом». Таким образом, ни один член семьи Канделаки не был забыт, каждому нашлось подобающее ему почетное место. Следует ли удивляться, что титул «мисс Линия» достался Тамаре, а титул «мистера Линия» ее отцу...» [20].

Новым торгпредом в Швеции стал Лазарь Леонтьевич Непомнящий, который впоследствии сменил в Германии отозванного в апреле 1937 года Канделаки. Торговая активность СССР в Швеции с декабря 1934 года (назначения нового торгпреда) резко пошла на убыль: «15 февраля [1934 года]. Торгпред обеспокоен: намечается сильное сокращение торгпредства. Недоучет развития торговых связей со Швецией и вообще со скандинавами... Сокращение торгпредства – это утрата всех тех нужных связей (нужных именно в момент войны), которые мы с таким трудом налаживали все эти годы. Недоучет значения крепких экономических связей со Швецией. Наши отношения с Финляндией ухудшились. Тем более важно иметь базу здесь.» [8]

30 сентября 1937 года А. М. Коллонтай сделала запись в дневнике о полученном ею в Женеве известии об аресте Д. В. Канделаки: «...Обычно я люблю суету больших вокзалов, как в Базеле. Выпить, стоя у буфета, чашку горячего кофе, купить огромную ароматную грушу „бере“ и запастись газетами на разных языках на дорогу. Но сегодня боюсь газет, еще больше расстроюсь, опечалюсь. **Последнее, что сказал мне Суриц в „Ричмонде“, это, что Д.В. снят с работы и арестован. Он, который пользовался „особым“ доверием... Нехорошо на душе, холодно и жутко... И я хожу по базельскому вокзалу и чувствую до жути**

холод в сердце. Тяжелое, тревожное время, как сказал Литвинов. Да, такой напряженной атмосферы я не помню. Многое неясно, запутано, темно. Но одно ясно: наши подлые враги, Берлин да и другие, сумели развить широко и глубоко свою подрывную работу. Перед их злоумышлением и коварством бледнеют все происки и интриги дворов папы в Риме в былые времена или коварство и двуличие дворов Медичи с их отравленными перчатками и кинжалом в спину. Иезуитская работа при дворах абсолютных монархов Европы времен Возрождения кажется детской игрой. Процветают двуличие, коварство, строятся козни и заговоры. И пошатнулось самое ценное – моральная вера в друзей... Газет я просто читать не могу, сплошная ложь и клевета. Вот уже снова пишут, что меня отозвали, и что вместо Москвы я убежала куда-то за границу. А в другой – Литвинов впал в немилость. Злятся империалисты, что карты раскрыты и что злоумышления их не удались (**как же иначе, ведь Александра Михайловна готовила все это для публикации в ... 1972 году – прим. авт.**). Поезд подходит, и носильщик идет за моими вещами. В путь на Берлин – противное стало слово.» [8]

Принято считать, что причина ареста и расстрела Канделаки выражена в эпитафии к данной статье. «... был арестован Давид Канделаки, только что получивший повышение по службе, сменив пост торгпреда в Германии на пост заместителя наркома внешней торговли. Никакого сомнения не было: его «повысили» лишь затем, чтобы заманить в Москву... (**Канделаки не было нужды заманивать в Москву. Он был отозван из Германии вместе с полпредом Я. З. Сурицем в самом начале апреля 1937 года и уже 3 апреля имел встречу со Сталиным в его кабинете в Кремле. В это время Канделаки, с чувством честно выполненной порученной ему работы, и подумать не мог, что случится в сентябре этого же года. Да и действительное (не фиктивное, для заманивания) назначение его заместителем наркома НКВТ опровергает тезис о заманивании – прим. авт.**) «Следствие» по делу Канделаки тянулось полгода срок редкий для тех времен. Когда речь шла о людях из самого близкого его окружения, Сталин не слишком спешил с завершающей «следствие» пулей. Все те, с кем Канделаки был дружен, родственники Сталина прежде всего, уже пребывали в лубянской камере или ждали ареста. Канделаки был обречен хотя бы потому, что был слишком близок к тирану и знал то, что не должен был знать никто. По той же причине был так зверски уничтожен в Швейцарии порвавший с Москвой советский агент Порецкий-Рейс: он был в курсе тайных переговоров, которые вел Канделаки с гитлеровской верхушкой, и собирался предать их огласке. Как это часто тогда практиковалось, вмененные в вину Канделаки факты частично имели место, но не содержали никакого предательства, поскольку он действовал по личному указанию Сталина. «Установил связь с фашистскими кругами в Германии...» Действительно, установил – встречался даже с самим Герингом (**это ошибка: Канделаки встречался лишь с его двоюродным братом Гербертом – прим. авт.**), но отнюдь не по заданию «врага народа» Пятакова, а по заданию «отца всех народов» Сталина. И выгодный Германии торговый договор заключил (**не заключил, так как немцы не соглашались поставлять в СССР товары военного назначения – прим. авт.**), конечно, не по своей воле, а все по той же, по той же... " [20].

Однако в данном случае могло оказать существенное влияние и совершенно другое обстоятельство. В книге, содержащей письма к И. Г. Эренбургу [26], можно найти письмо к нему (номер 417) в феврале 1963 года журналиста Риммы Канделаки (Р. Е. Канделаки). Она обратилась с этим письмом к Эренбургу, выражая горячую поддержку его позиции в споре с литературным критиком – сталинистом Ермиловым. В этом письме Р. Е. Канделаки привела пример, когда люди открыто говорили правду в сталинские времена: Васо Канделаки (1883—1938), ректор Госуниверситета Грузии, брат ее отца, выступил против Лаврентия Берию в 1937 году, «...познакомив партколлектив с „грехами молодости“ сего бандита, относящи-

мися к его, бериевской, службе в мусаватистско – английской разведке (Баку, 1920) ... Он был немедленно схвачен, подвергся пыткам и расстрелян. Была расстреляна и его жена, два двоюродных брата (**Давид Канделаки, бывший нарком**, и Шалико, бесп **<артийный>** инженер...» [26]. Имя Васо Канделаки фигурирует в протоколах процесса против Лаврентия Берия в 1953 году [27].

Берия направил компромат на Д. В. Канделаки Сталину еще 20 июля 1937 года [28]:

«Дорогой Коба!

Следствие по делам контрреволюционеров Грузии разворачивается дальше, вскрывая новых участников гнуснейших преступлений против партии и советской власти. Арест Г. Мгалоблишвили, Л. Лаврентьева (Картвелишвили), Ш. Элиава, М. Орахелашвили, Лукашина и других и данные ими на следствии показания проливают яркий свет на предательскую диверсионно-вредительскую шпионскую и террористическую работу, которую вели они, состоя в к.р. организации правых...

IX. Обширные показания о шпионской работе Давида Канделаки дали Г. Мгалоблишвили и Ш. Элиава.

Этими показаниями устанавливается, что Д. Канделаки по заданию всесоюзного центра к.-р. организации правых связался с представителями фашистской Германии – Шахтом, Герингом и Геббельсом.

По показаниям Г. Мгалоблишвили Д. Канделаки лично ему признался, что ему удалось заключить от имени правых соглашение с правительством фашистской Германии об оказании взаимной поддержки в момент начала военных действий между Германией и СССР. Д. Канделаки был связан также с германской и английской разведками...

XV. Для дальнейшего разворота следствия считаю необходимым арест Кахиани Михаила, Асрибекова Ерванда, Гайоза Дендариани, Ломидзе Луки, Канделаки Давида и Старка...» [27].

Впоследствии был уничтожен почти весь руководящий состав НКВД СССР, начиная с наркома А. П. Розенгольца. Лавина показаний нарастала. Приведем в качестве примера лишь один документ этого безумия:

«...5. НЕПОМНЯЩИЙ Л.Л., бывший торгпред СССР в Германии. Допрашивал: БЕРЕЗОВСКИЙ.

Сознался в том, что являлся участником антисоветской правотроцкистской организации, существовавшей в системе Наркомвнешторга, в которую был вовлечен РОЗЕНГОЛЬЦЕМ.

По заданию РОЗЕНГОЛЬЦА проводил финансирование ТРОЦКОГО. По этому поводу НЕПОМНЯЩИЙ показал, что в начале 1935 года, будучи назначен торгпредом в ШВЕЦИЮ, бывший торгпред КАНДЕЛАКИ связал его с директором сталелитейной фирмы «Сандвикен» МАГНУСОМ и сообщил, что с МАГНУСОМ имеется договоренность об отчислении 1 1/2% в пользу ТРОЦКОГО от общей суммы стоимости даваемых Наркомвнешторгу заказов этой фирме.

Эти отчисления, составляющие примерно 30—40 тысяч шведских крон в год, переводились МАГНУСОМ в Берлин на имя родственника ТРОЦКОГО – некоего ЖИВОТОВСКОГО.

В 1936 году НЕПОМНЯЩИЙ получил непосредственно от РОЗЕНГОЛЬЦА задание обеспечить дальнейшее финансирование ТРОЦКОГО.

Фирме «Сандвикен» Наркомвнешторгом через «Союзметимпорт» были выданы заказы на стальные изделия на общую сумму около двух миллионов шведских крон. НЕПОМНЯЩИЙ связался с директором фирмы МАГНУСОМ и добился согласия отчислить для ТРОЦКОГО 2% от общей суммы стоимости заказов. Отчисления в пользу ТРОЦКОГО по этой сделке составили свыше 30 000 шведских крон, которые были переведены ТРОЦКОМУ через банк ВАЛЕНБЕРГА в Берлине.

По указанию НЕПОМНЯЩЕГО вовлеченный им в правотроцкистскую организацию директор Нефтесиндиката ВАГНЕР (арестован) проводил финансирование Троцкого за счет созданного фонда, полученного от экономии при оплате таможенных пошлин, ВАГНЕРОМ через банк Валленберга было переведено лично ТРОЦКОМУ двадцать тысяч шведских крон...» [29].

Известны три расстрельных списка по делу «Москва-Центр» [30]:

- на 161 человека «по первой категории» от 3 февраля 1938 года, в этом списке имя Канделаки было вычеркнуто,
- на 222 человека «по первой категории» от 5 марта 1938 года, в этом списке имя Канделаки не было вычеркнуто, но он остался жить,
- на 139 человек «по первой категории» от 26 июля 1938 года, по этому списку и расстреляли Д. В. Канделаки 29 июля 1938 года.

Литература

1. Янгфельдт Б. Рауль Валленберг. Исчезнувший герой Второй мировой. – М.: АСТ: CORPUS, 2015. – 636 с.
2. Бирман Дж. Праведник. История о Рауле Валленберге, пропавшем герое Холокоста. – М.: Текст, 2007 (Приложение: Рауль Валленберг. Отчет шведско-российской рабочей группы). – 399 с.
3. Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. – М.: РГГУ, 1999. – 359 с.
4. Ivar_Kreuger. – https://en.wikipedia.org/wiki/Ivar_Kreuger
5. Андреев Б. Г. Спичке – 100 лет. – М. – Л.: Госхимтехиздат, 1934. – 53 с.
6. Сталин И. В. Сочинения. – Т. 13. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. – с. 282—379.
http://grachev62.narod.ru/stalin/t13/t13_46.htm#r11
7. Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. 1922—1940. В 2-х т. Т.1. – М.: Academia, 2001. – 527 с.
8. Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. 1922—1940. В 2-х т. Т.2. – М.: Academia, 2001. – 543 с.
9. ГАРФ. Ф63. «Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве (Охранное отделение) при московском градоначальнике», оп. 44. «Дневники наружного наблюдения, 1908 – 1917».
10. Рыбаков А. Н. Страх. – М.: Книжная палата, 1991. – 576 с.
11. Кривицкий В. Я был агентом Сталина. – М.: Терра, 1991. – 365 с.
12. Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. – СПб.: Нева, М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2001. – 511 с.
13. Дегтярев К., Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. – М.: Эксмо, 2009. – 736с.

14. Дамаскин И. А. Сталин и разведка. – М.: Вече, 2004. – 400 с.
15. Полномочное представительство – Миссия – Посольство СССР в Швеции. – http://www.knowbysight.info/6_MID/00632.asp
16. Радзинский Э. С. Иосиф Сталин. Гибель богов. – М.: АСТ, 2012. – 370 с.
17. Канделаки Давид Владимирович. – <http://www.knowbysight.info/ККК/03005.asp>
18. Канделаки Давид Владимирович. – ru.wikipedia.org/wiki/
19. Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой. – М.: Вече, 2000. – 512 с.
20. Ваксберг А. И. – Валькирия Революции. – М.: Русич, Олимп, 1998. – 560 с.
21. ГА РФ. Ф. Р-7523
22. Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 382 с
23. Stockholms Enskilda Bank. – https://en.wikipedia.org/wiki/Stockholms_Enskilda_Bank
24. Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. Декабрь 1928 – июнь 1934 г. Научное издание. – СПб.: Издательство «Европейский Дом». 2000. – 704 с.
25. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924—1953 гг.). – М.: Новый хронограф, 2008. – 784 с.
26. Я слышу всё...: почта Ильи Эренбурга, 1916 – 1967. – М.: Аграф, 2006. – 688 с.
27. Лурье Л. Я., Маляров Л. И. Лаврентий Берия. Кровавый прагматик. – СПб.: БХВ-Петербург, 2015. – 624 с.
28. Записка Л. П. Берия И. В. Сталину о контрреволюционных группах в Грузии. 20 июля 1937 г. – Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937—1938. – М.: МФД, 2004, стр. 252—255.
29. Сводка важнейших показаний арестованных управлениями НКВД СССР за 13 марта 1938 г. – Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937—1938. М.: МФД, 2011, стр. 178—189.
30. АП РФ, оп.24, дело 414, лист 356, оп.24, дело 415, лист 10, оп.24, дело 417, лист 212.

Глава 2. Юность Рауля Валленберга и его образование

2.1. Семья фон Дардель и ее 72 года борьбы за своего сына и брата

24 октября 1918 года, через шесть лет после смерти мужа, Май вышла вновь замуж за Фредрика фон Дардель (1885—1979), спокойного молодого человека, книголюба, работавшего тогда нотариусом Верховного суда. Затем он стал чиновником Министерства здравоохранения и завершил карьеру на посту директора самой большой клиники в Швеции – Каролинского института. У них родилось двое детей – сводные брат и сестра Рауля: Ги фон Дардель (1919—2009), ставший одним из ведущих шведских физиков-ядерщиков и затем пожертвовавший всей своей карьерой ради поисков своего брата Рауля, исчезнувшего в Будапеште 19 января 1945 года, и Нина фон Дардель (в замужестве Лагергрэн) (1921-). Отчим любил Рауля и относился к нему, как к родному сыну. «Мы никогда не относились к Раулю, как к сводному брату, – говорила Нина, – и он всецело был с нами, а мы с ним, и мой отец любил его не меньше, чем меня или Ги» [1].

Несмотря на то, что между Раулем и отчимом были очень хорошие отношения, Май приняла решение доверить образование и карьеру Рауля деду. Причиной этого, видимо, не было стремление сосредоточиться на новой семье или желание сэкономить деньги. Май считала, что дед Густав (тот настаивал на своей роли наставника Рауля) знает, как сделать Рауля крупным банкиром или предпринимателем. ореол клана Валленберг затмил всё. Нет сомнения, что уже в 1937 году она пожалела о своем решении: Густав, как мы увидим далее, совершенно провалит взятую на себя миссию. Это был человек авантюрного склада, плохо понимающим реальность и по этой причине бывший в плохих отношениях со столпами клана Валленберг, своими братьями Кнутом и Маркусом-старшим. В одном деле Густав действовал рационально: после своей смерти в 1937 году он оставил неотягощенное долгами наследство в размере миллиона крон (завещав Раулю лишь малую толику этих денег и содержимое своего винного погреба) [1,2].

Рауль Валленберг пропал в Будапеште в середине января 1945 года и не вернулся, несмотря на все надежды родных, вместе с членами шведской дипломатической миссии в Стокгольм 18 апреля того же года. Ответы советской стороны были противоречивы. Шведское правительство практически бездействовало, замороженное образом великого восточного соседа, побеждающего Германию, принудившего Финляндию выйти из войны и принять тяжелые условия мира. В таких условиях лишь супруги фон Дардель и их дети были намерены бороться за освобождение Рауля, своего сына и брата, всерьез и надолго. Их сын, Ги, физик элементарных частиц, работавший в ЦЕРНе (Женева), много времени и сил уделял поискам, забывшая о своей работе по профессии и собственной семье. Дочь, Нина, мать четырех детей, домохозяйка, по мере сил старалась скрасить жизнь родителей, обеспечить им ежедневную передышку от постоянного, целеустремленного поиска. Семья фон Дардель надеялась на помощь могущественных дядей Рауля, называвших его когда-то «маленький Рауль» («Лилле-Рулле»), однако мы увидим далее их «скромное» участие в становлении Рауля и, позже, в борьбе за его освобождение. Банкиры Якоб и Маркус, возглавлявшие семейный банк и всю «сферу Валленберг», отказывались встречаться с представителями организации Май и Фредрик фон Дардель и содействовать поискам. Гораздо позже, в 2008 году, сын Маркуса-младшего – Петер (1926—2015), глава «сферы Валленберг» после смерти отца в 1982 году, утверждал, что Май сама просила их не вмешиваться, не делать ничего без полного согласия правительства, а его-то

и не было. По всей видимости, он лгал. Нина в 1959 году писала Ги, что их мать долго страдала от отсутствия поддержки со стороны клана Валленберг.

В марте 1956 года премьер-министр Швеции Таге Эрландер накануне визита в Москву посетил Май и Фредрика фон Дардель и взял с собой в Москву письмо родителей сыну («Дорогой, любимый Рауль...»), говоря, что он, Таге Эрландер, как и они хочет добиться возвращения Рауля. Надежды были напрасными: Эрландер вернулся из Москвы с пустыми руками. Фредрик после этого записал в в дневнике, что был физически раздавлен таким исходом.

6 февраля 1957 года советские власти (посредством документа, получившего название меморандума Громыко – тогдашнего заместителя министра иностранных дел СССР) уведомили шведского посла о том, что в архивах недавно обнаружен рапорт тюремного врача Смольцова, датированный 17 июля 1947 года. Этот рапорт доказывал, по мнению советского руководства, что Рауль Валленберг умер в тюремной камере от инфаркта в тот самый день. Вслед за этим был кремирован без проведения вскрытия. При этом, утверждалось, что дело Валленберга уничтожено и что главную ответственность за это преступление несет Виктор Абакумов, бывший министр госбезопасности, уже расстрелянный в 1954 году по решению суда.

Семья фон Дардель в тот же день была оповещена об этом шведским МИДом, но отказалась принимать этот документ всерьез. Фредрик дошел до того, что стал презирать тогдашнее шведское правительство социал-демократов. Премьер-министра Таге Эрландера он называл «скользким, как угорь», министра иностранных дел Ундена – «ужасным», а посла Швеции в Москве Рольфа Сульмана – «неэффективным ублюдком».

В 1950 году Фредрик фон Дардель ушел в отставку с поста гендиректора университетской Каролинской больницы и супруги посвятили весь остаток своей жизни борьбе за Рауля: он – за письменным столом и она – на диване, на расстоянии трех метров.

Май и Фредрик фон Дардель

24 октября 1952 года, в день 34-й годовщины их свадьбы Фредрик начал вести дневник. После двух параграфов, посвященных жене, Май, он перешел к пасынку, которого считал родным сыном, а тот, в свою очередь, называл его отцом: «Судьба Рауля Валленберга, подобно темному облаку, покрыло наше существование». В дневнике и письмах Фредрик злословил о шведских чиновниках: «В Германии немногие работали и добились возвращения многих. Здесь, в Швеции, многие работают и сейчас, но не добились успеха в возвращении домой одного». Май фон Дардель часами вела телефонные разговоры, часто тяжелые, имеющие негативный характер, с чиновниками шведского МИДа, которые по выражению Нины, были совершенно бессердечными. Дочь Нины, племянница Рауля, Нане Аннан, жена дипломата Кофи Аннана, бывшего генсека ООН, вспоминала, как белели костяшки пальцев бабушки, державших трубку телефона. У четы фон Дардель были свои развлечения: он раскладывал пасьянс, она шила платья и занималась ремонтом дома, но общение с людьми вне семейного круга прекратилось: шведский нейтралитет в годы Второй мировой войны оставил душевный дискомфорт у шведов и потеря Рауля служила постоянным напоминанием этого. Нина говорила: «Людям трудно встречаться с кем-либо, кто потерял кого-то. Они переходят улицу».

В 1970 году Фредрик написал и издал книгу «Рауль Валленберг: факты вокруг судьбы», рассказывающую историю 25-летнего семейного поиска. Тираж книги не был распродан. «Люди устали», – сказала по этому поводу Нина. Еще более болезненной была реакция матери Рауля, Май: «Люди смотрят на меня, как на психически больную». Пережив так много свидетельств о смерти своего первенца, она периодически стала желать своей собственной смерти. По свидетельству невестки Матти, жены Ги, она повторяла вновь и вновь, что более не хочет жить.

В 1976 году Май и Фредрик попытались найти издателя для своих дневников, которые они вели с 1952 по 1978 год. Дневники содержали историю борьбы за Рауля, борьбы с шведскими чиновниками МИДа. В них упоминались 587 имен людей и названий организаций. Попытка оказалась безуспешной. 28 апреля 1978 года Фредрик закончил писать свой дневник, на последней странице он написал два слова по-английски: «stone wall» («каменная стена»). 12 февраля 1979 году после того, как не подтвердились еще несколько версий о местонахождении Рауля, Фредрик покончил с собой. Через два дня за ним последовала и жена Май, попросив перед смертью младших детей Ги и Нину не прекращать поисков Рауля и считать Рауля живым до 2000 года. В некрологе Ги и Нина указали Рауля в списке ныне живущих детей, скорбящих о смерти своих родителей, и 30 лет хранили секрет самоубийства родителей. После смерти родителей Ги и Нина создали новую организацию для поисков Рауля – Raoul Wallenberg Association. Вскоре комитеты Рауля Валленберга заработали в Стокгольме, Нью-Йорке, Лондоне, Иерусалиме.

Ги фон Дардель и Нина Лагергрэн

Благодаря усилиям Нины история Рауля Валленберга стала одной из ярких страниц истории Холокоста. 5 октября 1981 года Президент Рональд Рейган сделал Рауля почетным гражданином США (вторым после Уинстона Черчилля и последним). В 1984 году Ги подал судебный иск к СССР в федеральный суд Вашингтона, обвиняя советские власти в незаконном аресте дипломата. Суд вынес решение в пользу истца, но Москва не реагировала, и в итоге дело было закрыто. Ги ушел на пенсию, чтобы посвятить себя поискам брата. Нина, со своей стороны, старалась привлечь внимание к делу Рауля Валленберга на светских мероприятиях в его честь. Ги на эти мероприятия не ходил.

В 1989 году советский посол в Швеции (1982—1990 гг.) Б. Д. Панкин пригласил Ги и Нину в Москву. Там, 16 октября 1989 года, перед ними поставили деревянный ящичек с вещами, изъятыми у их брата при аресте: записная книжка, календарь, водительские права, портсигар (известно было, однако, что Рауль не курил...), дипломатический паспорт и стопка старых купюр (болгарские левы, венгерские пенго, шведские кроны, швейцарские франки и американские доллары. При этом советские представители вновь повторили, что Рауль Валленберг умер в 1947 году и почти все его дело арестованного было уничтожено.

После возвращения из Москвы Нина по-прежнему живо вспоминала пропавшего брата: его любовь танцевать и мимику, подражающую немецким офицерам и французским дипломатам, в рождественский вечер 1943 года. Рауль всегда присутствовал в ее доме: его бюст на входе, его архитектурные эскизы в ее кабинете. Деревянный же ящичек, полученный в Москве, был засунут в подвал. Нина рассказывала о нем еженедельно в своей стокгольмской ассоциации, но не в кругу своих аристократических друзей. Она начала принимать антидепрессанты и искала убежище в своем саду во дворе дома. «Я вынуждена вести эту двойную жизнь, чтобы быть способной существовать», – говорила она.

Ги в прошлом не был так близок с братом и изо всех сил старался вспоминать о нем, как рассказывала жена Ги, Матти. Лицо Ги стало часто делаться неподвижным и его врач стал подозревать болезнь Паркинсона. Ги плакал без выражения на лице, когда слушал воспоминания однокашников Рауля по Мичиганскому университету о том, как Рауль любил путешествовать автостопом, делать покупки в торговой сети «Монтгомери Уорд», как он любил комический дуэт Лорель и Харди...

Постепенно Ги отошел от организации Raoul Wallenberg Association, которую он создал вместе с сестрой и основал советско-международную комиссию по вопросам судьбы и местонахождения Рауля Валленберга, которая позднее уступила место шведско-российской межпра-

вительственной группе. Члены этой группы использовали политические изменения на постсоветском пространстве, которые облегчили доступ к архивам и официальным лицам. (Группа работала 10 лет (1991—2000 гг.) и отчету о результатах ее работы посвящена глава 11).

Деятельность сестры Нины заключалась, например, в организации ежегодных концертов памяти Рауля Валленберга, популяризации его имени, присвоении имени Рауля новому сорту бледно-желтого нарцисса, установке восковой статуи Рауля в Шведском музее, занесению его имени в книгу рекордов Гиннеса («Наибольшее число спасенных от уничтожения»).

С 1991 года Ги перестал присутствовать на совете Raoul Wallenberg Association. Деятельность организации сестры Ги считал безвкусной, лишённой смысла в то время, когда судьба Рауля продолжала быть тайной. Об этом он писал в июне 1994 года Петеру Валленбергу, который финансировал деятельность организации с 1982 года, когда стал главой клана Валленберг. Ги попросил у банкира 50 тысяч долларов для финансирования исследований своей группы. Банкир отказал, мотивируя это отрицательной реакцией со стороны Нины (Нина, со своей стороны, утверждала позже, что это была ложь). Еще худшие последствия имел отказ банка «сферы Валленберг» открыть доступ Ги к его архивам. Адвокат клана Валленберг сказал по этому поводу в интервью шведскому телевидению, что архивы «Скандинависка Эншильда Банкен» (преемника «Стокгольмс Эншильда Банк» после его слияния с еще одним крупным шведским банком в 1971 году) доступны *«только для серьезных исследований»* (?!).

Ги заказал ФБР эскиз лица брата, каким оно могло бы быть в возрасте 80 лет, просил сестру отыскать зубоврачебные записи о Рауле. Только в 1994 году 75-летний Ги 15 раз ездил в Россию один, старый человек, с трудом переносящий гипотермию. Когда он читал свидетельства следователей, которые допрашивали его брата 50 лет тому назад, кровь шумела у него в голове. Как показывают его письма, Ги стал задаваться вопросом, какие мотивы движут людьми, которых он нанимал для проведения исследований и удивлялся, если его телефон прослушивался.

Свои исследования и поиски Рауля он финансировал из собственных сбережений. Так он потратил несколько сотен тысяч долларов по свидетельству его жены Матти. Кроме того, на эти же цели Ги получил 100 тысяч долларов от своей младшей дочери Мари Дюпьюи. Через 50 лет после начала поисков его брата он не прекращал заниматься этим. Однако, с сестрой он практически перестал общаться и лишь попросил, через свою жену, ее разрешения воспользоваться средствами, которые оставались на банковском счету Рауля. Нина согласилась, и 130 тысяч долларов из состояния самого Рауля Валленберга были потрачены на его поиски. Raoul Wallenberg Association прекратила свое существование в 1999 году и Нина основала новую организацию, Raoul Wallenberg Committee, в которой она уже была единственным лидером.

Тем временем, наступил 2000 год. Ги и Нина могли считать, согласно слову, данному матери, что Рауля уже нет в живых и прекратить поиски. Но они не готовы были сделать это. В январе 2001 года шведско-российская группа, в которую входил Ги, опубликовала заключительный доклад – итоги десятилетней работы по делу Валленберга. Однако отчет этот имел незавершенный характер. Через день после опубликования отчета премьер-министр Швеции Горан Перссон принес извинения от имени страны Нине и Ги, позвонив им по телефону. Нина негодовала: просто позвонить, после стольких лет?! Вскоре, в короткий промежуток времени, Ги сломал шейку бедра, стал пользоваться кардиостимулятором, перенес пневмонию, стал говорить все меньше и меньше. Прекратил совсем говорить о брате. Лечащие врачи не пони-

мали почему все это происходит. В ответ на их сомнения дочь Ги, Луиза, ответила: «Вы поймите, эта болезнь называется болезнью Рауля Валленберга».

В 2003 году комиссия правительства Швеции открыто раскритиковала поведение своей страны в деле Рауля Валленберга, опубликовав доклад под названием «Дипломатический провал». Как сказал тогдашний заместитель министра иностранных дел Швеции: «Дипломатические возможности, которые должны были помочь Валленбергу, были упущены». Вышеупомянутый же отставной посол Ян Лундвик был более резок: «Шведское правительство не хотело его возвращения».

В 2005 году младшая дочь Ги, Мари, освободила от бумаг стенной шкаф в кабинете отца и перевезла весь этот архив в свой дом в Версале. Она рассортировала 50 тысяч страниц извлеченных документов в 75 картонных коробок. Оказалось, что лишь одна коробочка содержала документы, относящиеся к карьере отца-физика. Все остальные коробки были посвящены пропавшему брату. Здесь были 32 года жизни Рауля на свободе: контурный рисунок его башмачков новорожденного, приглашение на вечеринку, коктейль-пати 1944 года, которую он посетил... Но большинство бумаг относилось к 61 году, прошедшим после его исчезновения: просьбы о даче свидетельств, показаний от солдат, возвратившихся из советского плена, друг Рауля, судебные иски, оперные либретто, носящие имя Рауля... Здесь было свидетельство одного поляка, что он получил от Рауля добавочную порцию супа. Здесь же была записка Фредрика фон Дардель, датированная 1978 годом, в которой он благодарит врача за рецепт, позволяющий ему и Май закончить жизнь самоубийством.

В сентябре 2007 года Нина в последний раз посетила Женеву, чтобы повидаться с братом. Ги не разговаривал с ней. «Годы, которые он провел в комиссии, были очень трудными для него», – сказала она. 4 августа 2008 года Нина, одетая в красное и голубое, срезала три красные розы в саду и поставила их у портрета Рауля, который стоял в комнате ее родителей. В 96 день рождения Рауля он оставался для нее живым.

12 августа 2008 году корреспондент посетил Ги в женевском госпитале. Тот сидел молча в комнате 233, пристегнутый к креслу-кровати и больничный браслет свисал с его худого правого предплечья. Об истории семейного поиска, длившегося к тому времени уже 63 года, он сказал слабым голосом, что все это было осуществлено очень непрофессионально. О двух попытках самоубийства сестры: «Нина всегда была в центре...». Когда разговор вернулся к поиску Рауля, Ги сказал, что нужно идти на самый верх. И утвердительно сказал «Да» на вопрос корреспондента, имеется ли в виду Владимир Путин. Беседа закончилась вопросом для Ги, продолжает ли он думать о брате. И Ги ответил: «Да, я до сих пор думаю о Рауле. Мне кажется, он в России...» [3].

2.2. «Лилле-Рулле» (Раульчик)

Когда Рауль Валленберг родился, его бабушка Софи Висинг писала: «Малыш Рауль, что называется, родился в сорочке, – для суеверных это означает нечто хорошее, хотя не знаю, что именно. Меня же порадовало, что он появился на свет в воскресенье. Да будет это добрым предзнаменованием!» Это письмо было адресовано Анни Валленберг, бабушке новорожденного по отцовской линии. Четыре дня спустя еще в одном письме, адресованному не только ей, но и деду Рауля, Софи Висинг написала: «Пусть это крохотное беспомощное создание, ваш внучек, принесет вам в будущем большую радость. Да оправдаются в нем, хотя бы в какой-то мере, те светлые ожидания, которые вы возлагали на его отца».

Он родился в стокгольмском пригороде Лидингё 4 августа 1912 года. С самого начала его жизнь была омрачена скорбью. Когда он родился, его отца, Рауля Оскара Валленберга уже не было в живых. Отец скончался от скоротечного рака за три месяца до появления сына на свет.

Ответственность за воспитание мальчика в значительной мере взял на себя его дед по линии отца, Густав Валленберг, родной брат Маркуса Валленберга-старшего, главы клана. И это, несмотря на то, что Густав Валленберг отсутствовал физически (находился на дипломатической службе): как и своего сына Рауля Оскара, дед воспитывал внука Рауля Густава (второе имя стало данью уважения деду) на расстоянии в тысячи километров... по переписке...

Первые 25 лет жизни Рауля-младшего отмечены влиянием деда. Именно он наметил контуры его будущего образования и сформулировал определенные моральные принципы, желая, чтобы Рауль руководствовался ими в жизни. Он хотел, чтобы Рауль стал успешным предпринимателем и одновременно гражданином мира, человеком, который принесет славу своей семье.

Рауль, по настоянию деда, начал учиться в школе уже с осени 1918 года, хотя ему было всего шесть лет. После трех подготовительных классов, весной 1921 года, Рауля записали кандидатом в Новое элементарное училище. Там в свое время учился и его отец, и кузены отца Маркус и Якоб. Вступительные испытания прошли хорошо, и Рауля приняли в первый класс.

Одноклассники вначале с предубеждением отнеслись к Раулю, для которого футбол и обычные детские забавы не составляли главных интересов. Это был юный мечтатель. Однако Рауль «в споре не лез за словом в карман» и не боялся «пререкаться с учителями». С юных лет Рауль увлекался верховой ездой и фехтованием, с большим старанием собирал марки. Ему нравилась музыка, он пел в церковном хоре мальчиков и в рождественские дни любил слушать ораторию Генделя «Мессия». Страстно любил кино, а также хорошо и с увлечением рисовал, унаследовав этот талант от отца. Очень рано у Рауля появился интерес к политике и общественной тематике. Он любил читать и читал отнюдь не детские книжки. По всем предметам, к которым он не испытывал интереса, оценки были плохими. Хуже всего обстояли дела с математикой и немецким.

В возрасте 14 лет Рауль стал учиться в гимназии. Дядя Рауля Маркус в свое время учился в той же гимназии, но в классе с естественно-научным направлением. Рауль выбрал латынь, так как языки давались ему легко. Однако со строгим латинистом они не сошлись и в следующем семестре Рауль оставил латынь и перешел в группу, в которой вместо латыни изучался русский. Преподавание русского языка было особенностью этой гимназии, имевшей с 1828 года статус государственного экспериментального учебного заведения, где опробовались последние педагогические новшества. В гимназии на учителей возлагалось создание собственных учебников. Гимназия была элитной по своему педагогическому составу.

В годы учебы Рауля в гимназии этот язык преподавал русский аристократ по имени Александр де Рубец (1882—1956). Он учился и затем сам преподавал в Царскосельском лицее. Во время Первой мировой войны де Рубец служил в канцелярии русского генерал-губернатора в Хельсинки и после революции перебрался в Швецию. Как и другие преподаватели школы, он написал в числе других книг учебник «Современная литература России», вышедший в 1929 году. Мать Рауля писала, что ее сын «был влюблен в своего русского учителя» и сам, в свою очередь, принадлежал к числу его любимых учеников.

«Дела с учебой у Рауля идут хорошо, хотя он, конечно, не входит в число лучших учеников. Но, думаю, первенство принесло бы ему мало радости, ведь расплачиваться за него пришлось бы перенапряжением, – писала Май фон Дардель свекрови в середине февраля 1927 года. – Во всяком случае, его определенно считают одним из самых умных. С немецким им приходится сильно попотеть, так что уж этот язык они изучат досконально». Из всего этого обоснованным было лишь первое утверждение: что Рауль умен. Во втором полугодии он тем не менее плохо учился, в результате чего не был переведен на следующий курс гимназии и вынужден был в начале осени сдавать переводной экзамен по христианству и математике.

Оценки Рауля на втором году обучения в гимназии были в целом такими же скромными, как в первый год, лишь оценки по немецкому еще более ухудшились. С этого времени он стал изучать четвертый иностранный язык, французский. Несмотря на очень средние оценки, его перевели в следующий, третий класс гимназии.

Лето 1928 года Рауль провел в усадьбе Эбботс Риптон в Англии. Расходы оплатил дед. По прибытии в Лондон Рауля принял шведский посланник в Англии Эрик Пальмшерна, который заранее забронировал для него номер в роскошном отеле «Сесиль». Это не прошло незамеченным. В письме матери Рауля его бабушка подвергла это критике, как и то, что Рауль добирался до Лондона на самолете. Вопрос был щекотливым. Май фон Дардель вынуждена была объясняться. Самолет вовсе не был желанием Рауля: после окончания его занятий более дешевые пароходные рейсы из Мальмё совершенно не подходили, а выбрав пароход в Лондон из Гетеборга, они сэкономили бы не более чем сотни крон. Поэтому она разрешила Раулю лететь, при условии, что сам, из своих денег, выплатит разницу. Отель «Сесиль» же был «ужасной» ошибкой. Заканчивалось письмо уверениями, что она своим воспитанием ни в коем случае не прививает Раулю привычки сынка миллионера (он таковым и не был!), ему то и дело говорят в семье, что нужно экономить на всем лишнем, чтобы хватило денег на главное, у Рауля нет тяги к расточительству.

Рауль вернулся домой как раз к началу учебного года. Густав Валленберг, находившийся в это время в Стокгольме, сообщил в письме жене, что на этот раз Рауль стал для него предметом «живейшего интереса». Дед приложил некоторые усилия к тому, чтобы обратить на Рауля внимание членов клана Валленберг.

Оценки Рауля за осенний семестр лишь частично улучшились. Поэтому он посвятил рождественские каникулы составлению «совершенно роскошного плана «повышения оценок за полугодие». Эти планы не осуществились из-за нескольких болезней. В январе Раулю удалили аппендикс, а еще через несколько месяцев он заболел гриппом. В конце второго полугодия он вновь получил «неуд» по немецкому, однако по русскому получил четверку. Плохая оценка по немецкому была отнесена на счет перенесенной операции. Зато Раулю легко давалась как письменная, так и устная речь. Во втором полугодии он написал выпускное итоговое сочинение на тему «Предпосылки и перспективы развития шведской промышленности (возможная речь на открытии промышленной выставки)». Это сочинение было удостоено высокой оценки. До матери Рауля дошло мнение одного из учителей «Написано с большим знанием дела. Пройдет немного времени, и этот мальчик выступит с подобной речью на реальной выставке.» [2]

Весной 1929 года, как и прежде, обсуждались планы Рауля на лето. Густав Валленберг вновь был готов финансировать поездку внука за границу. Было решено, что в этом году Рауль поедет во Францию. После окончания занятий, вся семья фон Дардель, кроме отца, выехала

в Савойю. Затем Рауль перебрался в курортный город Тонон-ле-Бен на французском берегу Женевского озера, чтобы пожить во французской семье. Здесь ему дали «Путешествие Нильса с дикими гусями» в переводе на французский, и всего за несколько дней он выучил «очень большое количество французских слов». Каждый день его обучали грамматике, он читал вслух и делал переводы со шведского. Так как Рауль обещал держать деда в курсе своих «возможных будущих успехов», его третье письмо из Тонон-ле-Бен частично написано на хорошем французском. Свободное время Рауль посвящает купанию, гребле и длинным прогулкам. Перед своим отъездом из Тонон-ле-Бен в начале августа Рауль получил от деда поздравления с днем рождения и чек на 100 крон («тоже чрезвычайно интересное чтение», которое Рауль «искренне оценил по достоинству» [2]).

Рауль также сделал последние примерки у портного, сфотографировался в своем новом костюме и отправил снимки домой родным. По мнению Рауля, время даром не пропало. Он также решил порадовать деда тем, что пребывание в Тонон-ле-Бен оказалось «весьма дешевым»: «Думаю, все вместе обойдется не дороже 700 крон». Вряд ли дед разделял это мнение Рауля о дешевизне поездки (все годовое содержание Рауля составляло 1500 крон).

Пребывание в Тонон-ле-Бен принесло желаемый результат: оценка по французскому за полугодие улучшилась. И вообще оценки оказались выше прошлогодних. Рауль начал работать над успеваемостью, осознав связь между благосклонностью и щедростью деда и собственными успехами в учебе. Оценки на выпускных экзаменах оказались лучшими за все годы гимназии: «отлично» по английскому, французскому и географии, «хорошо» по христианству, родному языку, немецкому, истории, философии, музыке, русскому и рисунку. Хуже обстояло дело с биологией и физикой. Математика в двух последних классах гимназии не входила в учебный план, видимо, к большому удовольствию Рауля.

Рауль явно обладал природной склонностью к языкам и хорошим для своего возраста слогом. Дед горячо хвалил его письма. Рауль много читал сверх школьной программы: «Торговля и промышленность», «Мировая история», «Мать Индия» ... Рауль очень интересовался социальными и экономическими вопросами и читал даже годовые отчеты крупных компаний. Весной 1930 года он прочел несколько книг на внешнеполитические темы, а также ряд работ выдающихся экономистов.

«Аналитическое мышление и способность Рауля формулировать свои мысли видны в его сочинении по шведскому языку на выпускном экзамене. Тема была „Наемные работники и работодатели“. Сочинение начиналось утверждением, выраженным с безапелляционностью семнадцатилетнего: „Борьба между наемными работниками и работодателями есть самая большая социальная проблема нашего времени. Вместо добрых отношений, которые должны были бы царить между низшими и высшими, между ними наблюдается агрессивная борьба – во многом из-за глупости, близорукости и властолюбия, присущих обеим сторонам“. За этим следует подробное описание резкого подъема машинного производства, приведшего к росту безработицы, что, в свою очередь, породило рабочее движение и марксистский лозунг „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ „Совершенно естественно, – пишет Рауль, – что слои населения, страдающие от гнета плохих экономических условий, пытаются с помощью насилия отвоевать для себя более приемлемое положение“, но одновременно „попытки жонглировать законами экономической жизни, к которым прибегало и прибегает рабочее движение, есть идея очень близорукая и глупая“. Однако позиция работодателей немногим лучше, считает автор сочинения, так как они „недооценивают значение хороших квалифицированных работников“ и используют „ненужную жесткость и произвол“. Однако шаг за шагом стороны уже

начинают корректировать свою точку зрения. Рабочее движение было вынуждено отказаться от своего „гордого Интернационала“, „убедившись в необходимости двигаться вперед с осторожностью“. А работодателям пришлось уточнить свою позицию по нескольким вопросам, и они „все чаще стали выдвигать разумное требование квалифицированности рабочей силы“. Сочинение заканчивается анализом различия между рынками труда в Европе и в США. Хотя преподаватель родного языка считал рассуждения Рауля „иногда неясными и даже неправильными“, он поставил высокую оценку.» [2]

Устный экзамен состоялся 12 мая 1930 года, а на следующий день в доме семьи фон Дардель был устроен большой званый ужин. Гости состояли в основном из родственников старшего поколения, прежде всего со стороны Валленбергов. У Рауля по линии Валленбергов не было родных-сверстников. Его двою-родным братьям Марку и Петеру, сыновьям Маркуса-младшего («Додде»), в 1930 году исполнилось соответственно шесть и четыре года. В своем поколении Рауль оказывался первым – после кузенов отца – в очереди за право принять ответственность за семейное дело (ему, однако не дали это сделать – в будущем семейный банк Валленбергов после Якоба и Маркуса-младшего возглавили именно Марк, а затем – Петер).

Глава клана Маркус Валленберг-старший и его жена Амалия находились за границей и не могли присутствовать на ужине, но прислали поздравления. Тетя Амалия к тому же подарила Раулю наручные часы, замечательные тем, что они «не только попеременно то ходят, то останавливаются и к тому же своими непрошеными, сеющими панику звонками будят среди ночи, но и показывают правильное время и отлично смотрятся на руке». За еще одни такие часы Рауль даже готов повторить выпускные экзамены, которые были «почти что приятными», писал он в благодарственном письме. Письмо Амалии заканчивалось фразой: «С наилучшими пожеланиями, будущий капут» – то есть *caput familiae*, глава семьи. Рауль сознавал, что когда-нибудь ему предстоит занять ведущую роль в банковской и предпринимательской деятельности своей семьи. Это следует из благодарственного письма, написанного им в тот же день Маркусу Валленбергу-старшему: «Ваша доброта и заинтересованность, дядя Маркус, разумеется, являются для меня важным стимулом приложить максимум усилий в той или тех областях, в которых мне предстоит начать трудиться, и я надеюсь, что никогда не запятнаю семейное имя» [2]. Как мы увидим далее, Рауль ошибался в добрых намерениях Маркуса Валленберга-старшего и его сыновей: они не впустили его в «сферу Валленберг», пользуясь тем, что его отец давно умер, а у деда не было хорошей деловой репутации и влияния, да и сам дед умрет в 1937 году.

Первый свой опыт знакомства с делами Валленбергов Рауль получил уже на следующий день после праздничного ужина. Он начал работать в стокгольмском отделении «Стокгольмс Эншильда-банк» (SEB). На это место его устроил дядя Якоб.

Вот письмо Рауля, еще не достигшего возраста 18 лет, только что окончившего школу и ставшего на короткое время стажером в «семейном» банке Валленбергов SEB, жене Маркуса Валленберга-старшего, брата своего деда, главы «сферы Валленберг» в то время (перевод на русский язык сделан автором по книге [4]).

Рауль Валленберг (Стокгольм, 21.05.1930) — тете Амалии (Виши, Франция)

«Дорогая тетя Амалия!

...Хорошо, что закончил школу... Дядя Якоб был так любезен, что связал меня с главой персонала банка, который предложил мне должность в одном из филиалов. Это имеет неоценимое значение для меня в двух отношениях: я получу общее представление о внутренней банковской работе и различных направлениях банковской деятельности; я пойму, что такое работа в офисе и какими качествами надо обладать, чтобы ее выполнять.

Банк также много выиграл от моей работы в нем. Уже на четвертый день работы я смог выявить прямую прибыль банка в размере 21 миллиона крон, однако позже выяснилось, что эта прибыль была вызвана «незначительной» ошибкой в моих расчетах...

...Я надеюсь, что скоро услышу последние известия о планах дедушки и буду рад, если его желание жить в Константинополе было продиктовано не только силой его привычки...

Тысячу раз спасибо за Вашу доброту и наилучшие пожелания от будущего Главы Семейства.

*Ваш любящий,
Рауль»*

Эту «незначительную ошибку в расчетах» надолго запомнили Маркус-старший и его сыновья в качестве одного из аргументов недопущения Рауля в «сферу Валленберг», на которую он имел законное право (и лишился его только потому, что отец Рауля умер совсем молодым...).

Одновременно с выпускными экзаменами Рауля произошли решающие изменения в жизни Густава Валленберга: он вышел на пенсию и вынужден был оставить свой пост шведского посланника в Стамбуле. Однако он решил не уезжать из Турции (думал ли он в это время о внуке?!), где у него были хорошие деловые связи и приобретенное с годами прочное положение. Густав опасался также, что, приехав в Швецию, он утратит всякое влияние, и его начнут воспринимать как человека, у которого все в прошлом.

Проработав месяц в качестве банковского служащего, 16 июня 1930 года Рауль поступил на военную службу по подготовке командного состава в лейб-гвардию в городе Эребру. В письмах к родным он описывал армейскую жизнь с комической стороны. «Я тружусь с большим рвением и патриотическим самопожертвованием и, защищая родину, ношусь взад-вперед по лесу и поворачиваюсь „направо!“, „налево!“ и т. д. и т. п.», – отчитывался он примерно месяц спустя тете Амалии [2].

К концу срока военной службы Рауль заболел желтухой и попал в военный госпиталь. Там он познакомился с Ингемаром Хедениусом, будущим профессором философии в Упсальском университете. «Мы были совершенно откровенны друг с другом, делись чувствами и представлениями о жизни, – вспоминал Хедениус. – Мы оба принадлежали к высшему классу, но он, казалось, более гордился своей семьей, чем я своей. В то время я придерживался левых настроений, а он нет». У Рауля была примесь еврейской крови, и он это подчеркивал. «Он говорил о себе как о „Валленберге и на одну восьмую еврее“ и, похоже, считал это гарантией жизненного успеха». В другой связи Хедениус приводит формулировку Рауля в еще более заостренном виде: «Такой человек, как я, Валленберг и одновременно наполовину еврей, непобедим». Эти сведения неточны (Рауль был евреем на одну шестнадцатую, со стороны матери), однако очень интересно отметить, что в беседах он упоминал о своей еврейской крови [2].

Примерно так же пишет об этом автор книги [1]: ««Рауль знал, что он на одну шестнадцатую еврей, и гордился этим. Профессор Ингемар Хедениус вспоминает разговор, произошедший между ним и Раулем в 1930 году, когда оба они попали в армейский госпиталь во время прохождения военной службы: «Мы вели долгие душевные беседы. Он был полон идей и планов на будущее. Хотя я был значительно старше – в Швеции можно самому выбирать время прохождения военной службы, – он произвел на меня сильное впечатление. Он гордился своей еврейской наследственностью и, как я помню, даже преувеличивал ее. Кажется, он сказал тогда: «Человека, подобного мне, наполовину Валленберга и наполовину еврея, сломить нельзя». Валленберг показался профессору Хедениусу «чрезвычайно симпатичным молодым человеком – одновременно оригинальным и благоразумным. Он казался смелым, сильным и энергичным. И хотя он был весьма высокого мнения о своих способностях, это не проявлялось в хвастовстве или других неприятных для окружающих чертах.»»

Рауль и его друг, который был старше на четыре года, мечтали о создании новой крупной ежедневной газеты, которая бы вытеснила все прочие газеты. Рауль должен был стать владельцем, исполнительным директором и главным редактором, а его друг отвечал бы за политику и культуру. Если они сохранят свою дружбу, то тогда им обеспечено «решающе влияние почти на все в нашей стране». Когда они не были заняты мечтанием о завоевании мира, то сочиняли песни, по выражению его друга, «к сожалению, более скабрёзные, чем по-настоящему веселые». Рауль писал слова, его друг музыку.

Рауль был молод, а его отношение к армейской жизни чересчур веселым, чтобы нравиться начальству. Его друг вспоминал: «Он сначала с огромным интересом старался стать идеальным солдатом и сумел заразить этим и других, так что не найти было более живого отделения, чем наше. В прочих отделениях народ с самого начал был настроен по отношению к военной службе небрежно. Однако вскоре оказалось, что лишённые всякого воображения командиры не в состоянии по достоинству оценить проявляемую Раулем заинтересованность, необычную для них. Результат не заставил себя ждать. Рауль стал сопротивляться и львиную долю своей энергии тратить на то, чтобы досадить младшим командирам. Был случай, когда два всем известных скандалиста из части явились в казарму пьяные и поломали там стулья и стол. Рауль, сам в рот не бравший крепких напитков и позволявший себе максимум сходить в ресторан и прилично поесть, немедленно бросился им на выручку и приложил всю свою энергию к тому, чтобы спасти их от наказания. Когда это не удалось, Рауль организовал триумфальное шествие для грешников до гауптвахты, а потом от нее: их донесли на скрещенных руках под возгласы „ура“ до места заключения, а после отсидки принялись качать под приветственные крики единодушного собрания. Командование, ровным счетом ничего не понявшее, пришло к выводу, что Рауль сделался коммунистом.» [2]

При демобилизации 20 декабря 1930 года баллы у Рауля оказались очень средними.

2.3. Густав Валленберг строит планы

Дед хотел воспитать мальчика образованным космополитом, «гражданином мира». После гимназии и поездке во Францию Рауль знал уже английский, французский, немецкий и, немного, русский языки.

Было решено отправить Рауля в Соединенные Штаты Америки изучать архитектуру. Густав Валленберг мечтал, чтобы Рауль, в духе семейных традиций, занялся банковским делом и возглавил в будущем банк где-нибудь на Востоке, «пионерский» банк (применяющий новей-

шие технологии, как сказали бы сегодня), но юноше всегда нравились строительство и архитектура.

Будучи еще подростком, Рауль часто ходил по крупным строительным площадкам Стокгольма и любил поговорить с встречавшимися ему там архитекторами, строителями и инженерами. В 1920-е годы Кунгсгатан, одна из главных улиц Стокгольма, была одной большой стройплощадкой, именно там Рауль получил свой первый опыт в области архитектуры. Раулю хорошо давалось черчение. Темой одного из его сочинений в последнем классе гимназии стали «современные архитектурные стили». Рауль уже давно мечтал о карьере архитектора. Во время поездки в Константинополь летом 1926 года они с дедом подробно обсуждали его планы на будущее. После возвращения домой в Швецию Густав Валленберг сообщил жене, что говорил с матерью и отчимом Рауля о его будущем и что они договорились, что Рауль станет архитектором. В 14 лет Рауль четко представлял, чему бы он хотел посвятить себя. Его выбор профессии был и данью уважения покойному отцу, его мечтам об искусстве.

Профессия архитектора не была типичным выбором для члена семьи Валленбергов (на самом деле, Рауль был членом семьи фон Дардель...), от которого ожидалось, что он посвятит себя промышленности или банковскому делу – центральным для клана Валленберг сферам деятельности. Дед его внук рассматривали профессию архитектора как часть образовательного плана, имеющего долгосрочную перспективу. «Как Вы писали в своем последнем письме, Вы желаете так выстроить мое образование, чтобы я уже с самого начала получил возможность обеспечивать себя с помощью какой-то практической профессии, а уже затем, по достижении зрелого возраста, устремился бы туда, к чему чувствую себя наиболее склонным и подготовленным. Все указывает на то, что так и будет, то есть что время для моей окончательной карьеры настанет в возрасте лет 30 или позже» [2].

Обсуждались и другие варианты. Одним из них была возможная учеба Рауля в Высшей школе экономики в Стокгольме с продолжением образования в Гарвардской школе экономики. Как справедливо считала мать Рауля, в это случае ее сын получил бы «равно большие возможности сделать карьеру как в Швеции, так и в Америке». Кроме того, Рауль был еще очень молод. На момент сдачи выпускных экзаменов ему было всего 17: «... сразу же отправляться в Америку было бы вообще-то нерасчетливо, поскольку в смысле зрелости я заведомо буду уступать своим американским товарищам и тем самым испытывать трудности с освоением, несомненно, достаточно сложных курсов». Даже и после двухгодичной учебы в Высшей школе экономики, к моменту отъезда в Америку, ему все равно было бы только 19 [2].

Дед же (ошибочно!) полагал, что Раулю следует начать с образования в США. Он считал, что «американский план» подразумевает, что «полученный в Америке опыт даст ему небольшой плюс (!) в большой конкурентной борьбе с себе подобными, впоследствии ожидающей его дома» (это было утверждение оторванное от реальной жизни в Швеции). Для деда самым важным представлялось не образование само по себе, а воспитание из внука «толкового члена общества, способного с самого начала стоять на собственных ногах: «Всякий ребенок начинает с того, что хочет быть барабанщиком, ибо это соответствует рудиментарной фазе его развития. За этим часто следуют блестящие пуговицы и т. д. Что касается меня, то я пришел к убеждению, что на самом деле молодым людям не следует и нельзя избирать себе жизненный путь прежде, чем они переступят порог 30-летнего возраста. Конечно, за исключением тех, кто решил посвятить себя военному или административному поприщу и чье дальнейшее продвижение будет затем совершаться исключительно в результате накопления стажа. Вместо этого я очень желаю, чтобы ты получил образование, которое позволило бы тебе самостоятельно обес-

печивать себя и быть независимым человеком, способным, когда наступит зрелость и ты уже сможешь воспользоваться опытом других, взять на себя то, что окажется соответствующим твоему характеру» [2].

Лучшим способом стать «независимым человеком», по мнению деда, было усвоить американский менталитет. В длинном письме своему 17-летнему внуку Густав Валленберг объяснял, почему он хочет, чтобы тот учился в Америке. В Швеции молодых людей по-прежнему воспитывают в духе армейских принципов «шагом марш!», с умеренной скоростью и всегда строем». В Америке все по-другому, именно там у его, Густава, отца, патриарха клана Валленберг, произошло «пробуждение к финансовой деятельности», и его собственная энергия также имеет источником американские впечатления. Дед надеялся, что внук сможет найти в Америке «направление всей жизни». Учеба в США – отнюдь не книжное образование, которое можно получить и в Швеции.

Подобно своему отцу, Андре Оскару, который разработал подробную программу того, как его сыновьям стать «толковыми членами общества», Густав выстроил программу воспитания и обучения Рауля. Не менее важным, чем находиться в США, будет для Рауля оторваться от Стокгольма и «двоюродных братьев и прочей тамошней молодежи». Пугающий примером того, к чему может привести общение с людьми, которые привыкли относиться к жизни чересчур легко, был, по мнению Густава, сын его собственного брата Акселя, Густав Валленберг, актер, эстрадный артист и гомосексуалист, который взял себе псевдоним Густав Валли.

С «легкомыслием молодости», считал дед, лучше всего бороться самому и главным образом тем, что «ты проникаешься интересом в определенном направлении». Именно так Густав Валленберг воспитывал своего сына, отца Рауля. Узнав, что тот взялся отвечать за организацию «развлекательных вечеров» в военно-морском училище, он указал ему на грозящие опасности: человек соблазняется легкомысленным образом жизни, и в худшем случае это заканчивается тем, что он «спивается» и гибнет. В соответствии с этой философией Густав Валленберг в последующие годы сделал все, чтобы держать внука подальше от Стокгольма (с этой философией хорошо согласовывалась возможность сэкономить, что Густав Валленберг, думается, хорошо знал). События развивались по желанию деда, который полностью оплачивал обучение и обладал правом решающего голоса. «Я невыразимо благодарен, – писал Рауль, – за то, что тем самым Вы и экономически, и во всех других смыслах даете мне возможность со временем, приобретя все для этого необходимое, привнести свой кирпичик в общественное здание.» [2]

В качестве учебного заведения для получения архитектурного образования был выбран Мичиганский университет в городе Энн-Арбор на Среднем Западе. На каком-нибудь более престижном университете не остановились потому, что Густав Валленберг считал (или хотел считать...), что университет «в одном из штатов Среднего Запада предпочтительнее, чем учебные заведения на Атлантическом побережье, где, говорят, американский менталитет уже не тот, что прежде». Все же, как представляется, соображения экономии играли важную роль в выборе деда. Рауль должен был стать архитектором, но прежде всего дед хотел «через учебу в Америке, методам воспитания в которой можно доверять, сделать из него человека» [2].

Так как срок военной службы у Рауля закончился только в декабре 1930 года, а вступительные экзамены в Энн-Арборе, в Мичиганском университете были в сентябре, он смог бы приступить к занятиям в Америке лишь в следующем учебном году, с осени. Времени терять не захотели и в январе 1931 года Рауля, как когда-то и его отца, отправили во Францию. Он записался на юридический факультет университета в Пуатье, имея целью получить свидетель-

ство о сдаче базового экзамена по юриспруденции. Таким образом, разработанная ранее «программа» была расширена. Раулю надлежало не только овладеть хорошим французским языком, но и приобрести юридические знания. В начале апреля Рауль побывал в Италии, где встретился с дедом. О пребывании Рауля в Пуатье известно мало. Ректор университета подтвердил, что он лично встречался Раулем Валленбергом много раз и отметил его успехи во французском, но добавил также, что тот не сдал никаких экзаменов...

Отучившись семестр в Пуатье, Рауль вернулся, чтобы с 22 июля завершить свою военную службу, теперь в качестве офицера полка королевской лейб-гвардии в Стокгольме. В противоположность периоду службы годом раньше, на этот раз у Рауля были серьезные успехи [2].

Первый этап образования Рауля завершился. Теперь ему, в согласии с моделью воспитания семьи Валленбергов (как ее понимал не слишком серьезный его дед), предстояло выйти в мир. Лишь через шесть лет Рауль вернется на родину на постоянное жительство.

2.4. Мичиганский университет

«Моя учеба в колледже, в целом, приносит плоды не только тогда, когда речь идет об оценках, потому что это не так важно, но потому, что я действительно чувствую, что что-то узнал.»

Рауль Валленберг

12 сентября 1931 года Рауль Валленберг покинул родную Швецию и отправился в США на борту океанского лайнера «Kungsholm» по маршруту Гетеборг – Нью-Йорк. Его имя можно найти в списках пассажиров (самого скромного 3-го класса: деньги деда следовало беречь...) этого судна. 21 сентября он прибыл в Нью-Йорк, а 23 сентября 1931 года уже заполнил регистрационную карточку Управления студентов в кампусе Мичиганского университета (Энн-Арбор) и стал студентом-первокурсником.

2 1931-32 ARCHITECTURE
Sept 23 1931 (Check one) SEX MALE IF ENROLLING IN U. OF MICH. FOR FIRST TIME MAKE CROSS FEMALE (X) IN THIS SPACE. MIS163
STUDENT'S DIRECTORY CARD CARD (CROSS OUT ALL BUT ONE) 1900, 1903, 1904, 1915, Special
Raoul Gustaf Wallenberg
FIRST NAME MIDDLE NAME LAST NAME
308 E. Madison Street Phone No. 2-2447
NUMBER AND STREET IN ANN ARBOR
43 Riddargatan Stockholm Sweden
NUMBER AND STREET CITY OR TOWN COUNTY
HOME ADDRESS STATE Sweden Home has been in above named State 19 years I first enrolled in months the U. of Mich. in 1931 (CROSS OUT ONE)
Date of Birth Aug 9 1912 Place of Birth Stockholm Sweden
MONTH DAY YEAR CITY OR TOWN STATE
Parent's or Guardian's Name and Address F. von Dardel Stockholm
NAME ADDRESS (OVER)

Регистрационная карточка студента Рауля Валленберга

Как видно из этой карточки:

- Рауль – студент архитектурного колледжа,
- стоимость обучения за один академический год составляла 163 доллара,
- адрес пансионата Рауля в Энн-Арбор: Ист-Мэдисон стрит, 308,
- домашний (шведский) адрес Рауля: Стокгольм, Риддаргатан, 43,

- отец студента: Фредрик фон Дардель (отчим Рауля).

На сайте Мичиганского университета большое место отведено памяти своего самого знаменитого студента [4,5].

Студент Рауль Валленберг

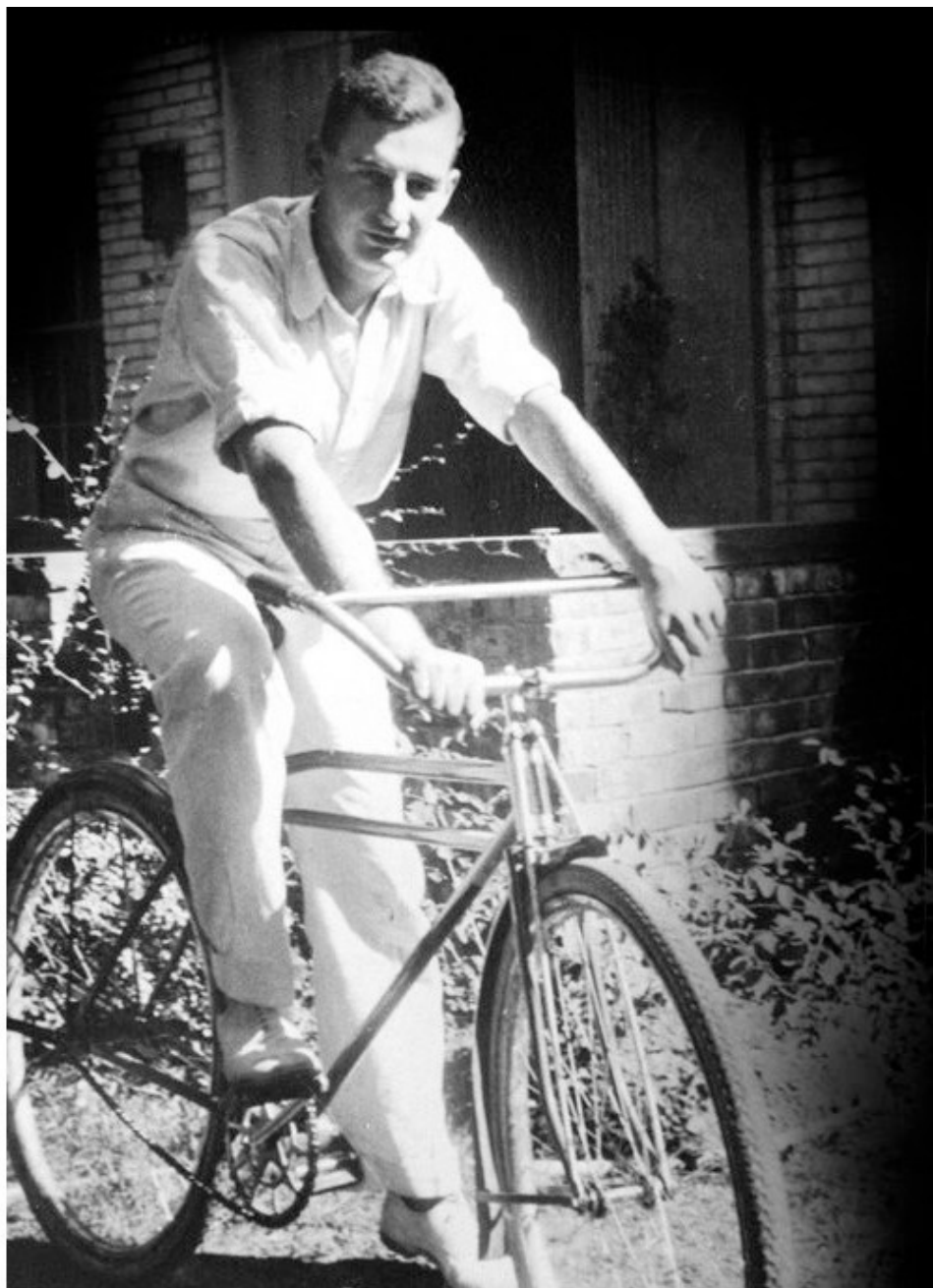
Там отмечается, что прежде чем перехитрить нацистов, рискуя своей жизнью, и спасти 100 тысяч евреев от ада лагерей смерти, перед тем, как исчезнуть в советском ГУЛАГе и навсегда замолчать, прежде чем всемирная признательность его храбрости и жертвенности поставит ему памятники (более чем в 30 городах мира!) и назовет его именем улицы многих городов, прежде чем стать единственным человеком, кроме Уинстона Черчилля, получившим звание почетного гражданина США, прежде всего этого, Рауль Валленберг был студентом Мичиганского университета, выпускником 1935 года.

Годы, проведенные им в Энн-Арбор, в Америке внесли свой большой вклад в становление характера героя. Он опирался на свои знания по городскому планированию, чтобы арендовать, ремонтировать многоквартирные дома в Будапеште («шведские дома»), чтобы разместить в них гораздо больше людей (своих подзащитных), чем было предназначено для этих домов изначально, обеспечить возможную по тем временам и обстоятельствам безопасность для этих людей. Рауль Валленберг обладал тем, что его дед назвал «чудесным подарком прохладной головы». Он наслаждался приливами адреналина, будь то вблизи вооруженных головорезов во время путешествия автостопом по Америке, в последний момент принимаясь за завершение курсовой работы и испытывая острое ощущение дефицита времени, или идя на встречу с Адольфом Эйхманом в его логове в будапештском отеле «Мажестик». Используя свой дар рисования, Рауль создал придуманные им шведские охранные паспорта (правда, с неправильно ориентированной тройкой королевских корон шведского герба...), которые были призваны обеспечить немедленный дипломатический иммунитет для возможной жертвы нацистов.

Сделать Рауля студентом Мичиганского университета было решением деда Густава, который написал внуку через год, в день его 20-летия: «Ты самая дорогая вещь, которую я имею на этой земле.» Дед хотел, чтобы американское образование для Рауля не ограничивалось лишь академической работой, как в шведских университетах, а было бы скорее уроками жизни. Он полагал, что Рауль должен осознать, что накрепко связан с США, с американской жизнью, с американской молодежью, однокашниками, стремящимися стать лидерами окружающего мира. Мичиганский университет был учебным заведением с очень хорошей репутацией,

привлекавший к себе студентов из семей, не обладавшими достаточными средствами, чтобы отправить своих детей в дорогие университеты на восточном побережье. Густав Валленберг утверждал, что выбрал именно этот университет для своего внука из-за отсутствия там снобизма. Думается, он кривил душой: желание сэкономить руководило им (именно в дорогих университетах восточного побережья гораздо легче было познакомиться с «одноклассниками, стремящимися стать лидерами окружающего мира»).

На сайте Мичиганского университета ошибочно сообщается, что Рауль привык к богатству, привилегиям, принадлежа к семье, создавшей банковское дело и промышленную империю, не имеющую себе равных в Швеции, что элитаризм был его семейной нормой, как и международные связи его семьи. (Его семьей была семья фон Дардель, среднего достатка буржуазная шведская семья.) Его друзья в университете не знали, что значит фамилия Валленберг в Европе. Рауль был просто Руди Валленберг. В нем не было снобизма. Он жил в дешевых пансионатах (деньги деда надо было экономить...), шел за три квартала, чтобы позавтракать в недорогой столовой Мичиганского союза оперы, наслаждаясь грейпфрутовым соком перед началом занятий. Хотя Раулю приходилось быть бережливым, его экономическая ситуация отличалась от условий жизни большинства его товарищей-студентов.

Рауль Валленберг в Энн-Арбор

Оглядываясь на первый учебный год в Энн-Арборе, Рауль находил, что все было «совершенно замечательно»: «У меня масса товарищей, которые мне очень нравятся и с которыми я прекрасно себя чувствую. Люди по отношению ко мне очень добры и дружелюбны. Учеба в целом дала хорошие результаты, не только в смысле оценок, потому что они мало что значат, но и потому, что я чувствую, что в самом деле чему-то научился. Дедушка, Вы помните, что до моего отъезда сюда я говорил, что наши учебные заведения не уступают американским. Но теперь я вижу, что помимо предполагавшейся выгоды – что я поживу в Америке и приобщусь к ее духу – я получил удовольствие от самого учебного процесса, который, наверное, устроен не хуже шведского. По крайней мере лениться тут не приходится.» [2]. Оценки были неплохими. «Настоящая катастрофа» была лишь по химии математике, точно так же, как и в гимназии. И точно так же, как в сообщениях о гимназических оценках, Рауль старается подчеркнуть в письмах, что средние результаты учебы обусловлены не отсутствием у него

способностей, а другими факторами. Один его товарищ по учебе писал: «Рауль учился мало, но работал быстро и очень эффективно. Нередко бывало, что целый проект он готовил в течение одной ночи.» [2].

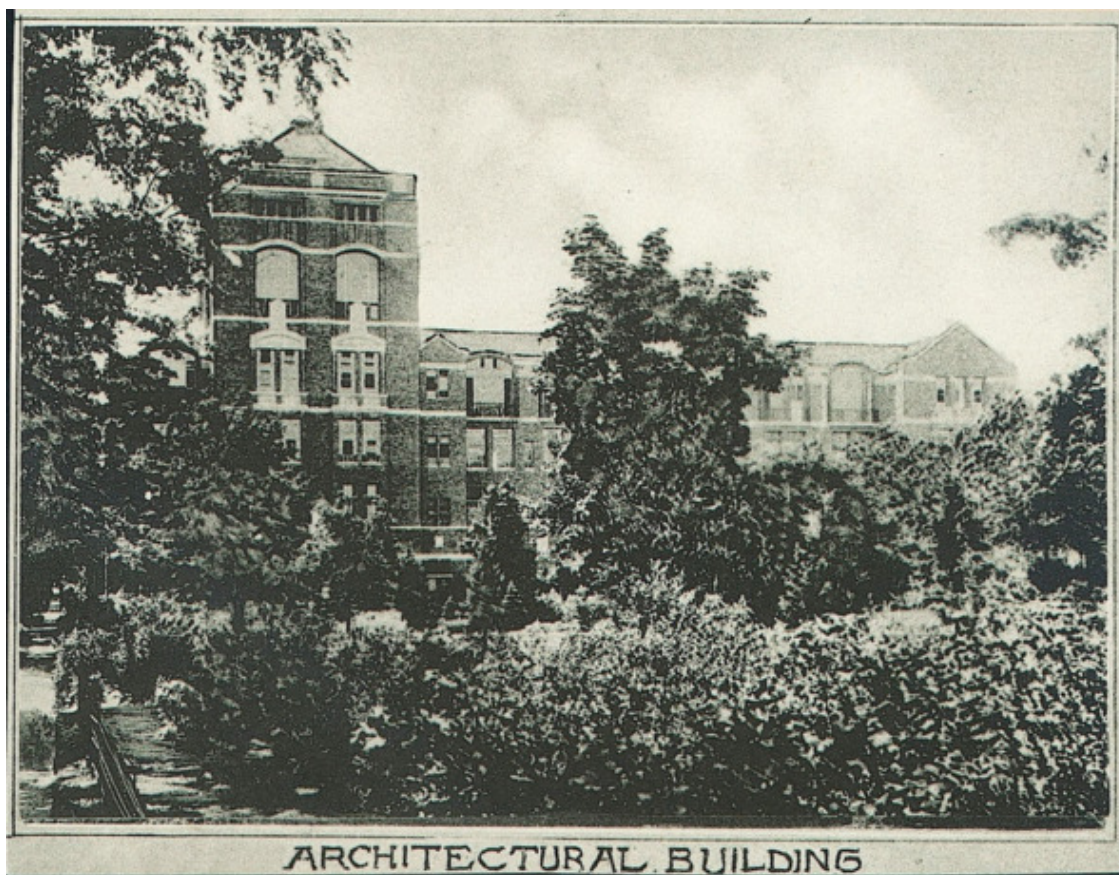
Однокашник по университету Сол Кинг вспоминал о Рауле «как об очень одаренном и в то же время скромном человеке, наделенном неординарным талантом находить простые решения для сложных задач. Ни его поведение, ни манера одеваться не давали ни малейшего повода подозревать в нем человека, занимающего высокое положение в обществе, или члена одного из самых влиятельных семейств Швеции.» Здесь не было противоречия. Нося громкую фамилию Валленберг в память о своем отце, Рауль, на самом деле, был членом семьи фон Дардель.

Рауль не слишком волновался об оценках, наградах или социальном статусе. Самым главным он считал жизненный опыт. Был космополитом, умел говорить и читать на английском, французском, немецком и, конечно, на своем родном шведском, немного знал и русский язык.

Рауль не любил большие компании, типичные студенческие забавы. Его лучшим другом был Джон Вейхаузен, «рыжий инженер-студент... он очень умный», неоднократно хвастался, что его друг – лучший студент инженерного колледжа. Рауль много времени готовился к экзаменам, чувствовал себя очень одиноким, как и все иностранные студенты, в период каникул [1].

«Энн-Арбор живет практически своим университетом, и, когда тот закрывается в связи с каникулами, город совершенно пустеет, остаются только старики с больными, я и еще немногочисленные полицейские... Пользуясь моментом, я прежде всего сплю до середины дня, что приятно после утомительного семестра, и еще пишу письма всей семье, что во время учебы было затруднительно. Я также планировал в Рождество усиленно заняться учебой, но пока мне лень за нее взяться. Я, однако, включусь – завтра или, может быть, на следующей неделе. Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра! Прекрасная каникулярная философия.» [2]

Элементы этой философии использовались и во время академических семестров: «Поскольку это все в основном из-за лени, я не переживаю», – успокаивал он Густава Валленберга. «Не знаю, нет ли здесь черты авантюриста, – спрашивал он себя. – Я испытываю особое удовольствие, когда выключаюсь на недельку или две, чтобы было время заняться тем, чем мне хочется, а потом могу резко взять себя в руки и трудиться всю ночь, что придает жизни большую остроту, чем когда занимаешься рутинными делами». В своих интеллектуальных способностях Рауль не сомневался [2].

Здание архитектурного факультета Мичиганского университета

Рауль научился играть в гольф, наслаждался танцами. Обожал музыку, слушал пластинки, особенно Моцарта. Студенты колледжа архитектуры устраивали ежегодные балы со сложными декорациями и костюмами, которые создавались в течение многих месяцев. Темой Рауля Валленберга были «Арабские ночи».

Рауль Валленберг не сидел на одном месте, в Энн-Арбор, несколько скучноватом городе. Привык путешествовать в большие города. Отправлялся на байдарках на близлежащие озера. Очень любил кататься на велосипеде. Он прилежно учился в течение недели, чтобы иметь возможность в выходные дни покататься на велосипеде, погулять, отправиться в плавание на каноэ или съездить в Детройт, чтобы сходить в кино или послушать оперу, посмотреть балет. Легко адаптировался к меняющимся условиям. Никакая окружающая среда, казалось, не вызывала в нем беспокойства или угрозы. Он хотел впитать все типично американское: киоски с хот-догами, аптеки, кондиционеры, кинотеатры, химчистки и прачечные, технику рекламы и газетного дела, кухонное оборудование и многое другое. Ему нравились Чарли Чаплин, комедийная пара Лорел и Харди, комедийные артисты братья Маркс.

Посетив Нью-Йорк на Рождество 1931 года, он был в восторге от новейших небоскребов: «У меня появилась возможность составить представление о Нью-Йорке. Я бродил по нему несколько дней. Многие районы небоскребов, особенно тот, что окружает Центральный вокзал, то есть между 41-й и 52-й авеню, производят величественное впечатление. Там находятся, например, новые здания Эмпайр-Стейт-билдинг (107 этажей) и Крайслер (72 этажа) – это гораздо выше, чем здание Вулворт-билдинг. Также на Уолл-стрит есть отдельные 40-этажные здания. Новые небоскребы очень красивы и кажутся легкими и изящными. Ни горизонталь, ни вертикаль не подчеркиваются чрезмерно, и равным образом исчезли все орнаменты и колонны

классического стиля. Обычно небоскребы облицованы мрамором самых светлых тонов, какие только можно вообразить. Архитекторы отказались от карнизов, от мудреной системы башенок. У меня исключительно благоприятное впечатление от этих зданий... Мне очень и очень по душе атмосфера этого большого города. Я думаю, как грустно будет возвращаться в мой крохотный Энн-Арбор» [1].

Рауль проявил хорошее политическое чутье во время президентских выборов в США осенью 1932, через три года после биржевого краха на Уолл-стрит и в разгар наступившей с того момента глубокой экономической депрессии. Республиканский президент Герберт Гувер не был способен ей противостоять.

«Я обрадовался победе демократов на выборах, – объяснял Рауль два года спустя, оглядываясь назад. – Нет сомнений в том, что теперешние времена гораздо лучше, чем когда я приехал, и в особенности лучше, чем в 1932 году: это был страшный год.» [2]

В Чикаго работал в летние каникулы волонтером в шведском павильоне Всемирной выставке 1933 года. Здесь он получил возможность ознакомиться с новейшими достижениями архитектуры, науки и дизайна. Еще до открытия выставки он написал директору шведского павильона (Фольке Бернадоту! – см. ниже п.8.3). В конце концов он получил ответ и предложение поработать на выставке сразу после окончания занятий 5 июня 1933 года и в течение трех недель. Цель Всемирной выставки заключалась в том, чтобы показать международной публике качество и значение научных открытий, каким образом они были сделаны и к каким изменениям в экономике и условиях жизни привело их внедрение. Шведский павильон специализировался на изделиях художественных промыслов, прежде всего текстиле и стекле. Другим «шведским» достижением был Золотой храм – китайский храм XVIII века, демонтированный Свеном Гедином, вновь собранный на территории выставки на деньги шведско-американского миллионера Винсента Бендикса и названный в честь спонсора реконструкции The Bendix Lama Temple.

На выставке Рауль демонстрировал экспонаты, мыл окна, продавал стекло, фарфор, мебель, книги и т. п. В последнюю неделю он получал по три доллара в день от шведской страховой компании Тюле за раздачу флаеров. При его предприимчивости и находчивости у него были и собственные инициативы. Однажды он добился аудиенции у одного из организаторов выставки и уговорил его бесплатно осветить территорию шведского павильона с одной из 200-метровых башен, на которых держалась The Sky Ride – подвесная дорога, перевозившая посетителей от одной точки выставки к другой.

Рауль любил путешествовать автостопом, популярным видом автотранспорта во время «великой» депрессии. Он не только экономил деньги – он хвастался, что по пути из Энн-Арбор в Лос-Анжелес не потратил ни цента, – путешествие автостопом было еще и приключением. Густав Валленберг был согласен, что способ путешествия, выбранный Раулем, является самым интересным из всех, какие можно себе представить, и позволяет увидеть страну «изнутри». Во время поездки надо вести себя «просто и без претензий», не останавливаться в дорогих отелях и все время стараться войти в контакт с «полезными людьми».

Рауль путешествовал с дальнобойщиками, ветеранами, фанатиками и «продавцом пистолет-пулемета в огромном олдсмобиле». С самого начала надо было все время держать ухо востро, и если все кончилось сравнительно благополучно, то так было гораздо интереснее. По дороге каждый день приходилось близко общаться с массой новых людей. Это вырабаты-

вало дипломатичность и такт, потому что именно благодаря данным качествам удавалось находить желающих тебя подвезти. Наконец, это было дешево.

Он ездил на крышах грузовиков, попеременно жарясь на солнцепеке и замерзая ночью. Посещение Гранд-Каньона породило поток прилагательных: головокружительный, раскрытые челюсти ада... Жара Долины Смерти заставила его и его попутчика раздеться догола в машине. В Новом Орлеане он с его другом рисовали эскизы («я знаю, что в случае нужды, мог бы зарабатывать этим»).

Однажды летом Рауль вместе со своим товарищем по колледжу ездил в Мексику на старом, побитом «форде» по пыльным сельским дорогам, зарастая бородой для собственного удовольствия. Там они провели несколько недель у его родственников, живших на окраине Мехико. Двоюродная сестра Рауля Биргит, которой тогда было восемь лет, вспоминала о его визите: " Он был такой удивительный, играл со мной и пытался научить меня играть в шахматы. Рауль был очень непохож на остальных взрослых, и меня, одинокого и единственного ребенка в семье, воспринимал всерьез. Я помню, как удавался ему номер с подражанием голосам животных. Он отлично с этим справлялся и умел изображать, наверное, животных двадцать пять или тридцать. И еще он умел разговаривать с иностранным акцентом, и мы смеялись над этим до коллик. С Раулем всегда было весело.»

Лишь однажды в путешествиях он столкнулся с неприятностями, когда четверо мужчин ограбили и избили его на дороге за пределами Чикаго. Пистолет Рауля был сломан, а его владелец брошен в канаву. Все это оставило его спокойным. «Я действительно не испугался. Я нашел это интересным... Этот случай не отвратит меня от способа путешествовать на попутных машинах, – писал он матери. – Просто надо брать в дорогу поменьше денег и вести себя осторожнее. «Он был отважен, с некоторой долей юношеской лихости и авантюризма.

Как и многие студенты до него и после него, Рауль Валленберг-студент нашел подругу в соседнем городке Ипсиланти, где располагался Мичиганский государственный нормальный колледж (ныне Восточный Мичиганский университет). Бернис Рингман, однако, не была студенткой. Она была уже молодым преподавателем физиотерапии в отделе специального образования колледжа. Бернис была на 4 года старше Рауля, который через несколько месяцев после прибытия в Энн-Арбор сказал, что его поразила самостоятельность американских женщин: «как правило, они хороши и хорошо осведомлены. У них также больше позвоночника, чем у большинства мужчин».

Валленберга и Рингман несомненно связывало их общее шведское происхождение. Ее родители были шведскими иммигрантами, подростком Бернис ездила на родину. Она также училась в шведском физкультурном институте после колледжа.

В Энн-Арбор эта пара каждое Рождество слушала ораторию Генделя «Мессия», ежегодно исполнявшуюся в актовом зале университета, а также участвовала в ежегодных балах архитекторов. Их отношения не носили интимного характера. Только после того Рауль Валленберг окончил колледж и вернулся в Европу, Бернис начала писать ему письма. В прощальной телеграмме, полученной Раулем уже на пароходе, она называла его «мой ангел». Раулю нравилась Бернис, а она влюбилась. Отношения были неравными, поэтому разрыв оказался более тяжелым для нее. Рауль больше переживал за Бернис, чем за себя самого. Одна из его однокурсниц вспоминала потом, что незадолго до его отъезда из Энн-Арбора Рауль сидел в кабинете рисования и был опечален не только от мысли, что Рингман будет тосковать о своем друге, но еще больше из-за того, что это нанесет удар ее чувствам.

Каждое следующее письмо носило в себе еще больше ее привязанности. Это было открытие, которое делало Рауля угнетенным и огорченным. В двадцать третью годовщину своего рождения Рауль, уже будучи в Южной Африке, получил поздравление не только от деда, но и от Бернис Рингман. Если Густав Валленберг в своем поздравительном письме выражал надежду, что Рауль «станет способным человеком и не посрамит честь нашей семьи», то Бернис в телеграмме спрашивала, любит ли он ее. Валленберг сразу же ответил: «нет». «Мне она очень нравилась и тяжело было сознавать, что я был причиной ее несчастья.»

Рауль поделился своими переживаниями с дедом: «В душевном отношении в последние месяцы мне было довольно грустно, даже в Стокгольме. Девушка, с которой мы были постоянно вместе в Соединенных Штатах и которая мне очень нравилась, к несчастью, влюбилась в меня, и у меня был очень тяжелый период, когда фактически все, что бы я ни писал или ни делал, ранило ее. На самом деле я был достаточно подавлен тем, что стал причиной трагедии. Недели две назад я решил предложить прекратить переписку, но это было тяжело. Думаю, так лучше». Так как Бернис была старше Рауля, он опасался, что «ей будет намного труднее прийти в себя.» [2]

Дед тяжело воспринял эту новость. Он неоднократно предостерегал Рауля о женщинах и романтических отношениях во время учебы в университете. Женщины, сказал он своему внуку, являются гиенами, которые «используют все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы заполучить в свои когти любого молодого человека, который соответствует их планам.» Поэтому он был близок к апоплексическому удару, когда его внук написал ему о Рингман.

«Он потребовал от Рауля честного ответа: если отношения оставались «вполне добродетельными», это одно дело, если же Рауль соблазнил девушку, это очень серьезно. «Если соблазнил американку – все», будущее покрыто мраком, и все планы придется менять. Швеция слишком мала, чтобы жить с женой, «запятнанной нелегитимной связью». Тогда Раулю придется остаться в Америке. Густав Валленберг не винит Рауля в том, что он поддался влечению половых инстинктов и вступил в «общение с молодой женщиной», но ужасается последствиям в случае, если она окажется беременной. Письмо представляет собой еще один вариант ранее присланных предупреждений о женской коварности и об опасности заключения союза с девушкой вне своего класса. К тому же юноша с такими перспективами, как у Рауля, не должен связывать себя прежде, чем успеет «организовать свою жизнь и деятельность»:

«Ничто не сможет меня утешить, кроме известия, что тебе удалось вполне выпутаться из этой неприятной истории», – писал Густав Валленберг в конце своего длинного письма, помеченного 23 сентября 1935 года. «Никакого повода беспокойства. Никаких осложнений. Чувства лишь с ее стороны. Переписка прекращена», – телеграфировал Рауль 11 октября, стараясь успокоить деда. И это ему удастся. «Я вертел ее [телеграмму] и так и эдак, пытаюсь обнаружить, нет ли тут чего-то скрытого или недосказанного, но не обнаружил, – писал тот в ответ. – Я нашел, что все сказано ясно и прямо, и это успокоило меня. Спасибо тебе за присланную телеграмму!» В письме, отосланном несколькими днями позже, Рауль выразил сожаление, что своими неясными выражениями причинил дедушке беспокойство. Однако он рад, что затронул этот вопрос и увидел в письмах дедушки доказательство его любви и заботы [2].

Ни Валленберг, ни Рингман никогда не вступят в своей жизни в брак...

Рауль Валленберг последовательно вкладывал свое время и творчество в архитектуру за счет таких предметов, которые ему не нравились, таких как химия, математика, физика...

В первом семестре 1932 года Рауль выбрал в качестве учебной дисциплины теорию строительства, что предусматривало изучение физики и математики – двух предметов, которые он не любил. Причиной выбора послужило его предположение, что после возвращения в Швецию ему скорее понадобится именно это, а не архитектурные дисциплины. Рауль писал: «Мне здесь очень нравится. Я бы только хотел, чтобы нас побольше учили практической архитектуре и поменьше физике, математике и тому подобному. История архитектуры, на мой взгляд, – очень интересная вещь». В течение семестра он получает задание начертить проект музыкальной школы, но ему трудно выбрать, который из своих набросков представить: у него есть бумажка и на ней нечто, «напоминающее то ли муху, то ли летательный аппарат братьев Райт, и вот это мне очень нравится». Архитектура же доставляет ему удовольствие и он, единственный из учащихся, получил «отлично» за задачу на проектирование – фонтан в саду [2].

Во втором семестре, из-за математики и физики, Рауль решил на следующий год перебраться обратно с теории строительства на архитектуру. В письме матери, беспокоившейся по поводу его «усидчивости и плохих результатов по математике», он объяснял, что «лучше стать хорошим архитектором, чем плохим инженером, не говоря обо всех прочих соображениях». То, что он решил не перенапрягаться из-за физики и математики, не значит, что он живет по «закону наименьшего сопротивления». Скорее, он намерен «целенаправленно посвящать все больше и больше времени вещам, соответствующим моей натуре» [2].

По окончании колледжа он получил серебряную медаль Американского института архитекторов. Несмотря на это, он был художником, а не архитектором. Через тридцать пять лет, в 1970 году, доктор Жан-Поль Слюссер, бывший преподаватель Рауля, вспоминал: «За все мои тридцать четыре года преподавания черчения и рисования он был одним из самых талантливых и прилежных моих студентов». Когда же Слюссер как-то спросил Рауля, не думает ли он о карьере художника, тот «медленно и, пожалуй, чуть грустно» рассказал о своей семье и о том, какого типа образование должен, согласно общим ожиданиям, получить представитель семьи Валленберг.

Рауль покрыл свою комнату фресками, которые нарисовал меловой пастелью: животные, птицы, корабли, здания... Друзья особенно наслаждались этими рисунками, потому что Рауль был дальтоник. Этот врожденный дефект обнаружил еще его сводный брат Ги, когда Рауль, выполняя школьное задание, раскрасил лошадь в зеленый цвет, а траву в красный. В ходе дальнейшего медицинского обследования было констатировано, что он «абсолютно не различает красный цвет», у него вообще отсутствует «нормальная способность к различению цветов». «Лишь в этом году я стал обнаруживать степень моего дальтонизма, – писал он матери в апреле 1933 года. – Я все время совершаю прямо-таки ужасные промахи». Однокурсник Рауля тем не менее заверяет, что тот, несмотря на свой дальтонизм, «накладывал краски очень точно, а его цветовые гаммы всегда оказывались крайне приятными».

4 августа 1933 года Раулю исполнился 21 год. С днем рождения его поздравили не только самые близкие родственники, но и другие Валленберги: Маркус-старший с Амалией и Кнут с Алис. Телеграммы были лаконичны и однотипны: «Лучшие пожелания». Так патриархи клана Валленберг продемонстрировали свое внимание к дню рождения Рауля: он стал совершеннолетним, и его будущее внутри семейной империи следовало серьезно обсудить. За неделю до дня рождения Рауля Кнут Валленберг написал Май фон Дардель: «Мальчик смывленный, и для такого, как он, юноши, вне всяких сомнений, полезно собрать опыт разных стран мира. Как только Папа Густав окажется в пределах слышимости, я поговорю с ним о будущем мальчика.»

Рауль также сознавал, что в его жизни наступил новый этап. Перед Рождеством он написал Маркусу-младшему, прося его «прислать парочку адресов», с тем чтобы он смог расширить круг своих американских знакомств. Додде это сделал, но только семь недель спустя, поскольку «был завален работой разного рода». Рекомендательные письма были написаны двум его нью-йоркским друзьям, Роберту Ловетту и Джеймсу Варбургу, представителям финансовых кругов, имеющим тесные контакты с SEB. Письма были идентичны, формальны и совершенно лишены личных чувств (см. ниже в п.3.3).

В то время как Рауль праздновал Рождество 1933 года у родственников в Коннектикуте, по другую сторону Атлантики, в Европе, без его ведома велись разговоры о его будущем. Дедушка Густав, как обычно, проводивший Рождество в Ницце, получил приглашение от своего брата Маркуса заехать на два дня в Канны, где тот в это время находился. Они ели, пили, играли в карты и разговаривали. В беседах в «Гранд-отеле» принимал участие и третий брат, Аксель.

Одним из вопросов, которые обсуждали Маркус-старший и Густав во время их встречи в Каннах, стали перспективы Рауля на будущее. Маркус-старший лицемерно утверждал, что он вместе со своими сыновьями Якобом и Маркусом-младшим уже несколько раз говорил о необходимости укрепления исполнительных сил в руководстве банком и как-то предложил подумать о том, чтобы со временем приобщить к банку Рауля. «При этом я подчеркнул, что, хотя он и учится в США на архитектора, кровь предпринимателя, текущая в его жилах, еще возьмет свое, и я полагал, что будет и уместно, и правильно, если ему дадут шанс в банке». На это сыновья отвечали, что Рауль «конечно же, талантлив», но они опасаются, что он «слишком болтлив». На самом же деле Маркус-старший делал все, чтобы никаких конкурентов у его сыновей не было (см. также ниже в п.3.3).

Решения о будущем Рауля и его работе в банке тогда принято не было (позднее «сфера Валленберг» вообще закроется для Рауля – см. п.3.3). Во время бесед в Каннах Маркус сослался на скептицизм своих сыновей (ни один из них не знал на самом деле был ли Рауль «слишком красноречив», поскольку они редко общались с ним!) и дал Густаву понять, что Раулю «было бы полезно до некоторой степени обуздать свою красноречивость», которую он унаследовал от бабушки и прабабушки по отцовской линии. Согласно Маркусу, они были «известны неиссякаемой болтливостью» – чертой, характеризовавшей, впрочем, и отца Рауля. Так как Маркус, якобы, был «заинтересован в Рауле», он намекнул Густаву, что было бы уместно при случае «сделать ему предупреждение». Густав решительно возражал, что Рауль слишком красноречив, после чего разговор перешел на другие темы.

В конце апреля 1934 года Густаву пришлось написать письмо брату Маркусу, обвиняя его в том, что тот говорил третьим лицам, что Раулю «следовало бы искать способ зарабатывать на хлеб в кругах политиков – столь дискредитировавших себя у нас». Вновь Маркус-старший акцентировал «красноречивость» Рауля все с той же целью – не допустить Рауля в банк. Своей критикой, писал Густав Валленберг, Маркус нанес ему, Густаву, удар в «самое чувствительное место» – затронул внука. Маркус не ответил на письмо, но попросил посредничества брата Акселя. И тот написал Густаву, объясняя, что Маркус желает Раулю исключительно добра и напомнил о заботе Маркуса к отцу Рауля в период его болезни. На это Густав ответил, что не относится к людям агрессивным, но сказанное возмутило его отцовское сердце. Его внук, который так прекрасно развивается, – самое дорогое, что у него сейчас есть.»

Раздражение и недоверие, возникшие между Маркусом, Густавом и отчасти Кнудом по поводу будущего Рауля было вызвано ситуацией в поколении клана Валленберг, которое готовилось взять в свои руки семейный банк SEB и промышленный бизнес. Густав считал, что наиболее сильную конкуренцию Раулю составляла «молодежь в нашей собственной семье». Этой «молодежью» были Якоб и Маркус-младший, принадлежавшие к поколению его сына. В 1934 году Якобу исполнилось сорок два, а Додде – тридцать пять. Таким образом, они были значительно старше Рауля, но после смерти Рауля-старшего Густав Валленберг видел своего внука почти их сверстником. В конкурентной борьбе за посты и влияние дед был полностью на стороне внука, однако силы были слишком неравны: Кнут Валленберг, глава клана, хорошо относился к Раулю, но влияние Маркуса-старшего на Кнута было намного больше, чем влияние Густава. А когда в 1937 году умер дед, а в 1938 году – Кнут, Рауль оказался полностью беззащитным (см. ниже п.3.3).

В конце сентября 1934 года у Рауля начался его последний семестр в Энн-Арборе: заключительные курсы по архитектуре, курс «декоративный дизайн», изучение испанского языка и два курса по бетону (которые ему, конечно же, не нравятся). В течение семестра он работал над двумя проектами. Один из них связан с «дешевым жильем». «Задача – построить в черте города 16 многоквартирных домов упрощенного типа, чтобы хватило места на 4500 человек. После проекта «дешевого жилья» для рабочих, удостоенного оценки «отлично», Рауль получил задание спроектировать музей естествознания. Перед ним теперь встали чисто эстетические проблемы, и это его радовало: «Здание, в проекте которого не учитывались бы никакие практические моменты, естественно, никто строить не будет, но было очень интересно чертить это после довольно-таки убогого проекта дешевого жилья» [2].

После окончания семестра 25 января 1935 года все свое время Рауль посвятил экзаменационному сочинению по современной шведской архитектуре. Ранее он просил мать возобновить его подписку на шведский архитектурный журнал «Строитель» и выяснить, каким учебным пособием по архитектуре пользуются в Высшем техническом училище в Стокгольме. Однако работа шла медленно: «довольно трудно и бесполезно писать о чем-то типа Швеции, когда тебе не с кем поговорить и помериться интеллектуальными силами», в результате чего работа продвигается «достаточно медленно и без большого энтузиазма» [2].

Прежде чем в конце февраля 1935 года покинуть Энн-Арбор, Рауль посетил Овосо, проехав на велосипеде 60 миль. Мать одного однокашника попросила его сделать доклад о Швеции. Этот однокашник вспоминал: «Хотя он приехал с рюкзаком, в котором были все его вещи, когда он появился на лекции в Женском клубе, на нем были полосатые брюки и роскошный пиджак, а воротничок был накрахмален. Разумеется, добрые тетушки Овосо были очарованы.» Участники клуба отпраздновали визит Рауля «изысканными напитками», каждый из которых был украшен крошечным сине-желтым шведским флагом.

Чтобы прочесть эту лекцию, Рауль отложил свое возвращение домой. Дело было не только в лекции. В связи с будущей разлукой с Америкой его мучила острая тоска. «Перспектива отъезда из США вовсе не радует меня. [...] Это замечательное место, и, уверен, меня будет сюда тянуть», – писал он деду на Новый год, а три недели спустя сообщил: «Вчера у меня был последний день учебы. Очень странное ощущение, что приятные и интересные годы учебы в Америке заканчиваются. Это было потрясающее время, и расставание очень печально.» Рауля раздирали противоположные сильные чувства: тоска по Швеции и печаль от того, что приходится уезжать из США. Но чем ближе становилось время отъезда, тем более усиливалось первое чувство: «Моя память о Швеции три года находилась под замком, но теперь не ожи-

данно вновь расцвела пышным цветом. Мне на самом деле каждую ночь снится Швеция. Я очень хочу поскорее оказаться дома, увидеть родителей и всех остальных.» [2]

Он не был дома целых три с половиной года (будучи хорошим студентом Рауль закончил курс, рассчитанный на четыре с половиной года, за три с половиной). Несколько раз обсуждались планы Рауля на лето. Рауль хотел съездить в Швецию и в конце сентября, к началу семестра, вернуться. Альтернативный вариант – поехать по США, может быть, подыскать работу на лето, а дома тогда побывать на следующий год. По этому поводу Рауль писал деду: «Я хочу знать, как Вы относитесь к этому, потому что в результате пострадает Ваш кошелек. Я не ощущаю такой уж потребности ехать домой, но я обещал маме, что как-нибудь появлюсь у нее за время своей четырехлетней отлучки.» [2]

Дед, конечно же, считал поездки домой совершенно несвоевременными (и, видимо, неэкономными...). Эта идея, писал он Раулю, свидетельствует о тяге его, Рауля к удовольствиям, что неправильно, особенно в нынешних экономических условиях, и показывает, что он не воспринимает цель своего пребывания в Америке вполне серьезно. Гораздо полезнее устроиться на работу, чтобы получить представление о том, как зарабатывать себе на хлеб (из-за безработицы этот ценный совет был неактуальным), или познакомиться с полезными людьми. Наставления были многословными, носили слишком общий характер и, как понял бы сразу более искушенный, чем Рауль, человек, лишены практического содержания:

«К этой идее меня привела мысль, что не повредит, я полагаю, дополнить книжное образование знанием людей, изучением характера, привычек и образа мышления людей опытных. Накопленные книжные знания легко приводят к сознанию собственной исключительности, к своему роду зазнайству». Когда ты однажды вернешься в Швецию, ты должен отличаться от сверстников как раз в том, что касается знания людей и жизненного опыта. Уже сейчас, в процессе учебы в Энн-Арборе, у тебя есть возможность обмениваться мыслями с людьми, живущими и думающими не так, как мы. Я не хочу этим сказать, что таланты или образ представлений американцев благороднее наших. Но они другие. Уже одним тем, что ты соприкоснешься с молодежью в Энн-Арборе, ты заработал себе преимущество. Моя мысль состоит в том, что ты мог бы увеличить это преимущество во время своей поездки во время каникул в Калифорнию, завязав контакты с подходящими лицами именно ради того, чтобы впитывать в себя их опыт и их представления о жизни – при твердом условии, что в этом и будет цель поездки. [...] Едва ли не все двери открыты перед молодым человеком с твоей фамилией и твоими способностями. Американцы чрезвычайно гостеприимны и внимательны по отношению к европейцам, и особенно шведам. [...] Они со всей открытостью делятся своим опытом и любят встречаться с людьми, которые по крайней мере настолько способны дискутировать, что стоит убеждать их в том, что американское – значит лучшее. Для тебя это должно было бы стать своего рода спортом – вызвать обмен мнениями, в ходе которого ты выманиваешь то, что хочешь узнать: что они думают о будущем и как, по их мнению, должны разрешиться будущие великие проблемы человеческого существования. Начни расспрашивать их об американской ситуации, но никогда не теряй из виду задачи в конце концов выудить из собеседников, что они думают о перспективах для разных стран Европы. Это представляет интерес, потому что американцы более склонны к практике и лучше, чем мы, видят возможности. Если только ты сумеешь правильно зайти, выстроится целая очередь желающих тебя поприветствовать.» [2]

Итоги обучения в Мичигане имели и тревожный оттенок. Уже в середине обучения Рауль стал сомневаться в целесообразности занятий архитектурой. В апреле 1933 года в письме матери он делился сомнениями, насколько успешным он окажется в Швеции со своим амери-

канским образованием, кото-рое не обязательно лучше шведского. «Хотя мне очень нравится архитектура, думаю, будет лучше, если я как можно скорее после завершения своей учебы займусь тем или иным бизнесом. Это не означает, что учеба была зря потраченным временем, ведь к деловой жизни, наверно, едва ли где-то готовят.» [2]

Май фон Дардель в тревоге переслала письмо свекру (что еще она могла сделать в то время?) Ну, а свекор сомнениями, видимо, не страдал, он строил новые планы, основанные на его собственных общих рассуждениях... Рауль завершил свое образование, однако в это время его неуверенность в выборе профессии не уменьшилась, а, наоборот, с годами только возросла.

Рауль Валленберг отплыл из Нью-Йорка 26 февраля 1935 года. 5 марта пароход прибыл в Осло, и через день Рауль вновь оказался в Стокгольме – после трех с половиной лет отсутствия на родине.

Литература

1. Бирман Дж. Праведник. История о Рауле Валленберге, пропавшем герое Холокоста. – М.: Текст, 2007 (Приложение: Рауль Валленберг. Отчет шведско-российской рабочей группы). – 399 с.
2. Янгфельдт Б. Рауль Валленберг. Исчезнувший герой Второй мировой. – М.: АСТ: CORPUS, 2015. – 636 с.
3. Prager J. The Wallenberg Curse.– The Wall Street Journal, 28.02.2009 (www.wsj.com/articles/SB123207264405288683).
4. Nylander G., Perlinge A. Raoul Wallenberg in Documents, 1927—1947. – Stockholm: Banking & Enterprise, 2000. – 84 p.
5. WALLEMBERG AT MICHIGAN BY KIM CLARKE. – <https://heritage.umich.edu/stories/wallenberg-at-michigan/>
6. THE STORY OF RAOUL WALLEMBERG BY PENNY SCHREIBER. – <http://wallenberg.umich.edu/raoul-wallenberg/the-story-of-raoul-wallenberg/>

Глава 3. Рауль Валленберг ищет работу

3.1. Густав Валленберг строит новые планы

Опека Густава привела к тому, что Рауль, вместо того, чтобы учиться в Стокгольме, приобрести друзей-однокашников и, наконец, получить нормальный диплом, дающий право работать в Швеции, отправился за океан изучать архитектуру почему-то в университет Мичигана (похоже, дед решил сэкономить на плате за учебу, да и американский диплом архитектора не давал права на работу в Швеции). Видимо, Густаву грезилось нечто похожее на начало жизненного пути спичечного короля Ивара Крейгера (но и тот, прежде, чем отправиться в Америку, а затем в Южную Африку... предпринимать, получил высшее образование в Швеции).

В то время как Рауль заканчивал свою учебу в Энн-Арборе, между ним, его дедом и матерью продолжались дискуссии о его «коммерческом образовании».

По мнению Густава Валленберга, перед Раулем было два основных пути.

Первый путь состоял в том, чтобы встать «в ряд ищущих работу и самому зарабатывать себе на хлеб». «Это будет чертежная доска и конторский стул, и ты попадешь в среду более или менее старательных молодых людей, которые в тишине лелеют в сердце единственную мысль: обойдя своих товарищей, постараться пробиться. Немножко спорта, иногда сходить в кафе – это правда скрашивает существование, но, когда, устав, ложишься спать, тяжелые тучи борьбы за существование зачастую омрачают мысли.» И жесткая конкуренция, так как слишком много людей находится в сходном положении – «хорошо одетых, хорошо воспитанных и с университетским образованием.» [2]

Второй путь: «постараться приобрести положение, не укладывающееся в обычный порядок вещей, стать равным лидерам, а не только своим товарищам». Для этого нужно, чтобы «людям, уже занимающим руководящие позиции, была внушена мысль о твоей полезности». «...Исполнять более масштабные задачи, возвысившись над серой массой сверстников, есть долг талантливых людей... Рассчитывать на твою талантливость – не самонадеянность с моей стороны. Она дана тебе благодаря твоей крови, твоим способностям и счастливому дару холодного мышления. Я всегда говорил о значении самоконтроля. Вышеназванные предпосылки в большей степени, чем семейные связи, оправдывают мое мнение: тебе нужно избрать путь лидера, а не просто старательного работника, одного из многих.» [2]

Густав давно «чужой» в Швеции, не ладит со своими родственниками, не имеет связей в шведских деловых кругах. К сожалению, в этом основная причина того, что он пишет Раулю: «Я стремился вооружить тебя тем, к чему у нас в Швеции не привыкли, что упускают из виду, – знанием мира и привычкой иметь дело с другими народами, понимать их менталитет, обычаи и представления. Я рассчитывал, что это станет твоим преимуществом перед сверстниками. Я пришел к мысли, что господствующее у нас убеждение, будто мы лучше всех на свете, требует корректировки и замены на более заинтересованное отношение к другим. Соприкосновения с другими народами отныне не сможет избежать никакая страна. При этом необходимы понимание привычек и особенностей других. Всякий наблюдатель обнаруживает, что за границей многое не так, как дома. Первопроходец вскоре видит, что какие-то формы счастливого бытия встречаются повсюду. Очень познавательно наблюдать их, расширяя свои представления.» [2]

Густав Валленберг готов сделать все, что может, чтобы вновь отправить Рауля за границу, как только он вернется домой из Энн-Арбора. С момента окончания учебы в Мичиганском университете завершен теоретический этап его воспитания. После этого должен начаться практический этап. Конечно же, Густаву Валленбергу по-прежнему не нравится жизнь молодежи в Стокгольме (?) и он хочет, чтобы Рауль оставался за границей. Его брат Кнут в 1870-е годы работал в *Crédit Lyonnais* в Париже, а Якоб и Додде – в разных местах в США, и во всех трех случаях на пользу их карьере. Следует избегать крупных банков или компаний, где человека сажают в какой-то отдел и дают второстепенные рабочие задания. Надо искать стажировку в более мелкой компании, где все соприкасаются друг с другом, и поэтому там легче понять «весь механизм»: «Стержневым моментом является установление связей с лидерами» (которые скептически относятся к Густаву в Швеции, а за границей Густав таких связей просто не имеет). Если Рауль согласен, то Густав Валленберг готов воспользоваться своими контактами в Боготе, столице Колумбии (?).

Этот этап в образовании Рауля должен был закончиться в 1936 году. Следующий этап, по мнению Густава Валленберга, представлял бы стажировку в небольшом банке в одной из развивающихся стран. Дед уже много лет близко знаком с «самым великолепным банкиром» Стамбула Эрвином Фройндом, 42-летним чешским евреем, который в скором времени должен заступить на должность директора филиала Голландского банка в Хайфе, в Палестине. Этот Фройнд сам предложил устроить Рауля на практику. «Тогда ты после работы в коммерческой фирме в Боготе получишь лучшую возможность увидеть изнутри деятельность банка в новых землях... На этом месте у тебя будет шанс понаблюдать за работой во многих сферах. Ты сможешь познакомиться с идеями, выдвигаемыми еврейскими переселенцами, людьми весьма одаренными и опытными» [2]. Все это оказалось лишь высокопарными словами и ...только словами, как мы увидим ниже.

Рауль согласился с этой программой. Уговаривать пришлось не Рауля, а его мать, считавшую, что будущее сына – в Эншильда-банк. Она уступила под влиянием аргумента Густава Валленберга, что служба в банке в новых землях «в высшей степени полезна для общего образования при любом роде деятельности» (слова, слова...). Считается, что то обстоятельство, что Густав Валленберг финансировал образование Рауля лишь до того момента, пока тот оставался за границей, позволяло Густаву добиваться своего [2]. Следует все-таки сказать, что если бы Рауль понял, что планы деда основаны лишь на его собственных словах (он просто не смог этого понять, ни в 1931 году, ни в начале 1935 года) или если бы мать Рауля действительно смогла бы устроить Рауля в Эншильда-банк, то Густав Валленберг был бы избавлен от хлопот по дальнейшему воспитанию внука.

Центральным пунктом плана, по мнению Густава Валленберга, должна была стать Хайфа (?). Колумбия играла роль подготовительного этапа, чтобы Рауль познакомился с конторской работой до того, когда он приедет к Фройнду. Ответы из Боготы, однако, были уклончивыми, и дед стал зондировать... индийский и мексиканский вариант...

24 февраля 1935 года Густав сообщил своему брату Маркусу Валленбергу-старшему, что Рауль возвращается в Стокгольм после окончания учебы в Энн-Арборе. Далее он писал (к видимому удовольствию адресата: Рауль Валленберг вновь уедет из Швеции и прекратятся попытки устроить его в семейный банк): «Я намереваюсь отправить его на работу в Южную Америку, Индию или Мексику, но пока не решил, в которую из этих стран... Место в коммерческой фирме имеет целью дать ему привыкнуть к конторской работе, поскольку без этого я не хочу отпускать его к Фройнду».

Молодой Рауль Валленберг

Маркус-старший получил письмо на следующий же день, так как находился в Каннах, а Густав в Ницце, и сразу же написал в Стокгольм Додде, лицемерно указав на необходимость ему и брату Якобу «взвесить свое отношение к будущему пути Рауля» (на самом деле речь шла о принятии мер к недопущению внука нелюбимого Густава (и возможного конкурента в будущем) в семейный банк. Ответ понятливого сына Додде, Маркуса-младшего был выдержан в самых общих, ни к чему не обязывающих выражениях, которые тем не менее говорили посвященному, что такие меры будут приняты (см. п.3.3).

3.2. Южная Африка и палестинская Хайфа

Помимо матери, отчима и брата с сестрой Рауль надеялся в Стокгольме увидеть и деда после четырех лет разлуки. Тот очень хотел встретиться с Раулем, но медлил ехать домой из-за спора с братом Маркусом по поводу шведской торговой политики. Все же весной 1935 года

Густав Валленберг встретился с внуком и быстро уехал, назвав свое пребывание в Стокгольме «шабашем ведьм» (К Густаву в «сфере Валленберг» было достаточно скептическое, ироничное отношение).

Перед приездом домой дед предупреждал Рауля (в очередном письме...) об опасностях, связанных с «сиренами» – девушками, а также давал инструкции, как вести себя со старшим поколением клана Валленберг. Густав считал, что в различных семьях Валленбергов его примут очень хорошо, возможно, даже слишком хорошо, из-за его долгого отсутствия. Продолжение носило не слишком логичный характер: к нему начнут предъявлять особые требования, и это надо иметь в виду, в противном случае последствия могут быть роковыми. Раулю предстоит увидеть пожилых господ, людей опытных, которых не обманешь ни хорошей прической, ни потоком красноречия. По сравнению с ними он еще ничего не умеет и его познания скудны. Рауль должен их слушать. В случае, если он получит предложение о работе, необходимо ответить, что его «практическое образование» еще не завершено, и поэтому он еще не готов работать на родине (???). В противном случае, он окажется в толпе других заурядных юношей, соревнующихся в борьбе за заурядные же рабочие места... Если же Рауль вернется домой, познакомившись с банковской деятельностью (в захолустном банке в Палестине с ее чахлой экономикой и арабскими беспорядками???) и бизнесом (где и каким, дед точно не знал...) за рубежом, то тогда все преимущества будут на стороне Рауля, потому что никто в Швеции не видел и не имел опыта, намеченного для него ДЕДОМ (?). Тогда Рауля начнут ценить. С годами станет более понятно, что шведская экономика отстала (?), и встанет вопрос, как преодолеть эту отсталость. Всем понадобится человек, которого на настоящий момент нет (?), знакомый с деловой жизнью за границей в крупном масштабе (???). Мы увидим далее, с какой деловой жизнью за границей В КРУПНОМ МАСШТАБЕ познакомился Рауль... В письме содержался еще один, столь же «логический», пассаж деда: чтобы не потерять шанс, следует побыть дома как можно меньше, в долгой задержке таится риск выставить на показ свои слабости, а люди завистливы и стремятся к нивелировке,

К сожалению, Рауль был послушен: в течение трех с половиной месяцев пребывания в Стокгольме он избегал «опасных удовольствий», «хорошо» себя вел в общении со старшим поколением Валленбергов, интересовался только временной работой. Вернувшись из Энн-Арбора в Стокгольм с дипломом архитектора, Рауль Валленберг принял участие в открытом конкурсе проектов строительства плавательного бассейна и площадки для игр в парке одного из дворцов Стокгольма. Свои проекты представили десятки известных архитекторов. Проект Рауля новой открытой купальни в Стокгольме занял второе место и привлек к себе внимание прессы и специалистов. Перед своим отъездом за границу, Рауль напечатал за собственный счет брошюру, в которой он представлял свой проект. Но он уже обещал своему любящему (и... деспотичному) деду заняться коммерцией, и Густав заставил его сдержать слово.

В личном плане о пребывании Рауля в Стокгольме ничего не известно в письмах. Конечно, это время было радостным для семьи фон Дардель, встретившей своего сына и брата после четырех лет разлуки. Конечно, будущее Рауля обсуждалось, но никаких свидетельств об этом нет. Густав Валленберг был доволен: «В конечном итоге я весьма доволен твоей поездкой в Стокгольм. Ты порадовал своих родителей, меня и наших близких» [2].

Больше всего он был доволен, видимо, тем, что настояв на быстром отъезде Рауля из Стокгольма, он отвлек внука от его профессиональных занятий архитектурой, в которых Рауль добился определенного успеха в период своего краткого пребывания в Стокгольме. Его проект привлек к себе большое внимание: был представлен на первой странице крупнейшей

ежедневной газеты «Свенска Дагбладет» и рецензировался в журнале «Строитель». С учетом того, что Рауль Валленберг до этого не был известен в профессиональных кругах, такое внимание было успехом.

Да, но внук Густава не должен был стать архитектором! Ведь это образование было лишь этапом на пути к ИНЫМ целям! Поэтому дед поторопился покончить с этим, отдав должное, впрочем, инициативности Рауля, его умению общаться с людьми, вести переговоры с чиновниками по поводу своего архитектурного проекта.

Когда Рауль уезжал из Стокгольма, он получил рекомендательное письмо от Маркуса Валленберга-старшего в «Стандард банк» Южной Африки в Кейптауне: туманные планы деда про Колумбию, Индию и Мексику каким-то образом «рассеялись». Выбор Южной Африки был сделан случайно, видимо, во время пребывания в Стокгольме самого деда и был продиктован лишь стремлением «вытащить» Рауля из нелюбимого Густавом Валленбергом Стокгольма. Все это опровергает заявления Густава, о том, что им был создан обдуманый план по коммерческому образованию внука и приобретения им «бесценного опыта». Невозможно же считать следующее высказывание деда, имеющим практический и ясный характер: «Я хочу, чтобы ты учился скорее деловой технике (вот хорошее выражение), чтобы ты получил шанс узнать, как зарабатываются деньги – чисто практически. Но достаточной самостоятельности никогда не достичь без финансовой независимости.» [2]

14 июня 1935 года Рауль Валленберг поездом отправился в Осло, откуда на следующий день отплыл на пароходе «Хаммарен» в Южную Африку, в Кейптаун. Судно имело на борту груз шведских товаров, предназначенных для Южной Африки: древесину, бумагу, картон, коробки, машинное оборудование, изделия из стали и инструменты.

В течение трех недель этого морского путешествия Рауль работал над проектом новой пожарной станции и полицейского участка в Умео, городе на севере Швеции, решив принять участие в соответствующем конкурсе архитекторов. 8 июля 1935 года Рауль прибыл в Кейптаун, который ему понравился. В это время года в Южной Африке зима, но во время прибытия Рауля в стояла летняя погода. Однако она быстро закончилась и Рауль разочаровался в Кейптауне. В отеле было очень холодно, а камин, единственный источник тепла, сильно дымил.

Фирма, которую дед нашел для Рауля, «Ардерне, Скотт & Тисен», торговала лесом и строительным оборудованием. Выбор дедом места работы для Рауля не был серьезным и ответственным. Шведский консул Хегардт представил Рауля боссам фирмы, однако они не заинтересовались прибывшим стажером. Не заинтересовался и сам Рауль: «Пока что я сижу и сверяю их счета и квитанции. Контора, кажется, большая, может быть, слишком большая, и работа не может быть особенно просвещающей. Я, естественно, попрошу их дать мне возможность походить по разным отделам, а там посмотрим.» [2]

Вскоре Рауль стал тяготиться и городом, и собственными рабочими обязанностями. Он не понимает, что ему тут делать, – он стал тосковать по Стокгольму, по дому.

«Решению отправить Рауля в качестве практиканта именно в фирму «Тисен», видимо, не предшествовала основательная подготовительная работа. «У меня нет никаких предписаний относительно твоей работы у Тисена, – писал Густав Валленберг в своем первом письме Раулю в Кейптаун. – Ты сам лучше это определишь». Однако он хотел, чтобы внук тут же прошел курс бухгалтерии, «чтобы осуществлять необходимый контроль за работой подчиненных».

Для деда не играло большой роли, что делает Рауль и где – важно лишь, чтобы он покинул Стокгольм. К тому же конторская работа в «коммерческом образовании» Рауля рассматривалась всего лишь как подготовка к более важной работе в банке в Хайфе. Уже 2 августа Густав Валленберг послал Раулю расписание пароходных сообщений между Кейптауном и Хайфой – для путешествия, запланированного на зиму 1936 года!

В «Тисен и Ко» Раулю пришлось заниматься всем понемногу. Для архитектурского отдела фирмы он чувствовал себя чересчур квалифицированным. Самое большое удовольствие он получал, сопровождая коммивояжеров и наблюдая, как те обращаются с покупателями. Тем не менее в целом он мало чему научился в фирме, где был «ниже внештатного заклещика конвертов». Прошел всего месяц, и он решил оттуда уйти.» [2]

Новым местом работы Рауля стала шведская фирма The Swedish African Company, возглавляемая Карлом Фрюкбергом. Здесь работал Бьёрн Буркардт, с которым Рауль познакомился на пароходе по пути в Кейптаун (!). Он и помог установить контакт с директором. Компания занималась продажей бумаги, изделий из дерева, искусственной кожи и т. д. Это была маленькая компания, в которой работали Фрюкберг, Буркардт, Рауль и секретарша. Почти одновременно Рауль стал работать в качестве коммивояжера еще в одной шведской фирме, Albert Florén. Эта фирма была агентом по продаже строительных материалов и оборудования (паркет, сантехника, водонагреватели и т. д.).

После пары недель работы в Шведской африканской компании настроение Рауля резко меняется. Фирма ему очень нравится, он может работать в ней самостоятельно и одновременно в тесном контакте с шефом. Фрюкберг постоянно получает предложения открыть новые направления продаж. Он передает их Раулю, и тот продает спортивные и дорожные товары, палатки, химические продукты. Рауль получил опыт конторской практики и бизнеса, так как ведет корреспонденцию, учится как покупать товары и как их продавать.

Он уже понял, к какому типу бизнеса у него наибольший интерес и способности – к торговле. Рауль многому учится у Бьёрна Буркардта, первого «молодого бизнесмена-шведа», встреченного им в жизни. «Я полагаю, – пишет он Густаву Валленбергу, – это хорошо, когда знаешь кого-то твоего же возраста, кому действительно веришь и с кем дружишь». Буркардт, в свою очередь, находится под большим впечатлением от талантов Рауля-бизнесмена. Впоследствии он вспоминал: «Стиль работы у Рауля был необычный. Он мыслил нелинейно и сложно. Но его интеллект производил впечатление на всех. Он мог переубедить любого. Самым большим его преимуществом был шарм, который заставлял людей уважать его. В результате Рауль, по всей видимости, всегда достигал своих целей быстрее прочих.» [2]

Кейптаун не был богат развлечениями: Рауль иногда ходил выпить пива или виски в одном из баров города, старомодных на его взгляд. Часто бывал в кино, несмотря на то, что до ближайшего кинотеатра было далеко. Фильмы, были, по мнению Рауля, «совершенно замечательные, с массой предваряющих номеров». «Кажется, я унаследовал, – констатирует он, – феноменальную способность бабушки смеяться долго и от всего сердца над глупейшими вещами.» [2]

Девушки в Кейптауне Рауля разочаровали: так плохо накрашены и к тому же ходят в деревянных башмаках... Началось беспокойство и о собственной внешности: стали выпадать волосы и по совету доктора он побрился наголо.

Официальным названием Южной Африки в то время было Южно-Африканский Союз, федеративное государство в составе Британского доминиона со столицей в Претории, созданное в 1910 году. Оно состояло из четырех провинций: Капская провинция, Наталь, Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство. Из десятиmillionного населения до 75% составляли черные и «цветные» (индийцы, китайцы, малайцы и потомки смешанных браков) и 25% – белые европейцы. Около половины белого населения жило в городах, в то время как большинство черных – в деревнях в сельской местности.

С таким сегрегированным обществом столкнулся Рауль, когда прибыл в Южную Африку. Рауль был хорошо знаком с расовой проблемой по годам, проведенным в США. Свое мнение по сегрегации в Южной Африке он высказал в путевом очерке «Южноафриканские впечатления», который опубликовал в Стокгольме осенью 1936 года. Главным образом он остановился на «великой проблеме Южной Африки», то есть на расовом вопросе. Его взгляд на смешение рас был общепринятым для США и Европы того времени. Рауль считал, что равноправие между расами, пишет возможно в странах с небольшой долей белого населения, но в странах, где живет много белых (США, Австралия и Южная Африка), оно ведет к нежелательным последствиям: «Следует не только подарить неграм радость чувствовать себя равными белым, нужно еще противостоять смешению рас, которое возникло бы тогда между белыми и черными». Пример тому – цветные в Южной Африке. Поскольку, считает Рауль, «к несчастью, большое» общение между расами в Южной Африке не встречало до сих пор достаточного сопротивления, и «создалась смешанная раса, составляющая очень серьезную проблему.» [2]

Однако Рауль очень трезво оценил политику правящего белого меньшинства (которая полностью обанкротится спустя полвека) в этой стране: «Теперь [белому европейцу] придется мириться с плохо скрытой неприязнью, которую испытывает к нему мир. У него есть лишь две возможности: либо думать о себе и продолжать логику империалистической политики, либо думать об интересах цветных, и тогда он должен отказаться от колониальных богатств и власти, что для него равносильно концу. Политика, проводимая в реальности, представляет из себя хитрый компромисс между обеими этими возможностями: говорят в идеалистическом ключе, но упрямо держатся за кошелек и скипетр власти.» [2]

В середине ноября 1935 года Фрюкберг, Рауль и Буркардт отправились в пятидневную деловую поездку по Южно-Африканскому союзу. Их первая остановка была в Йоханнесбурге, который живо напомнил Раулю Америку: «аптеки, бары и небоскребы, бесконечные потоки людей, строительство, звук молотков и отделочных работ, отдававшиеся у нас в ушах с утра до вечера все время, пока мы там были, – писал он. – Такое впечатление, что все дома, которые не строятся, находятся в процессе сноса. Воздух заряжен интенсивностью, напряжением и желанием трудиться.» [2]

Здесь, в Йоханнесбурге Рауль с утра до ночи был занят продажей сантехники и спорттоваров. Ему нравилась эта работа, Рауль обнаружил в себе способности к продажам – талант, который ему хотелось развивать.

Поэтому он впервые решил всерьез бросить вызов авторитету деда и предложил ему, что останется в Южной Африке, а в Хайфу поедет только после прохождения военной службы в Швеции в сентябре 1936 года. Однако Густав отменил это робкое предложение внука. Он заявил, что архитектурный проект и работа по продажам в Южной Африке были всего лишь «образованием в подробностях». Он, Густав Валленберг, стареет и хочет уже видеть образование Рауля завершенным. В банке у Фройнда Рауль получит опыт, какого его сверстникам

никогда не добыть (и, заметим, не стоило бы добывать...). Если Рауль поедет в Хайфу сразу из Южной Африки, то у него будет шесть месяцев практики там еще до военной службы. А когда Рауль приедет в сентябре в Стокгольм, дед тоже приедет туда, чтобы помочь ему «войти в контакт с лицами, занимающими руководящие позиции» (к сожалению, те лица, которые действительно занимали руководящие позиции и были знакомы с дедом, очень скептически к нему относились...), которые, возможно (?!), смогут взять его на работу.

Далее Густав Валленберг писал внуку, что этих «лиц», он собирается искать вне «сферы Валленберг» (это понятно, там о нем думали очень скептически) При этом, он сообщает, что, в принципе, не против этого (еще бы: в это время «сфера Валленберг» бурно расширялась, поглощая большие лакомые куски бывшей империи Ивара Крейгера): «Не потому что я был бы против, если бы тебя задействовали в ней, но, по моему мнению, следует стараться расширить спектр возможностей, которые могли бы оказаться в твоём распоряжении. Я хочу исключить подозрения в том, что тебя взяли «потому, что ты принадлежишь к семье... Конечно, я не намерен, как попрошайка, вымаливать для тебя место, хочу только заронить семя размышления в тех, с кем мы встретимся, чтобы они задумались, что для их компании получить молодого человека с таким большим опытом было бы, конечно, полезно.» [2]

7 февраля 1936 года он сел на итальянский пароход «Дуильо», совершавшего рейс из Кейптауна в Александрию с остановками в Монровии, Дакаре, на Гибралтаре, в Марселе и Генуе. За 32 английских фунта Рауль получил в свое распоряжение одноместную каюту первого класса с ванной, окном, диваном и двумя кроватями. На этом же пароходе на сионистский конгресс в Палестине плыли несколько сотен евреев – из-за санкций Лиги Наций против Италии —агрессора в Абиссинии (итальянский пароход не мог пройти Суэцкий канал и поэтому совершал свой рейс не вдоль восточного, а вдоль западного побережья Африки, значительно более длинным путем), других пассажиров практически не было. «Зная южноафриканских евреев, я настроен достаточно пессимистично, но, может статься, поездка несмотря ни на что окажется приятной!» – писал Рауль деду перед началом путешествия (слабо выраженный энтузиазм для человека, называвшего себя «наполовину евреем»...). После двухнедельного общения с пассажирами его отношение стало более позитивным: эти «евреи-сионисты», сообщал он матери с Гибралтара, оказались «неожиданно интересными и приятными.» [2]

В Генуе Рауль узнал, что получить визу в Палестину, территорию британского мандата, надо было еще в Кейптауне. Визит в британское генеральное консульство в Генуе оказался безрезультатным. Ограничения на въезд в Палестину оказались жесткими, тем более, что речь шла о длительном сроке (шесть месяцев).

В ожидании визы Рауль отправился навестить бабушку с дедушкой, которые в то время находились в Ницце. В беседах с дедом Рауль пытался изменить разработанную дедом программу его образования. Рауль предлагал, чтобы в связи с прохождением военной службы в сентябре задержаться в Швеции перед возвращением в Хайфу. Он справедливо говорил деду о том, что о Швеции у него очень смутное представление и он «знаком только со школьной учебкой в Швеции, а не с работой». Густава Валленберг непоколебимо стоял на своем: он опасается мыслей о поездке домой до «полного завершения коммерческого образования». Было подчеркнуто еще раз: ЕГО план – это «единое целое, которое не следует разрушать» (?). Он бы даже предпочел, чтобы Рауль и вовсе не приезжал домой на военные сборы, тем более что их можно было отложить. В конце концов Рауль уступил и даже по возвращении из Ниццы письменно извинился, что поставил под вопрос мудрость дедовских планов (?) и заверил, слишком хорошо (?) осознает свой долг благодарности деду. Явно кривя душой Рауль заверял, что

у него нет выраженного стремления вернуться домой сейчас, пока он еще не заработал денег (как же Рауль мог заработать эти деньги, следуя уже хорошо известным нам планам Густава Оскара Валленберга?) и прямых (!) возражений против жизни за границей у него тоже нет...

По возвращению Рауля в Геную, вопрос с визой вскоре решился и 29 февраля 1936 года он отплыл в Палестину. По прибытии в Хайфу Рауль написал письмо, свидетельствующее о тревожном времени, которое переживала Европа накануне новой мировой войны: «Кормили отвратительно, а к концу я заболел морской болезнью. Одно было замечательно – мы сделали останову в Пирее, и поэтому я смог увидеть Афины. Город меня ни в малейшей степени не разочаровал, наоборот, оказался намного прекраснее, чем я ожидал, и очень наполнен драматизмом и воздухом. Здесь мы простояли целый день. В Александрии мы тоже пробыли почти весь день, но в Каир я не поехал. Там на рейде стояла чуть ли не сотня английских военных кораблей, в том числе три линейных корабля и один авианосец. Пройти через их цепь заняло у нас минут десять, а когда мы вечером выходили из порта, все корабли были освещены, прямо как парк с аттракционами, и это было удивительное зрелище. В Порт-Саиде, живописном и спокойном городе, если не считать его нехороших кварталов – и в самом деле нехороших, – стоял еще один английский линейный корабль. Когда мы отправлялись в путь, в устье канала, выпуская столбы пара, входило итальянское военно-транспортное судно, переполненное солдатами и рабочими. Наш экипаж, включая меня, и две тысячи человек на транспортном судне изо всех сил замахали друг другу руками под дикий рев и крики „дуче, дуче, дуче“. Потом мы пели очень приятную новую песню итальянцев *Faccetta nera, bella Abessinia*. После этого другое судно исчезло во тьме, но рядом с нами еще немного плыла моторка с итальянскими девушками, нанятая итальянским консулом в Порт-Саиде: они ездят встречать каждый новый транспортный корабль с войсками, входящий в порт. Одна из девушек потом села на велосипед и вдоль берега провожала корабль, пока он проходил через канал, по-прежнему распевая *Faccetta nera*.» [2]

На пути из Генуи в Хайфу пассажиры, представлявшие собой смешанную публику, постоянно устраивали оживленные дискуссии. Когда распространился слух, что немецкая армия заняла Рейнскую зону (это действительно произошло 7 марта 1936 года), французы объявили мобилизацию, а англичане направили свой флот в Киль, атмосфера, как сообщает Рауль в том же письме, стала «особенно взволнованной»: настроение немецких пассажиров было превосходным, все остальные смотрели на будущее Европы пессимистично, особенно евреи. «Но у них на то были свои причины», – отметил Рауль (лишь слабо выраженное сочувствие, если оно вообще было...).

После приезда в Хайфу Рауль поспешил в Голландский банк («Holland Bank Union»), где его «дружелюбно, но удивленно» встретил Эрвин Фройнд. Оказалось, что он не получал письма, отправленного в начале февраля) от Густава Валленберга о скором прибытии Рауля. Фройнд думал, что Рауль приедет только через год.

Здание, в котором находился Голландский банк (слева). Хайфа, 1936 год

Рауль поселился в комнате в «кошерном» пансионе на улице Арлозоров, 17. В этом пансионе жили в основном евреи, эмигрировавшие из Германии. В пансионе подавали только кошерную пищу, Валленбергу пришлось носить головной убор, во время субботы (шабата) в меню были лишь овощи и молоко.

В банке работало 30 штатных сотрудников, почти все евреи родом из России, Румынии, Германии и Голландии. Говорили главным образом по-немецки и по-французски. Раулю советовали учить иврит – язык, который до великого еврейского переселения в Палестину в 1920—1930-е годы находился в состоянии вымирания, но теперь возрождался. Сам же Рауль подумывал о том, чтобы вместо этого заняться арабским – он вовсе не был сионистом.

Банк работал семь дней в неделю, и работники сами выбирали себе выходной когда захотят – в субботу или воскресенье. Рауль выбрал воскресенье. Он не занимал никакой штатной должности и был неоплачиваемым волонтером, как и в Южной Африке. Конечно, ему не мог нравиться такой статус, поскольку, как он справедливо считал, характеристики работодателя имели цену только в том случае, если написавший их сам был готов платить за труд подателя такой характеристики. Дед побоялся просить оплачиваемую должность для Рауля из опасения, что Фройнд откажет.

Рауля отправили в отдел корреспонденции, где он выполнял рутинные задания, не имеющие отношения к собственно банковской деятельности: снятие копий с писем, просмотр документов, «чтобы узнать, как они выглядят», сбор статистики колебаний курсов валют на Нью-Йоркской бирже. Он видел Фройнда ежедневно, но практически с ним не общается. Через некоторое время Рауля переводят в бухгалтерский отдел. Теперь он сможет научиться банковской работе? Нет, ведь ему ничего толком не объясняют. Для Рауля она сложна и малопонятна.

Мемориальная доска Рауля Валленберга на здании, где был Голландский банк в Хайфе

Зато климат Палестины Раулю нравился: «Что здесь хорошо, так это климат, день за днем солнце и тепло, так хорошо, иногда почти перебор, но, во всяком случае, это лучше снега с дождем.» На окраине Хайфы находится прекрасный пляж, Бат-Галим. Сюда Рауль отправлялся почти каждую субботу после обеда в компании друзей. По субботам, когда его «еврейские друзья празднуют шабат», он работает, но, поскольку банк закрывается рано, он все же успевает на пляж [2].

Во время пасхальных каникул Рауль с двумя товарищами из банка едет автобусом в Тверию на берегу озера Кинерет (Тивериадское море), «по водам которого ходил Иисус». Они посетили также города с преобладанием арабского населения, такие как Цфат и Акко («совершенно арабский город... один из самых живописных, какие я когда-либо видел, с чрезвычайно узкими дивными улочками, окруженный величественными стенами»). Здесь они «познакомились» и с арабской частью населения Палестины. Когда во время ночной прогулки они спросили у двух арабских женщин дорогу, ответом были «самые отборные ругательства». «Мы бросились бежать со всех ног, потому что вдруг подумали, что совершили тяжелый грех, заговорив с женщинами в чадрах, и что арабы, похоже, легко хватаются за нож» [2].

И в конце апреля работа в этом банке для Рауля «сложна и малопонятна», а Фройнд занят своими делами и Рауля, все это стало раздражать. Густав Валленберг смотрел на вещи по-другому: его воодушевило письмо Фройнда, которое, на его взгляд, показывало, что Рауль заблуждается относительно своего шефа. В письме к Густаву Фройнд сообщал свои впечатления о Рауле и не скупился на похвалы (не зарплата же, которую нужно платить): «очень умный и культурный», его поведение вызывает «симпатию и доброжелательность», «живой интерес

ко всем сферам культуры, экономики и политики» и отличается «выгодным образом от большинства своих сверстников». Дед был рад и горд. Он послал письмо Раулю, приложив копию письма Фройнда: «лучшей и более убедительной характеристики, чем эта, ты никогда не мог бы получить. Она будет иметь особую ценность, когда однажды ты приедешь домой и, вероятно, станешь искать себе место.» Конечно, письма Густава и «шефа» не могли изменить мнение Рауля о Фройнде, этом банке и его, Рауля, работе в нем для получения «бесценного опыта». Рауль выразил сожаление, что письмо произвело такое впечатление на деда, так как это неискреннее письмо: они с Фройндом в сумме провели вместе часа четыре, и Рауль «не слишком доволен» тем, чему выучился в банке (Рауль по-прежнему выбирает вежливые обороты...).

В пансионе, где жил Рауль, он общался с прибывшими из Германии евреями, которых он описывал как «очень приятных людей с большим чувством юмора» [2]. Именно здесь Рауль впервые столкнулся с жертвами нацистских преследований, и эта встреча глубоко задела его – не только из-за общегуманистических убеждений, но также, возможно, и из-за осознания, что в его жилах тоже текла еврейская кровь (см. свидетельства профессора Хедениуса, глава 2, п. 2.3).

Свою еврейскую наследственность по линии матери Рауль стал осознавать намного раньше, чем его сводные брат и сестра. Нина Лагергрэн сообщала, что детьми они даже не знали о том, что у них были предки евреи, но «не потому, что мама это от нас скрывала, просто наши еврейские предки были такими далекими и еврейские традиции в семье оказались утрачены. Проблема эта всплыла на поверхность только в середине тридцатых годов, когда одна из двоюродных сестер матери выходила замуж в Германии за немца дворянского происхождения. В то время я была лишь ребенком, но все-таки помню, что тогда в нашей семье много говорили о том, как нацисты проверяли ее родословную» [1].

В этом хайфском пансионе одна девушка рассказала Раулю, что ее брата убили нацисты. Об этом случае она рассказала, как пишет Рауль, «мимоходом». «Вообще-то здесь очень мало говорят о прошлом, но почти исключительно – о будущем Палестины, в которое все твердо верят. И было бы жаль, если бы не верили, потому что Палестина – их дом и исполнение давней мечты», – сообщал Рауль деду, который в письме внуку еще раньше выразил восхищение энергией еврейских переселенцев.» [2]

Рауль в этом же письме очень точно рассказал об экономических реалиях еврейского населения (ишува) Палестины: «Здесь все время своего рода бум, сам себя вызывающий. Он выражается в том, что новые иммигранты все время привозят с собой растущие потребности, а для их удовлетворения необходимо постоянное возникновение и расширение фирм и компаний. До тех пор пока народ смотрит вперед с оптимизмом и верит в будущее страны, она стремительно разрастается, привлекая денежные потоки. Но, думаю, стоит только вере на мгновение ослабнуть, здесь разразится кризис, и он будет ужасен. Надежда Палестины в том, чтобы стать промышленным центром Ближнего Востока. И многие отрасли у них уже есть, но они служат в основном тому, чтобы всеми возможными способами удовлетворять спрос на внутреннем рынке, а экспорт еще не начался. Правда, они всегда могут рассчитывать на экспорт фруктов. Экономика покоится на довольно шатких основаниях, но евреи твердо убеждены, что все будет хорошо. Они ведь привыкли к страданиям куда худшим, чем экономический кризис, так что не заботятся и не думают о рисках, а к тому же у них нет выбора – поселиться здесь или где-либо еще. Я никогда не знал, что так много евреев настолько глубоко и фанатично религиозны, как многие здесь. Палестина для них – нечто гораздо большее, чем просто убежище, она для них Земля обетованная, указанная Богом страна. Ведется колоссальная работа, чтобы

сделать страну пригодной для земледелия, потому что воды слишком мало, а камня слишком много. До того как они пришли сюда, здесь было всего 800 тыс. арабов, а может, и того меньше, а они хотят довести здешнее еврейское население до 4 млн. Когда иностранец удивляется, как эта страна сможет прокормить такое количество народу, они рассказывают красивую притчу. Они говорят, что Палестина похожа на шкуру антилопы. Если шкуру снять с животного, она съезживается, уменьшается в размере, и удивляешься, как антилопа могла в ней помещаться. С Палестиной дело обстоит точно так же: пока Палестина заключает в себе еврейское население, она течет молоком и медом и может вмещать много народу, но, когда евреев в ней нет, ее ценность резко уменьшается, и даже малое арабское население с его малыми запросами не в состоянии в этой стране просуществовать.» [2]

Свои знания об экономических реалиях Палестины Рауль получил не только за обеденным столом в пансионе, но также и во время поездок по стране. Он был, в частности, на международном торговом ярмарке The Levant Fair в Тель-Авиве, проходившую уже в четвертый раз, начиная с 1929 года. Выставка «так, ничего особенного, но город приятный, архитектура лучше, чем в Хайфе, а некоторые улицы обсажены деревьями.» [2]

Рауль познакомился с новейшими достижениями еврейских поселенцев в Палестине. Во время пасхальной поездки на Кинерет он с товарищами посетил киббуц Дгания, «одну из новых социалистических еврейских колоний, расположенную там, где Иордан вытекает из озера». За время турецкого владычества земледелие в Палестине пришло в полный упадок и большие земледельческие районы оказались заброшены. Эти земли скупали евреи-сионисты, которые приезжали в Палестину потому, что надеялись превратить ишув в будущее еврейское государство. Большинство сионистов были левыми и хотели построить здесь социалистическое общество. Важным элементом такого общества были сельскохозяйственные объединения, в которых все работники получали одинаковое вознаграждение независимо от вклада в общий труд. Киббуц Дгания был создан в конце октября 1910 года в десяти километрах от Тверии, на берегу Иордана. То, что Рауль увидел здесь, произвело на него впечатление: «Это заслуживает настоящего восхищения. Арабы редко продают свою необработанную и плохо возделанную землю евреям и, если уж такое случается, дерут с них как можно больше. Поэтому евреи прилагают все усилия, чтобы как можно эффективнее использовать хозяйство, чтобы урожаи были как можно лучше. Форма организации, как я уже сказал, – социалистическое, коллективное хозяйство. В основном там живет молодежь, они трудятся с неслыханной энергией в самых отвратительных климатических условиях, сотни жизней погубила малярия. Все возможные фрукты и овощи растут хорошо, но с зерновыми, конечно, получается так себе.» [2]

Раулю очень хотел съездить и в Иерусалим, но он откладывал поездку, так как районы Старого города были закрыты из-за беспорядков. Кроме того, в Иерусалиме после семи вечера действовал комендантский час, который «должно быть, делает жизнь жутко скучной для всех, особенно для молодых, которые работают до семи и потом вынуждены идти домой и сидеть в своей комнате, не имея возможности сходить в кино или прогуляться. Своего рода трехмесячное пребывание в исправительном доме. Бедные евреи!» Когда Рауль наконец собрался поехать, на дороге из Тель-Авива в Иерусалим было много военных, а такси мчалось с сумасшедшей скоростью, чтобы уменьшить риск попасть под обстрел. «Это было замечательно, – подытожил Рауль свои впечатления от Иерусалима, – но из-за плохой ситуации почти ничего не увидел.» [2]

Таким образом, проблемы еврейского ишува были обусловлены далеко не только экономическими причинами. Переселение евреев в Палестину с самого начала (восемидесятые годы

девятнадцатого века) натолкнулось на сильное сопротивление арабской стороны. «Здесь евреи боятся арабов, которые начинают просыпаться и мечтать об империи, – отмечал Рауль. – Бедные, им, видимо, надо навсегда смириться с положением меньшинства, куда бы они ни поехали.» [2]

Пребывание Рауля в Палестине совпало с крупным арабским восстанием, возглавляемым настроенным резко антиеврейски Амином аль-Хуссейни, великим муфтием Иерусалима и председателем Верховного Мусульманского Совета. Восстание вспыхнуло в начале апреля 1936 года и продолжалось до сентября 1939 года. Оно было направлено как против британской власти, так и против еврейского ишува. С 19 по 22 апреля в Яффе и Тель-Авиве было убито 15 евреев и 4 араба были убиты британской полицией. Фройнд считал, что восстание скоро закончится, но Густаву Валленбергу стало известно, что ситуация гораздо более серьезная. Тем не менее, уезжать ли Раулю из Палестины или нет, он оставляет на усмотрение внука. «Если ты чувствуешь, что будущее чревато риском, мой совет – уезжать. Но решай сам, естественно, принимая во внимание, какую ты теряешь выгоду от своего там пребывания.» [2]

Рауль сообщил деду что в Хайфе все еще «довольно мирно». («Время от времени слышались взрывы, по крайней мере их слышали мои еврейские друзья – думаю, у них, бедных, нервы никуда не годятся», – вспоминал он об этом времени через пару лет). Однако, если избегать арабских кварталов, ходить по улицам не опасно: «Было несколько попыток бросить бомбу, но результат ничтожный. Обычно бомбы взрываются слишком рано, убивая того, кто пытался совершить покушение». Он заверяет, что, как только восстание началось, принял решение немедленно уезжать «если того потребует ситуация, то есть не спрашивая предварительного разрешения» [2].

Ему уже было почти двадцать четыре года, и доброжелательные попытки деда направлять его судьбу стали его слегка раздражать. В письме из Хайфы от 6 июня 1936 года он дипломатично пытался довести до деда свою точку зрения. Ему надоело работать неоплачиваемым стажером, хотелось заняться делом, за которое платили бы настоящие деньги. Несмотря на блестящие рекомендации, он считает свое пребывание в Кейптауне «пустой тратой времени». «Рекомендации чего-то стоят только тогда, когда их авторы сгорают от желания платить тебе», – писал он. Рауль признавался, что считал планы деда относительно своего будущего слишком жесткими и что он очень рад его желанию проявлять в этом вопросе большую гибкость, о чем дед заявлял в своем последнем письме. «В таком случае я готов прислушаться к вашим советам и следовать им в большей степени, чем раньше», – писал он. Затем осторожно, почтительно приближаясь к основному вопросу, Рауль продолжал: «Наверное, я не рожден быть банкиром... Архитектура – это другое дело. В университете я доказал, что моя склонность к этой профессии целиком оправдана... Банкир должен быть по своей натуре кем-то вроде судьи, в его характере должны преобладать сдержанность, хладнокровие и расчетливость. Фройнд и Якоб – принадлежат как раз к этому типу, в то время как я совершенно на них не похож. Мне кажется, в моей натуре – скорее действовать, чем сидеть за конторкой и вежливо отказывать посетителям». Чтобы подсластить пилюлю, Рауль добавляет: «Я никогда не забуду любовь и заботу, которыми вы меня окружаете... Если бы я был достойным внуком, я бы благодарил вас и, не задумываясь, следовал всем вашим указаниям... Но я не раскаиваюсь в том, что открыто высказал свое мнение и предложения, – от замалчивания истинных чувств ничего хорошего быть не может.» Позже в том же месяце дед Густав отвечал: «Твое разочарование в связи с отсутствием настоящей работы неоправданно; все, что ты делал до сих пор, только обогащало твой опыт. Я не думаю, что наш план провалился, всё, что ты испытал, несомненно, тебе пригодится» [1].

На эти упреки Рауля деду нечего возразить и Густав Валленберг идет на уступки. Полагая, что лучше всего для Рауля было бы «остаться за границей» (?) и после прохождения военных сборов, он готов в случае, если Рауль решит остаться в Швеции, помочь ему завязать контакты с высококвалифицированными людьми (опять «туман»...). Однако, если у Рауля есть лучшее предложение, дед открыт для него. Густав не удержался и от заявления, что если Рауль останется в Швеции, то он, Густав, считает свою «миссию» в отношении образования внука законченной, если же Рауль останется за границей, дед будет продолжать оплачивать его расходы...

Рауль уже не согласен был слепо следовать инструкциям деда и более всего хотел навсегда вернуться в Швецию. На это у деда был лишь один последний аргумент: некие девушки и проблемы, связанные с ними.

Густав Валленберг в случае возвращения Рауля домой, боится девушек..., пусть не на улице, а в салонах. Связывать себя неразумно... Прежде всего необходимо достичь независимого положения, годового дохода не менее чем в 20 тысяч крон и возможности содержать двух служанок (!). Иначе будущая супруга сама превратится в служанку, а это «неудовлетворительно».

Желание Густава Валленберга «сообразовывать план с обстоятельствами» уже радует Рауля. Он вежливо заявляет, что на этих условиях готов пойти навстречу пожеланиям дедушки больше, чем собирался. «Не хочу скрывать, – пишет он, – в последние месяцы я стал думать, что ради того, чтобы меня слышали, нужно кричать „волки!“ громче, чем вынуждают реальные волки» [2].

Относительно беспокойства деда по поводу желания Рауля найти оплачиваемую работу «лишь для того, чтобы была возможность тут же» жениться, он уверяет деда, что прежде всего им движет сильное желание заработать деньги, много денег. Жену он тоже хочет, но прежде всего хочет много денег (вот результат «миссии» деда: внуку 24 года, он закончил университет, однако до сих пор живет на деньги деда и нет никаких четких перспектив!).

После пяти с половиной месяцев в Хайфе Рауль, наконец, решился вернуться домой, в Швецию, несмотря на неудовольствие деда. «Моя мать уже много раз писала мне, что жаждет видеть меня дома», – писал он деду. Далее он аргументировал свое решение: он, в принципе, готов оставаться за границей, пока это на пользу его будущему (нормальному, за зарплату!) трудоустройству (все еще – будущему ..., а ведь Раулю уже 24 года!). Ему надоело быть оторванным от жизни в Швеции уже целых пять лет! Он согласен с дедом, что за границей хорошо скрывать свои ошибки и недостатки, а как же быть с потенциальными способностями? Они ведь тоже останутся незамеченными и их обладатель будет принят «скептически» при возвращении домой!

Польский корабль «Полония» отплыл из Хайфы 18 августа 1936 года и через пять дней прибыл в Стамбул. До отплытия «Полонии» из Стамбула в румынский порт Констанца оставалось несколько часов, которые Рауль провел с дедом в дискуссиях о его, Рауля, будущем. Густаву Валленбергу пришлось согласиться, что после военной переподготовки Рауль останется в Швеции. Однако он продолжал цепляться за остатки своих туманных планов: не надо рассматривать работу в Хайфе у Фройнда (без зарплаты! стажером!) как «окончательно завершенную»: пусть это будет резервный вариант, к которому можно вернуться, если будущие попытки немедленно найти работу окажутся неудачными, дорогой к бегству, если в Швеции

дела Рауля пойдут плохо. Дела Рауля Валленберга в Швеции в 1937 -1940 годах сложились неудачно, однако к чести Рауля он не воспользовался этой «дорогой к бегству», еще более усугубившей бы его положение (а дед Густав в 1937 году умер и не было уже кому генерировать очень туманные планы о «пионерском», с передовыми технологиями, процветающем банке на Ближнем (можно и на... Дальнем) Востоке, где Рауль усядется в руководящее кресло и посрамит к удовольствию деда его нелюбимых Маркуса-старшего, Маркуса-младшего и Якоба...

Вечером того же дня, 23 августа 1936 года, корабль «Полония» с Раулем на борту вышел в путь вдоль побережья Черного моря к Констанце. Оттуда Рауль поехал дальше на «ужасно переполненном иммигрантами поезде» (задумался ли он тогда, что это лишь прелюдия к массовой эмиграции евреев из Германии, Австрии, Чехословакии?) через Львов в Варшаву. Затем был Берлин. Во время остановки там Рауль заехал к «любимой кухне» Май Ниссер, вышедшей замуж за графа Энцо фон Плауэна и жившей в замке Визенбург, в 80 км от Берлина. Поездка по Германии происходила через несколько недель после летней Олимпиады в Берлине. Увиденное произвело на Рауля впечатление: «Сама по себе нацистская Германия тоже произвела хорошее впечатление, и те, с кем довелось поговорить, кроме евреев, утверждали, что вполне довольны» (да, антифашистские взгляды здесь совсем не просматриваются..., но может быть причиной было то, что адресатом был «ариец»...) [2].

3.3. Вход в «сферу Валленберг» закрыт для Рауля

Осенью 1936 года, незадолго до возвращения Валленберга из Хайфы, его дед слег. Болезнь положила конец его замыслам заинтересовать влиятельных знакомых планом создания международного банка, в котором Рауль мог бы занять достойное положение. В начале 1937 года Густав Валленберг умер, и теперь Рауль, свободный от тирании любящего старика, сам мог решать: что ему делать дальше. Путь в архитектуру, его первую любовь, был для него закрыт. Американский диплом архитектора не давал права работать в Швеции – чтобы заняться любимым делом, ему пришлось бы пройти процесс подтверждения своей квалификации, а в двадцать пять лет, как он считал, садиться на студенческую скамью было поздно. Кроме того, мировая депрессия сказалась и на экономике Швеции: в стране мало строили. Двоюродные дяди Якоб и Маркус Валленберги, несомненно признававшие, что коммерция отнюдь не его конек, также не спешили предлагать ему должность ни в семейном банке, ни в связанных с ним предприятиях. Май фон Дардель стала беспокоиться: несмотря на многочисленные способности и хорошие связи, ее сын рисковал остаться без дела.

Попытки Рауля покончить с унижительным положением, когда он был без нормальной оплачиваемой работы, самостоятельно или с помощью Густава и его сестры Лилли, потерпели неудачу. «Сфера Валленберг» оказалась для него закрыта. Брат деда, Кнут, председатель совета директоров семейного банка, подарив несколько благодушных обещаний Раулю и его матери Май, не сделал ничего реального и умер в 1938 году (детей у него не было). Другой брат деда, Маркус-старший, ставший председателем совета директоров банка после смерти Кнута, был обеспокоен попытками ближайших родственников Рауля найти ему место в «сфере Валленберг», охраняя «семейную поляну» для своих сыновей Якоба и Маркуса-младшего, двоюродных братьев отца Рауля. Выиграли и антисемитские мотивы: дочь Маркуса-старшего Гертруд («Калли», жена австрийского графа Фердинанда Арко ауф фон Валлей, ярого немецкого националиста, и последняя любовь маршала Маннергейма в конце его жизни) по просьбе отца отправилась в ноябре 1936 года в Ниццу наблюдать за встречами Густава, Кнута и Рауля. Гертруд сообщила отцу, что Рауль произвел на нее «очень еврейское впечатление» и резюмиро-

вала, что пустить Рауля в «сферу Валленбергов» было бы равносильно тому, что отдать ему и Нахмансонам (Юсеф Нахмансон, еврей, был гендиректором «Стокгольмс Эншилда Банк» до 1928 года) управление банком, который вовсе не является семейным благотворительным предприятием [2]. Якоб, гендиректор семейного банка с 1938 года, дядя Рауля, сам морской офицер, как и отец Рауля, тянул время, несколько раз предлагая Раулю «изучать рынок» для создания новой фирмы (по производству застежек-молний и т. п. чепухи). Так Рауль был навсегда отторгнут «сферой Валленберг», включавшей, кроме банка SEB, десятки крупных и по международным меркам промышленных компаний (СКФ, АСЕА, Эриксон...) и активно проводившей многочисленные финансовые и торговые операции во время начавшейся второй мировой войны (включая и весьма неприглядную деятельность): поставки в Швецию необходимого сырья и продуктов, контакты с членами правой германской оппозиции Гитлеру, «черной капеллой», и попытки сепаратных переговоров между ними и западными союзниками, поставки шарикоподшипников германской военной индустрии, сбыт награбленных немцами в оккупированных ими странах золота, ценных бумаг и облигаций, торговые отношения с Советским Союзом, также нарушавшие шведский нейтралитет (например, знаменитая поставка высококачественной стали за платину) ... – во всем этом Раулю места не нашлось.

Подкрепим все вышесказанное перепиской Рауля Валленберга со своими родственниками и этими родственниками между собой. Тексты писем (или выдержки из них) приводятся в переводе на русский язык, сделанным автором по книге [3].

Вот дядя Рауля, Маркус-младший, пишет Раулю и прилагает просимые им рекомендательные письма.

Маркус Валленберг-мл. (Стокгольм, 8.02.1934) – Раулю Валленбергу, (Энн-Арбор, Мичиган, США)

*«Mr Raoul Wallenberg
1021, Hill Street,
Ann Arbor /Mich./*

Дорогой Рауль,

Я рад, что ты можешь следить за интересным развитием событий в США на месте и надеюсь, что это еще больше повысит эффективность твоего изучения Америки.

В ответ на твою просьбу о паре адресов прилагаю два рекомендательных письма к двум моим друзьям в Нью-Йорке. Тебе будет интересно познакомиться с ними:

– Роберт Ловетт, фирма Brown Brothers, Harriman & Co,

– Джеймс Варбург, вице-президент Bank of the Manhattan Company, финансовый эксперт США на Лондонской конференции, член мозгового штаба Рузвельта.

Пламенный привет от всех нас,

Твой любящий, /подпись/»

Маркус-мл. Валленберг (Стокгольм, 8.02.1934) – «Дорогому Бобу» (Brown Brothers, Harriman & Co, Нью-Йорк) и «Дорогому Джимми» (Bank of the Manhattan Company, Нью-Йорк)

*«Robert A. Lovett, Esq.,
Messrs. Brown Brothers Harriman & Co.,
59, Wall Street,
New York*

*Mr. James P. Warburg,
Vice Chairman of the Board,
Bank of the Manhattan Company,
40, Wall Street,
New York*

Этим представляю Вам сына моего двоюродного брата, Рауля Валленберга, который путешествовал по Вашей стране в течение последних двух лет, чтобы изучить американскую обстановку в целом и американскую архитектуру в частности.

В настоящее время он живет где-то в Мичигане, но, как я думаю, приедет в Нью-Йорк рано или поздно.

Если бы Вы были так любезны предоставить ему какую-то информацию или что-то подобное, это могло бы помочь ему достичь цели его визита в Вашу страну...

*Всегда Ваш,
/подпись/»*

Обращает на себя внимание нарочитое расплывчатое определение цели Рауля: «твоего изучения Америки» (Рауль мечтал о работе в Америке или в Швеции), а также сообщение американским банкирам о том, что Рауль изучает американскую обстановку в целом и американскую архитектуру в частности».

Это представляется откровенной насмешкой над племянником и отсутствием желания помочь ему.

В ответе Рауля можно видеть скрытое разочарование. Вместо поездки в Нью-Йорк, он едет в Чикаго, чтобы поработать в шведском павильоне на Всемирной выставке за несколько долларов в день.

Рукописное письмо Рауля Валленберга (Энн-Арбор, 9.02.1934) Маркусу Валленбергу-мл. (Стокгольм)

«Ann Arbor 9 February, 1934

Дорогой Додде,

Большое тебе спасибо за два рекомендательных письма, которые, безусловно, окажутся мне очень полезными, когда в следующий раз я поеду в Нью-Йорк. Я уже был там четыре или пять раз, посещая моих родственников, Колвинов, которые живут в Гринвиче, Коннектикут. Как ты сам отметил, очень интересно быть в Америке в это время, возможно более интересно, чем в хорошие времена.

Сейчас я планирую лето, но, как обычно, я понятия не имею, что получится на самом деле. Мы с моим другом решили отправиться в Мексику, чтобы вести более или менее настоящую жизнь на природе. Однако, поскольку очень легко составлять планы, которые рушатся из-за того, что друзья срывают их в самый последний момент, у меня есть еще один план «в рукаве». Согласно этому плану, я снова поеду на запад, чтобы попытаться пройти через пресловутую и ужасную «Долину Смерти» в Калифорнии, которая считается самым жарким местом в мире. До него можно добраться через Неваду, недалеко от «Плотины Гувера». Это регион, с которым я знаком. Аризона, с окружающими штатами, – это места, в которые я собираюсь вернуться чаще, чем в другие места.

Однако я полагаю, что все закончится тем, что я останусь здесь для летней школы, и что после этого поеду в Чикаго, где я мог бы получить работу на Всемирной выставке. В противном случае я поеду в Нью-Йорк.

Еще раз спасибо за письма и всего самого лучшего для тебя и твоей семьи.

Рауль

1021 Hill St

Ann Arbor

Mich»

В следующих трех письмах видно лицемерие Маркуса-старшего и его сына Маркуса-младшего по поводу возможного трудоустройства Рауля в семейном банке SEB. В результате усилий Маркуса-старшего и его сыновей Рауль остался за порогом банка.

Маркус Валленберг-ст. (Гранд-отель, Канны, Франция, 26.02.1935) – Маркусу Валленбергу-мл. (Стокгольм)

«Дорогой Додде,

Я слышал от моего брата Густава, что Рауль прибывает в Осло 5 марта.

Цель этого письма – напомнить тебе и Якобу, что необходимо определиться с тем, как вы смотрите на будущую карьеру Рауля.

Я убежден, что Рауль в глубине души хочет начать работать в банке и пойти как можно дальше в этом направлении. Ничего плохого об этом сказать не могу, если у него есть необходимая классификация.

У его деда другое мнение. Он хочет обучать его за границей, чтобы стать главой пионерского банка.

Это его настоящая причуда. Май Дардель, которая намного умнее, «работала» над дядей Кнутом, чтобы Рауль начал работать в банке.

Я говорил дяде Кнуту пару раз, что это не мы, а исключительно вы двое должны выбирать своих будущих сотрудников. Я думаю, что было бы уместно

Якобу сказать дяде Кнуту, чтобы он не давал полубецаний по поводу того, с чем вы не согласны.

Так легко раздавать туманные обещания, которые позже надо выполнять, в то время как не хотелось бы делать этого.

Погода нестабильна, но мы играем в гольф каждый день.

Наилучшие пожелания от

Твоего Папы»

Маркус Валленберг-ст. (Гранд-отель, Канны, Франция, 27.02.1935) – Маркусу Валленбергу-мл. (Стокгольм)

«Дорогой Додде,

...После отправки мною последнего письма, я узнал о письме Густава Раулю, из которого явствует, что Май работает над его устройством на работу в банк...

Ваш Папа»

Маркус Валленберг-мл. (Стокгольм, 10.03.1935) – Маркусу Валленбергу-ст. (Гранд-отель, Канны, Франция)

«Дорогой папа!

Спасибо за письма о Лилле-Рулле. Я показал их Якобу, который обещал поговорить с дядей Кнутом. Мы считаем, что должны увидеть его и выяснить, как он развился после всех этих лет за границей...

Поцелуй от Додде»

Не получивший работу в банке, Рауль вынужден отправиться в Южную Африку для работы стажером в одной маленькой фирме и «заботливый» Маркус-старший пишет для него рекомендательное письмо в тамошний банк,

аттестуя Рауля архитектором, изучающим местные условия. Еще одна откровенная насмешка...

Машинописное рекомендательное письмо Маркуса-ст. Валленберга (Стокгольм. 12.06.1935) в Standard Bank of South Africa Ltd

*«Standard Bank of South Africa Ltd.,
CAPE TOWN*

Дорогие джентльмены,

Подателем сего письма является г-н Рауль Валленберг (внук моего брата), которого мы рекомендуем Вам. Г-н Рауль Валленберг, по профессии архитектор, собирается в Южную Африку на некоторое время, чтобы изучить местные условия и мы будем очень благодарны, если Вы окажете ему в этом ценную помощь и консультации.

Г-н Рауль Валленберг имеет достаточно средств для собственных нужд и, добавим, пользуется хорошей репутацией и живет в комфортных условиях. Заверяем Вас, что мы будем очень признательны Вам за любую любезность, которую Вы сможете оказать ему и всегда будем готовы ответить взаимностью.

*Искренне Ваши, дорогие джентльмены,
STOCKHOLMS ENSKILDA BANK
/подпись/ Марк. Валленберг»*

В следующих письмах мы увидим, как дяди Рауля пытаются спровадить Рауля заниматься застезками-молниями (в конечном счете отказавшись заплатить за Рауля требуемый пай) или в Турцию, рекомендуя представителям американской спичечной компании «старые связи» его деда Густава (американцы не реагируют должным образом, эфемерный «товар» им не нужен).

Рукописное письмо Маркуса Валленберга-мл. (Стокгольм, 23.11.1936) Раулю Валленбергу (Ницца, Франция)

*«Nice
Air mail Hôtel d'Angleterre & de
Grande Bretagne.*

Дорогой Рауль!

Производитель получил гениальный патент на новую застезку-молнию и сейчас рассматривается возможность создания небольшой шведской компании для реализации этого патента.

Я предложил им обратиться к тебе с просьбой заняться этим делом. Когда ты получишь это письмо, пожалуйста, сообщи мне интересуется ли тебя это. Если да, то по дороге домой ты должен встретиться с Августом Нахмансоном в Нойштадте (Баден, Швейцария), где находится завод.

Пожалуйста, передай деду мои наилучшие пожелания.

*Твой любящий,
Марк. Валленберг»*

**Рукописное письмо Рауля Валленберга (борт парома «Дойчланд», 9.12.1936)
Густаву Валленбергу (Ницца, Франция)**

Deutsche Reichsbahn

Best route between
the continent and Sweden, Norway & Finland.

Through carriages and sleeping cars:

Stockholm - Malmö - Berlin

Oslo - Malmö - Hamburg

Le meilleur itinéraire entre le
continent et la Suède, La Norvège et la Finlande.

Voitures directes et wagons-lits:

Stockholm - Malmö - Berlin

Oslo - Malmö - Hamburg

Sassnitz - Trälleborg

Bästa förbindelsen mellan
Kontinenten samt Sverige, Norge och Finland.

Direkta vagnar samt sovvnagnar:

Stockholm - Malmö - Berlin

Oslo - Malmö - Hamburg

Beste Verbindung zwischen dem
Kontinent und Schweden, Norwegen, Finnland.

Direkte Wagen, sowie Schlafwagen:

Stockholm - Malmö - Berlin

Oslo - Malmö - Hamburg

Absender ist nicht die Deutsche Reichsbahn

Fährschiff „Deutschland“, den 9.12.1936

«Дорогой дедушка!

Сейчас я направляюсь в Нойштадт (недалеко от Фрайбурга, Брейсгау), чтобы осмотреть фабрику, где производят застежки-молнии. Я делаю это по просьбе дяди Маркуса и производителя, которые хотят купить патент на эту застежку-молнию с целью создания фабрики для скандинавского рынка, в работе которой я бы принял участие в том или ином качестве. Запуск фабрики будет частично зависеть от результатов моего обследования. Звучит довольно привлекательно. Я буду в состоянии предоставить тебе определенную информацию о характере этой моей работы перед Новым годом.

Бабушка отправится в путешествие на Юг в районе 15-го числа или несколько позже.

С наилучшими пожеланиями от всех нас. Надеемся, что ты поправишь свое здоровье самым лучшим образом.

Передай привет тете Лили.

Рауль»

Машинописное письмо Якоба Валленберга (Стокгольм, 4.10.1937) Ф. Аттербергу (Нью-Йоркская спичечная компания)

*«Mr. F. Atterberg,
New York Match Co., Inc.,
26—28, West 44th Street,
New York*

Мой дядя, Густав Валленберг, который умер этим летом, был бывшим послом Швеции в Турции, где он оставался в течение нескольких лет после ухода в отставку. Однако я убежден, что посол Винтер готов оказать свою поддержку 2-ну Стерну, ввиду значительных шведских интересов, которые представляет Международная компания по реализации спичек.

Поэтому я написал об этом непосредственно послу Винтеру. Я, кроме того, прилагаю это письмо здесь. Если Вы того пожелаете, я попрошу г-на Рауля Валленберга, который является внуком посла Валленберга и живет в Стокгольме, оказать Вам какую-либо помощь, т.к., возможно, он знает связи деда в Турции.

*Искренне Ваш,
JW»*

Машинописное письмо Рауля Валленберга (Стокгольм, 7.10.1937) в International Match Realization Co. Ltd (Международная спичечная компания, Нью-Йорк)

*«W/T
7th October 1937
International Match Realization Co., Ltd.
14, Wall Street
New York City*

Джентльмены,

Г-н Якоб Валленберг рассказал мне о Вашем плане установления контактов с авторитетными кругами в Турции и с лицами, имеющими голос в принятии окончательного решения о покупке турецкой спичечной фабрики и приобретения монопольных прав на спичечную продукцию. Он отметил, что назвал Вам мое имя в этой связи. Как я понимаю, Ваш г-н Луис Э. Стерн может взять на себя ответственность за переговоры. Мой дед, Густав Оскар Валленберг, долгое время являвшийся послом Швеции в Турции, после ухода в отставку занимался этим вопросом с высокопоставленными турецкими должностными лицами и, без сомнения, был бы рад Вам помочь, если бы не умер в начале этого года. Он много занимался этим вопросом со своим другом в Кабинете министров, а также с другими своими друзьями среди должностных лиц и их советников. Я знаю одного-двух заинтересованных лиц и владею его перепиской по данному вопросу. Посол Валленберг не только пришел к частичному пониманию с несколькими влиятельными лицами, но также получил официальную письменную гарантию от правительства. Благодаря его отличным связям и знанию местных условий, особенностей восточных бизнес-методов, он значительно продвинулся вперед. Эта проблема особенно интересна для меня, поскольку я знаю Левант из посещения Турции и моей работы в Хайфе, в Holland Bank Union. Я готов предоставить в Ваше распоряжение связи моего деда и мои собственные связи, чтобы достичь благоприятного результата. Для этого мне понадобится поехать в США позднее в этом году, но до этого я мог бы захватить в Стамбул, если пожелаете. Если захотите со мной связаться, письма и телеграммы лучше направлять по моему вышеприведенному стокгольмскому адресу.

*Искренне Ваш,
Рауль Валленберг»*

Машинописное письмо Ф. Аттерберга (Нью-Йорк, 27.10.1937) Якобу Валленбергу (Стокгольм)

NEW YORK MATCH CO., INC.

New York, October 27, 1937.

Jacob Wallenberg, Esq.,
Stockholms Enskilda Bank,
Stockholm, Sweden.

Dear Mr. Wallenberg,
Re: International Match Realization Co.

«Я хочу подтвердить получение Вашего письма от 4 октября с приложенным рекомендательным письмом для г-на Луиса Э. Стерна к шведскому послу в Турции. Я передал это письмо г-ну Стерну и он просил передать Вам, что ценит Вашу доброту. Вы пишете в своем письме, что если мы того захотим, то можем обратиться к Раулю Валленбергу по поводу связей его деда в Турции. Мы, безусловно, будем очень благодарны, если Вы спросите Рауля Валленберга, знает ли он каких-либо лиц, которые могли бы быть полезными для г-на Стерна, из-за их связей с нынешним турецким правительством, либо из-за глубокого знания обстановки в Турции. Если он таких лиц знает, было бы очень полезно, если бы Вы написали рекомендательные письма к ним, которые будут переданы г-ну Стерну. Г-н Стерн отправляется в Европу на следующей неделе и прибудет в Истамбул 15 ноября, где он останется примерно на месяц. Его адрес: care of American Turkish Investment Corp., P.O. Box 1064, Istanbul, Turkey.

Еще раз благодарю Вас за помощь, остаюсь искренне Ваш

/подпись/ Ф. Амтерберг»

Телеграмма Рольфа Калиссендорфа Маркусу Валленбергу-мл. 28.01.1938 (Лондон, гостиница «Савой»)

STOCKHOLMS ENSKILDA BANK
AKTIEBOLAG
TELEGRAM

28/1-38

Wr

«Маленький Рауль сказал мне, что сообщил Вам об опции, срок ответа по которой истекает тридцать первого, по методу Soro. Он был бы признателен за

Ваш ответ (перед этим банк SEB получил из Швейцарии все технические детали о планируемой фабрике и предложение уплатить 650 тысяч золотых швейцарских франков в качестве пая за участие в этом деле, Рольф Калиссендорф — один из директоров SEB. — прим. авт.)

Калиссендорф»

Секретарь Маркуса Валленберга-мл. Раулю Валленбергу 29.01.1938

Mr Raoul Wallenberg, Architect

*Svensk-Schweiziska Industrisyndikatet,
Kungsgatan 30, 9th floor
Stockholm*

«Г-ну Раулю Валленбергу, Архитектору...»

Дорогой Рауль...

*По указанию г-на Маркуса Валленберга-мл. настоящим сообщаю Вам, что г-н Валленберг не желает использовать опцию в отношении процедуры *Sogo* во Франции, которую... предложили SEB (письмо от 16.12.1937). Я возвращаю Вам документы, которые Вы отправили Валленбергу по этому вопросу.*

*Искренне Ваши
/подпись/ Секретарь»*

Апрель – сентябрь 1939 года... Рауль практически отчаялся получить работу с помощью родственников. В ответ на неясные намеки о возможной работе в... Индии и на возможное его использование в свете надвигающейся мировой войны он вновь просит дядю Якоба о помощи. Кроме того, Рауль косвенно напоминает Якобу, имевшему участок земли в пригороде Стокгольма, который тот предполагал отдать под застройку, о его предложении Раулю разработать соответствующий проект. Но в 1939 году началась война, и, хотя Швеция в ней сохраняла нейтралитет, всякое строительство практически прекратилось... [1]

Машинописное письмо Рауля Валленберга (Стокгольм, 27.04.1939) Якобу Валленбергу (Стокгольм)

*RAOUL WALLEMBERG
KUNGSGATAN 30, 9TH FLOOR STOCKHOLM
CABLE ADDRESS SYNDIKAT
TELEPHONE 20 75 64
PRIVATE:
ÖSTERMALMSGATAN 7, 5TH FLOOR
STOCKHOLM
TELEPHONE 20 66 05*

«Дорогой Якоб,

*3 марта я поговорил с г-ном Лундбергом из *Swedish Match Company* о трудоустройстве в Индии. Однако до сих пор я не получил ответа. Я спросил его позднее возможна ли любая другая вакансия внутри фирмы, однако его ответ был отрицательным. Досадно все это, поскольку, естественно, я предпочел бы работать в Европе или Америке, а не в колониях, независимо от рода работы, при условии равной оплаты. Довольно удручающе продолжать ждать ответа. Поэтому я был бы благодарен тебе, если бы ты мог сказать, как, например, сказал в начале февраля, советуешь ли ты мне продолжать ждать этой работы, или условия таковы, что ты скорее посоветуешь мне попытаться найти работу самостоятельно. В первом случае, было бы интересно услышать от тебя какое-либо предложение мне заняться чем-нибудь в ожидании этого. Еще раз пользуюсь случаем поблагодарить тебя за доброжелательность ко мне и за твои усилия в отношении моего будущего трудоустройства.*

*Твой любящий,
P. Валленберг»*

Машинописное письмо Рауля Валленберга (Стокгольм, 26.09.1939) Якобу Валленбергу (Стокгольм)

*RAOUL WALLENBERG
KUNGSGATAN 30, 9TH FLOOR STOCKHOLM
CABLE ADDRESS SYNDIKAT
TELEPHONE 20 75 64
PRIVATE:
ÖSTERMALMSGATAN 7, 5TH FLOOR
STOCKHOLM
TELEPHONE 20 66 05 26 September, 1939
Jacob Wallenberg
Stockholms Enskilda Bank, Ab.
Stockholm*

«Дорогой Якоб,

На нашей последней встрече ты сказал мне, что война может привести к ряду проблем и что ты будешь готов использовать мои услуги при их решении. Поскольку я понимал, что это не означало бы постоянной работы для меня и что, кроме этого, были бы перерывы между такими назначениями, я просил тебя о постоянной работе и эту просьбу ты обещал рассмотреть.

Я был бы благодарен тебе, если бы ты сообщил о своем решении. В то же время я хочу поблагодарить тебя за компенсацию расходов по передаче прав в Huvudsta (Хивудста – пригород Стокгольма, здесь Якоб приобрел землю для будущей застройки. – прим. авт.), для которой я взял на себя обязанность собрать 1250 крон в период с 13.05 по 28.07.

*Твой любящий,
Р. Валленберг»*

1942 год... Рауль уже больше года работает в «Центрально – европейской торговой компании»(см. 3.4). Никаких «деловых» контактов между Раулем и его дядями уже нет...

Машинописное письмо Якоба Валленберга (Стокгольм, 3.10.1942) Раулю Валленбергу (Стокгольм)

*Mr Raoul Wallenberg, Architect
Bragevägen 12
S t o c k h o l m*

«Дорогой Рауль,

Моя сердечная благодарность за теплые поздравления с моим 50-летием и за прекрасные цветы, которые ты послал. Я очень ценю твое внимание.

*Твой любящий,
JW»*

Машинописное письмо Рауля Валленберга (Стокгольм, 9.11.1942) Якобу Валленбергу (Стокгольм)

*MELLANEUROPEISKA HANDELS A.-B.
CABLE ADDRESS
MEROPA TEL. 67 22 83*

67 22 84
STRANDVÄGEN 7 A
STOCKHOLM, 9 November, 1942.RW/No

Mr Jacob Wallenberg
c/o Stockholms Enskilda Bank A.-B.,
Stockholm.

«Дорогой Якоб!

Я рад послать тебе прилагаемое письмо, которое шведская миссия в Берлине поручила мне передать в день, когда я посетил их. Я должен был доставить письмо в его нынешнем, открытом виде, за который, я надеюсь, ты извинишь меня.

*Искренне твой,
R Wallenberg»*

3.4. «Центрально – европейская торговая компания»

«Наконец, благодаря деловым связям родственников, Рауля удалось познакомить с другим еврейским беженцем, Кальманом Лауэром, директором преуспевавшей экспортно-импортной фирмы, занимавшейся продовольственными товарами. Лауэру требовался надежный служащий-нееврей, который мог бы свободно ездить по Европе, включая оккупированные нацистами страны. Рауль с его знанием языков, энергией, инициативой, умением договариваться и привлекательной внешностью казался для такой работы идеальной фигурой. Через восемь месяцев после поступления на работу к Лауэру Рауль стал его младшим партнером и одним из директоров их „Центрально – европейской торговой компании“; кроме того, у него завязались с Лауэром теплые личные отношения. Страны, которые Валленберг посещал по делам фирмы, включали оккупированную Францию, Германию, где Рауль очень быстро обучился вскоре пригодившемуся ему обхождению с нацистской бюрократией, и Венгрию, союзницу Германии. Родители жены Лауэра жили в Будапеште, и, всякий раз отправляясь туда, Валленберг по просьбе партнера навещал их. Несмотря на антисемитские законы, ограничивавшие гражданские права евреев, Венгрия еще оставалась тогда относительно безопасным островком во враждебном море преследований, затопившем почти весь континент, и в нее даже бежали евреи из других стран, находившихся под влиянием нацистов. Конечно, венгерские евреи чувствовали оправданное беспокойство за свое будущее и были напуганы, но их жизни пока непосредственная опасность не угрожала. Скоро, однако, положение изменилось к худшему... Совершенно очевидно, что Валленбергу его работа не нравилась, хотя выполнял он свои обязанности безупречно. Помимо всего прочего, его ужасали порядки в оккупированной нацистами Европе (хотя самое худшее к тому времени еще не открылось) и мучило сознание, что как гражданин нейтрального государства он ничего с этим поделать не мог. Правда, он участвовал в работе организации, занимавшейся вопросами занятости беженцев из Дании, Норвегии и Финляндии, которые находили тогда убежище в Швеции...» [1].

«Весной 1941 года Рауль познакомился с венгерским бизнесменом Коломаном (по-венгерски – Кальманом) Лауэром, с недавнего времени переселившимся в Швецию. Этой встрече суждено было иметь далеко идущие последствия... В Швеции Лауэр обзавелся тесными связями с Кооперативным союзом и с известным судовладельцем Свеном Саленом, что помогло ему получить шведский вид на жительство.

Коломан Лауэр – компаньон Рауля Валленберга

В марте 1941 года Лауэр с супругой Марией перебрались в Швецию. В июле того же года была создана Центрально – европейская торговая акционерная компания. Свен Сален внес половину акционерного капитала – 15 тыс. крон, а Лауэр получил акций на такую же сумму – за экспертные знания, привнесенные им в работу фирмы (*т.о. акционерный капитал фирмы составил всего-то 7142 доллара по тогдашнему курсу-прим. авт.*). Цель компании состояла в осуществлении экспортно-импортных операций между Швецией и странами Центральной Европы, особенно с Венгрией, «равно как и сопутствующая этому деятельность». Это Свен познакомил Лауэра с Раулем, которого взяли на работу в компанию в августе 1941 года, сразу же после ее образования. Как вспоминал Лауэр, он «знал языки, имел деловой ум и организаторские способности и приятную манеру вести переговоры, что было решающим в то время, когда исключительно важно было добыть продовольствие для Швеции». Центрально – европейская компания торговала главным образом продовольствием и с октября 1941 по лето 1944 года импортировала товаров примерно на 10 млн крон (*т.е. около 600 тыс. долларов ежегодно – прим. авт.*). Важными импортными товарами были свежие яйца и яичный порошок, овощи, сушеный лук и томатная паста для шведской армии. К более эксклюзивным предметам импорта относилась гусиная печень и другие деликатесы. Венгрия, богатая и плодородная сельскохозяйственная страна, была союзницей Германии в войне, но оккупирована не была, и производство продуктов питания продолжалось примерно так же, как в мирное время. Поскольку Лауэр был евреем и не мог свободно разъезжать по Европе, ответственность за зарубежную деятельность компании легла на Рауля. Вскоре его назначили директором по иностранным связям, а в марте 1942 года, всего через полгода после начала его работы, он стал членом правления. В 1941—1943 годы Рауль совершил немало служебных поездок по Европе, что в условиях войны было довольно сложным делом. Как и все шведы призывного возраста, он через равные промежутки времени призывался на военные сборы. Поэтому в конце сентября он обратился в армию за разрешением находиться за границей в октябре – ноябре 1941 года. Заявление было удовлетворено 8 октября «кроме времени, когда заявитель может оказаться подлежащим военной службе», а 10 октября Министерство иностранных дел выдало ему «кабинетный паспорт». Это был своего рода дипломатический паспорт для лиц, прямо не связанных с МИДом, но совершающих зарубежные поездки с официальной командировкой. С таким паспортом можно было получить транзитную визу через Германию, что в других случаях было трудно. Основанием для зарубежной поездки послужило то, что Государственная комиссия по экспорту лошадей попросила их компанию провести от ее имени переговоры о продаже Франции шведских арденнских лошадей... между Рождеством и Новым, 1942 годом, когда Рауль отправился в Париж через Цюрих и Виши... Рауль пробыл в Париже целый месяц и вернулся в Стокгольм в конце января, что говорит о том, что про-

даже лошадей была не единственной его задачей во Франции. Прожив в Стокгольме около недели, он опять уехал за границу, на этот раз в Будапешт, где провел три недели. Между своими зарубежными командировками, с 25 июля по 30 сентября, Рауль побывал на военных сборах. Вскоре после этого, в середине октября 1942 года, он вновь на три недели отправился в Виши и Париж. Домой он вернулся через Женеву и Берлин. В 1942 году он посетил и Бухарест. Зимой 1943 года Рауля вновь призвали на военные сборы. После этого он обратился за разрешением на зарубежную командировку почти на девять месяцев, с 15 июня 1943 года по 1 марта 1944 года, и получил такое разрешение. 4 сентября 1943 года он вновь поехал в Будапешт, где его знакомый Пер Ангер в июне 1942 года заступил на должность второго секретаря миссии. Поездка в Будапешт стала последней из предпринятых Раулем по поручению Центрально – европейской компании (*эта информация о поездках Рауля Валленберга содержалась в письме Лауэра активисту борьбы за освобождение Рауля журналисту Рудольфу Филиппу от 25.10.1955 – прим. авт.*). Когда он в мае 1943 года обратился в МИД за продлением своего паспорта, поскольку планировал две поездки, одну в Венгрию, Болгарию и Турцию, а вторую в Аргентину, «в обоих случаях для закупки продовольствия», целесообразность этих поездок была поставлена под вопрос, и он получил отказ.» [2].

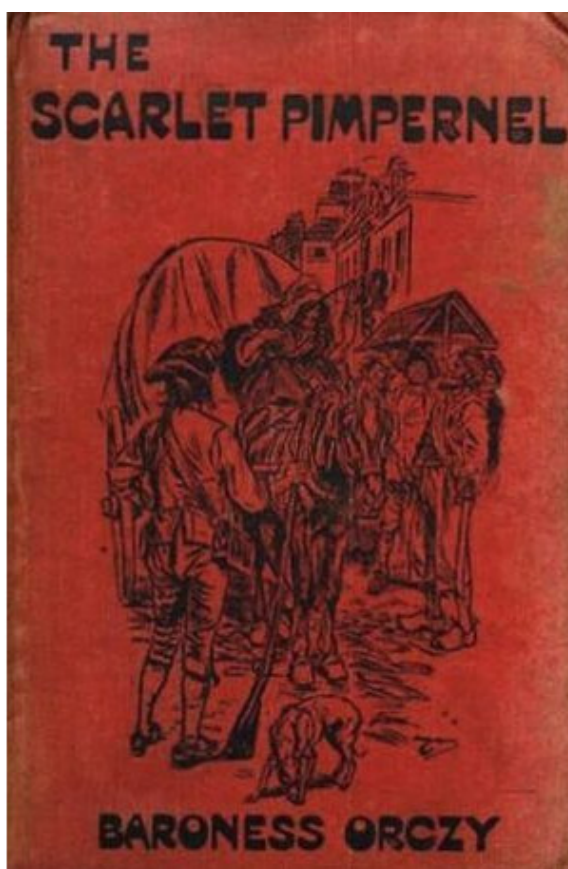
В интервалах между деловыми поездками по Европе Валленберг вел удобную и приятную холостяцкую жизнь. Его квартира находилась в модном стокгольмском районе Ларкстад, и он общался с множеством друзей и знакомых своего круга. Густав фон Платен (впоследствии ставший редактором ежедневной газеты «Свенска дагбладет») так вспоминал те дни: «Он был очень гостеприимным хозяином, имевшим сказочный винный погреб. Особенно хороши были унаследованные от деда запасы замечательного кларета, частично передержанного и потому подлежавшего немедленному употреблению. Некоторые бутылки были просто фантастическими.» Фон Платен вспоминал, что Валленберг «не относился к гусарскому типу, он был, скорее, мечтателем»; так же отзывались о нем другие, кто его тогда знал. Нина Лагергрэн подтверждает это: «Я бы сказала, что он определенно не принадлежал к типу мужчин с квадратной челюстью и на героя не походил. Ему не нравились соревновательные или командные виды спорта, хотя он всегда старался поддерживать хорошую физическую форму. Армейская дисциплина его тоже не привлекала, хотя в гражданской гвардии (шведской армии резервистов) его считали образцовым офицером. Рауль был склонен к иронии и самоиронии, за которыми обычно скрывал свои истинные чувства.»

Придерживаясь общегуманистических и либеральных воззрений, Валленберг, как и большинство молодых людей его круга, к числу радикалов не относился. У него не возникало желания свергать существующий в Швеции общественный строй, хотя в чем-то улучшить его он бы не возражал. Мальчиком он пел в церковном хоре, но истово верующим никогда не был. «В формальном смысле, – свидетельствовала Нина, – он не исповедовал никакой религии, хотя в более широком, я бы сказала, он был глубоко верующий человек...» Некоторые из наиболее проницательных друзей и знакомых Валленберга замечали его недовольство и разочарование. Один из них, экономист по профессии, Бертиль аф Клеркер считал, что «иногда Рауль находился в депрессии. Складывалось впечатление, что ему хотелось сделать свою жизнь более осмысленной».

Как мы увидим далее, случайное знакомство Лауэра с Иваром Ольсеном, представителем Управления по делам военных беженцев, учрежденным Рузвельтом 22 января 1944 года, привело впоследствии к делу всей жизни Рауля Валленберга, дипломатической миссии в оккупированный нацистами Будапешт, где он спас десятки тысяч венгерских евреев от уничтожения, действуя не только дипломатическими, **но просто всеми возможными методами.**

3.5. Романы баронессы Орци об Алом Первоцвете. Фильмы «Алый Первоцвет» и «Первоцвет Смит»

Поколение Рауля Валленберга читало с восхищением романы баронессы Эммы Орци об Алом Первоцвете, британском аристократе сэре Перси Блейкни, друге принца Уэльского, который вел двойную жизнь: праздного плейбоя, далекого от политики, думающего только о собственных уладах, а на деле являющегося главой организации молодых английских аристократов, спасающих жертв якобинского террора во Франции. Классический приключенческий роман «Алый Первоцвет» («The Scarlet Pimpernel») был написан в 1905 году. Всего же цикл романов об Алом Первоцвете включал более десяти книг и создавался баронессой Орци до начала 1930-х годов.

Книга Алый Первоцвет (обложка 1908 года)

В 1934 году режиссер Александр Корда снял фильм по роману Орци «Алый Первоцвет». Главную роль (Перси Блейкни) сыграл звезда британского кинематографа того времени Лесли Ховард. Афиши этого фильма Рауль видел в США и Швеции, и, конечно, смотрел этот фильм (хочется верить, что не один раз...): Французская революция в самом разгаре, идет якобинский большой террор, головы аристократов и знати десятками летят с плеч в корзину гильотины. Британский аристократ Перси Блейкни, в высшем свете озабоченный лишь покровом своих фраков, галстуков и т.п., на самом деле – Алый Первоцвет, который вместе с примкнувшими к нему двум десяткам молодых британских аристократов, спасает от гильотины невинных французских граждан. Шовлен, агент Робеспьера – заклятый враг Алого Первоцвета отправляется в Англию, чтобы узнать, наконец, кто он, этот таинственный Алый Первоцвет. В числе подозреваемых – весь лондонский высший свет, ведь точно известно лишь, что Алый Первоцвет – аристократ...

Шведская афиша фильма Алый Первоцвет 1934 год

Американская афиша фильма Алый Первоцвет 1934 год

В 1941 году Лесли Ховард снял в военном Лондоне фильм «Первоцвет Смит» («Pimpernel Smith») по мотивам того, пользовавшегося большим успехом фильма 1934 года, перенеся действие в предвоенное лето 1939 года в Германии.

Афиша фильма Первоцвет Смит 1941 год

Он же сыграл и главную роль (профессора Смита) в этом фильме. Рассеянный, флегматичный, хладнокровный, сдержанный, ироничный университетский профессор Смит из Кембриджа, вместе с группой своих студентов, прибывает в Германию конца 30-х годов на археологические раскопки, решив под прикрытием этой экспедиции освободить нескольких жертв

нацистов. Студенты узнают правду и просят разрешения принять участие в этой операции. В последних кадрах фильма Смит удается избежать расстрела, одурачив нацистов. Фильм был очень английским: трезвость, внешняя холодность, сдержанный юмор (главный фашистский генерал, очень похожий на Геринга, был уверен, что Шекспир – немец, на что Смит отметил, что, по крайней мере, английские переводы пьес этого «Шекспира» великолепны...). Фильм стремился показать, что в некоторых обстоятельствах героизм рождается в людях, которые, на первый взгляд, совсем на него не способны.

В нейтральной Швеции того времени в фильме цензурой было вырезано ряд кадров, чтобы не злить агрессивного соседа. Однако, в британском посольстве в Стокгольме фильм можно было посмотреть без купюр. Эту возможность использовали Рауль и его сводная сестра Нина Лагергрэн в начале 1942 года. Рауль Валленберг внешне был очень похож на Лесли Ховарда. После просмотра фильма Рауль сказал Нине, что хотел бы быть на месте профессора Смита.

Всего-то через менее чем три года Раулю Валленбергу представится такая возможность и он ее использует до конца, став «Будапештским Мессией». Фильмы «Алый Первоцвет» и «Первоцвет Смит» вдохновили его на это. Вот только безмерно жаль, что он, спасший десятки тысяч венгерских евреев во время осады Будапешта, был арестован советской военной контрразведкой СМЕРШ и сгинул в ГУЛАГе... Его герои, Первоцвет Смит и Алый Первоцвет Перси Блейкни, были более удачливы... Мистическим совпадением представляется то, что и Александр Корда и Лесли Ховард (поклонники считали его воплощением англичанина) были... венгерскими евреями, а баронесса Эмма Орци была родом из венгерской провинции (родилась в 1865 году в городке Тарнаэрш в 75 км от Будапешта), откуда через 80 лет были варварски депортированы евреи, жители тех мест. Предки баронессы Орци покинули Венгрию после подавления революции 1848 года, умерла она в Англии в ноябре 1947 года, а значит, могла знать о том, что сделал Рауль Валленберг в Будапеште и об его исчезновении...

Баронесса Эмма (Эммушка) Орци

Известны еще двое, носившие прозвище Первоцвета. Шотландский священник Дональд Кэски во время Второй мировой войны помог спастись из оккупированной Франции около двум тысячам человек. После войны он издал свою биографию под названием Тартановый Первоцвет (цветок тартан – национальный символ Шотландии). Шведский дипломат Харальд Эдельстам получил прозвище Черный Первоцвет за спасение норвежских евреев и подпольщиков от фашистов во время Второй мировой войны, и чилийцев от режима Пиночета в 70-х годах прошлого века.

3.6. Три из Тридцати Шести: Ирена Сендлер, Ян Карский и Рауль Валленберг

«...сторож! сколько ночи? сторож! сколько ночи?»

Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь. Если вы действительно спрашиваете, то обратитесь и приходите»

Исаия 21:11—12

Ранним январским утром 1942 года Януш Корчак, «Старый доктор», в Доме Сирот на Сенной 16, в Варшавском гетто, рассказал Ирене Сендлер притчу о том, что Талмуд и Каббала говорят, что в мире есть 36 праведников, ради которых Бог поддерживает жизнь этого мира даже в самые варварские времена. Ни один из этих 36 не знает о том, что он таковым является. На самом деле, когда кто-то объявляет себя праведником, можно быть совершенно

уверенным, что он им не является, потому что демонстрирует свою нескромность. И это блаженное неведение заставляет всех нас стремиться жить так, как должен жить праведник. Затем он полувопросительно заметил, что Ирена может и есть одна из этих 36... [4].

3.6.1. Ирена Сендлер

Она, без сомнения, спросит Его:

«Господи, где Ты был в те ужасные времена?»

И Бог ей ответит: «Я был в Твоем сердце».

Шевах Вайс, директор «Яд Вашем»

«Мир – штука несправедливая. И ваша задача – сделать его более справедливым. А что до меня или других людей, награжденных медалями Яд Вашем ...мне кажется, многие хотят, чтобы мы просто потихоньку поумирали и перестали напоминать о темных страницах нашей истории»

Ирена Сендлер на встрече с американскими школьницами из Канзаса, «открывшими» ее в современной Варшаве [4]

В последнем классе школы Ирена написала реферат о нацменьшинствах «Как починить Польшу», выступая против правых националистов-ксенофобов. Кумиром всей ее семьи был маршал Юзеф Пилсудский, пан Комендант, лидер польских социалистов, который не раз подчеркивал важность этнического разнообразия Польши. Главным злодеем, с точки зрения Ирены, был Роман Дмовский, вождь национал-демократов, сторонник унитарного государства, в котором не было бы места для евреев, цыган и немцев, а остальные нацменьшинства должны были бы стать поляками, либо также подвергнуться депортации. Ирена была поражена обилием взаимоисключающих аргументов, которыми пользовались антисемиты: от заявлений, что евреи достойны ненависти, за то, что говорят на идиш, странно одеваются и отличаются от настоящих поляков, до утверждений, что евреев надо ненавидеть за то, что они хорошо одеваются, грамотно говорят и даже считают себя в первую очередь поляками, а уж потом евреями...

В 1932 году Ирена пришла на работу в службу соцзащиты Варшавы.

Ирена Сендлер

Многие из ее подопечных были евреями. Через три года, почти сразу же после смерти пана Коменданта, маршала Пилсудского, правительство ввело ограничения на помощь евреям и цыганам. Государственная политика резко качнулась вправо. Большую силу в стране набрали эндеки Дмовского. В этих условиях, помогая своим несчастным подопечным-евреям, Ирена стала нарушать законы, помня чему учил ее отец-социалист: *«Сострадание и закон иногда противоречат друг другу и в этом случае законом всегда следует считать сострадание»*.

Осенью 1938 года на Варшаву накатила внезапно волна беженцев из нацистской Германии. Все превратилось в мрачную игру: польское правительство вводило новые дискриминационные правила, а две Ирены (ее подругу-соратницу тоже звали Иреной) находили способы их обойти. В последние мирные месяцы они работали по 12 часов в день: несколько раз в день (каждый день, включая субботу и воскресенье!) они носили в еврейский квартал города еду, деньги и лекарства.

А в сентябре 1939 года пришла уже по-настоящему ужасная беда. Немецкий блицкриг гнал в Варшаву из провинции тысячи беженцев, завшивевших, истощенных и больных, молящих о помощи:

– Naks Rakhmunes! (Пожалейте! – идиш).

Для помощи им Ирена нашла в каждом из десяти районов соцзащиты по одному надежному сообщнику, готовому изготовить фальшивые документы для беженцев. Эти ее связники, в свою очередь, нашли людей, готовых предоставить беженцам, в основном евреям, временное жилье. Так возникла организация Ирены Сендлер. Эта сеть вскоре будет бороться за жизни обитателей будущего Варшавского гетто, прежде всего детей... А пока, до прихода немцев в Варшаву, Ирена перенаправляла финансовые потоки, продукты и медикаменты еврейской

благотворительной организации Centos, финансируемой Джойнт до момента вступления США в войну против Германии.

В одно августовское утро 1942 года в дверь Ирены робко постучали. На пороге стояли двое. Один был ей хорошо известен – юрист Леон Файнер, один из лидеров еврейского Бунда и Жеготы (польской организации помощи евреям) в Варшавском гетто, подпольная кличка – Миколай. Своего спутника, худого, небритого, со следами гестаповских пыток, Файнер представил Яном Карским, агентом Делегатуры, представительства польского правительства в изгнании в оккупированной Польше, дипломатическим представителем правительства в изгнании и связным Армии Крайовой. Миколай рассказал Ирене, что задача Карского – собрать свидетельства о массовых убийствах евреев, стать очевидцем событий, а потом донести эту информацию до Рузвельта и Черчилля, и попросил ее устроить Карскому «экскурсию» в гетто. И они отправились туда немедленно по одному из маршрутов организации Ирены... [4]. Ирена Сендлер открыла путь в варшавское гетто Яну Карскому, который донес затем страшную весть о том, что он там увидел до высших представителей союзников в Лондоне и Вашингтоне.

3.6.2. Ян Карский

«Бог выбрал меня, чтобы я увидел то, что увидел, и засвидетельствовал это»

Ян Карский [5]

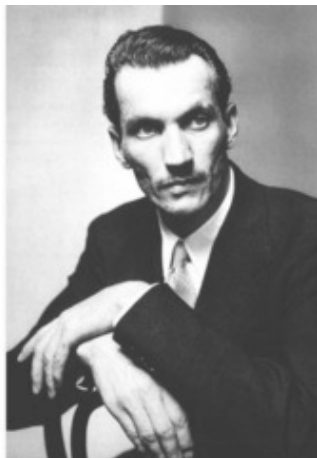
Его настоящим именем было Ян Козелевский. Он родился в Лодзи 24 июня 1914 года в семье ремесленника (8-й и последний ребенок). Ничего аристократического не было в его родословной, что он повторял каждому, кто восхищался его «аристократической» внешностью. Был приверженцем Пилсудского и ревностным католиком. Вырос в Лодзи, имея немало друзей-евреев. В 1936 году закончил конно – артиллерийское училище, а в 1938 — элитную дипломатическую школу и 1 февраля 1939 года стал сотрудником польского МИД.

Ровно через год подпоручик Ян Козелевский добрался до Франции из оккупированной нацистами Польши, чтобы получить длинные и сложные инструкции польского правительства в изгнании для передачи их (путем заучивания наизусть!) руководителям Сопротивления в Польше. Он рассказал премьер-министру генералу Сикорскому о пути, который им был пройден с сентября 1939 года, после разгрома Польши:

- попал в плен к большевикам под Тарнополем,
- 6 недель в заключении под Полтавой,
- выдан Германии как простой солдат, уроженец Лодзи (тем самым избежав участи польских офицеров в Катыни),
- 10 дней в немецком концлагере в Радоме, побег и уход в подполье.

В апреле 1940 года Ян Козелевский вернулся в оккупированную Варшаву и отчитался перед лидерами политических партий подпольного государства. Те были поражены, как скрупулезно он выполнил порученное ему задание. В Польше Ян Козелевский работал под началом генерала Ровецкого, верховного главнокомандующего Союза вооруженной борьбы, переименованного в феврале 1942 года в АК- Армию Крайову. В 1940—42 годах Ян Козелевский носил подпольный псевдоним Витольд Кухарский, был арестован в Словакии и передан в гестапо, подвергнут пыткам. Из страха заговорить под пыткой Ян Козелевский пытался покончить с собой. Учитывая, что он был ревностным католиком, то была очень значимая, патриотическая жертва. Ян Козелевский был награжден двумя орденами Воинской доблести (Virtuti

Militari): один раз как Витольд Кухарский (февраль 1941 года), а второй раз как Ян Карский (январь 1943 года).

Ян Карский

В сентябре 1942 года главнокомандующий АК и глава Делегатуры (представительства правительства в изгнании в Польше) решили послать Карского в Лондон, чтобы сообщить союзникам все, что происходило и происходит в оккупированной Польше. Перед поездкой ему устроили встречу с двумя людьми, в прошлом видными лицами еврейской общины. Один из них возглавлял Бунд, другой – сионистскую организацию. В прошлом – непримиримые враги, теперь они явились на встречу вместе, что означало, что они уполномочены изложить просьбы и напутствия всей еврейской общины Польши, находящейся на краю гибели.

Оба жили вне гетто, но имели возможность постоянно бывать там. Это требовало от них мучительных перевоплощений: малейшая ошибка могла стоить жизни. Бундовский лидер Леон Файнер был до войны адвокатом, состоятельным человеком. У него была внешность типичного поляка. Теперь на арийской стороне у него был магазин бытовой химии и стройматериалов. Когда Файнер повел Карского в гетто, тот увидел чего стоило Файнеру перевоплощение «пана инженера» в одного из несчастных обитателей гетто, терроризируемых немцами. Сионисту было еще труднее. Он, человек лет сорока, чье имя осталось неизвестным, обладал ярко выраженной семитской внешностью: его подстерегала опасность везде, он был совершенно измучен и еле держал себя в руках. Карский сказал им, что отправляется в Лондон с миссией от польского Сопротивления и в ее рамках намерен передать послание евреям гетто всему миру и поэтому хочет знать, что он должен сказать от имени евреев.

То, что он услышал, сводилось к следующему.

1. Евреи беззащитны перед злодеяниями нацистов. Немцы хотят уничтожить всех евреев. Ни польское, ни тем более еврейское Сопротивление ничего не могут сделать. Поэтому вся ответственность ложится на союзников.

2. За два с половиной месяца, начиная с июля 1942 года нацисты только в варшавском гетто совершили 300 тысяч убийств (число депортированных из гетто было числом уничтоженных евреев). В гетто, к тому времени, осталось чуть больше 100 тысяч евреев, но депортации продолжались.

Бундовец и сионист предложили Карскому провести его в гетто, чтобы он собственными глазами увидел гибель целого народа. Свидетельству очевидца поверят больше. При этом они

честно предупредили Карского, что он подвергнет свою жизнь риску, а страшные сцены, которые он увидит в гетто, будут преследовать его до конца жизни. Карский немедленно согласился идти в гетто.

Во время второй встречи с этими людьми Карский выслушал, что он должен передать еврейским лидерам Англии и Америки: «...Скажите им, что о политике и дипломатии пора забыть... они должны найти в себе силы и мужество пойти на жертвы, соизмеримые по тяжести с муками, который терпит наш гибнущий народ... Цели и средства немцев не имеют прецедентов в истории... Реакция демократических стран также должна быть беспрецедентной, они должны прибегнуть к каким-то небывалым способам противодействия. Иначе их победа будет неполной, только военной – немцы успеют довести до конца свою разрушительную программу... они должны связаться с влиятельными лицами и органами власти в Англии и Америке. Пусть потребуют твердых обещаний, что будут предприняты серьезные меры для спасения еврейского народа. А чтобы вырвать такие обещания, пусть устраивают голодовки в публичных местах, пусть умрут мучительной смертью на глазах всего мира. Может хоть это разбудит общественное сознание... Мы разделим с ними эти жертвы. Варшавское гетто обречено, но долгой мучительной смерти мы предпочтем смерть в бою. Мы объявим войну Германии – заведомо безнадежную, какой еще не бывало на свете... Вот тогда и посмотрим, могут ли евреи не только страдать и погибать, как повелел Гитлер, но и умирать с оружием в руках» [5].

И вот Ян Карский отправился в варшавское гетто в сопровождении Файнера и связника Ирены Сендлер через указанный ею тайный ход (здание суда на Мурановской улице было построено так, что входили в него с арийской стороны, а дверь одного из подвалов вела прямо в гетто [4].

...Всюду голод, страдания, смрад разлагающихся трупов, душераздирающие стоны умирающих детей, отчаянный крик уничтожаемого народа. Карский увидел и сцену «охоты», когда зашедшие в гетто два члена гитлерюгенда без разбора палили наугад по окнам домов, куда попрятались обитатели гетто. Во время второго посещения гетто Карский уже три часа (в первый раз он не смог долго оставаться здесь: трудно было выдержать...) ходил по улицам этого ада, чтобы все запомнить: видел смерть ребенка, агонию старика, избивание старухи евреями-полицейскими... Перед самым уходом из гетто они зашли в одну квартиру попить воды. Пожилая хозяйка была предупреждена об их приходе, но не жаловалась, не плакала, а воду подала Карскому в хрустальном бокале – последней ценной вещи, которая у нее еще оставалась... [5].

Через несколько дней после второго посещения гетто Файнер нашел способ показать Карскому один из лагерей уничтожения для евреев, который находился неподалеку от села Белжиц. Сам Файнер там не был, но обладал подробной информацией, которую получал от польских железнодорожников. Они сообщали, что в Белжиц и Треблинку прибывают составы, набитые людьми, но не доставляется продовольствие для них. Кроме того, одна ячейка сопротивления узнала о существовании газовых камер и огромных рвов, где хоронили трупы. Уже в июле 1942 года эта информация была передана Командованию АК и в лондонское правительство, но никто там не поверил (или не захотел поверить) в то, что она правдива. Тот лагерь уничтожения Ян Карский увидел собственными глазами.

В Лондоне Карский говорил с Антони Иденом, лидерами еврейской общины, несколькими писателями с мировым именем: Уэллсом, Кестлером, членами Пен-клуба... Самой запомнившейся ему встречей была встреча с Шмулем Зигельбоймом, лидером Бунда за гра-

ницей и членом Национального совета польского правительства в изгнании. Внешним видом он напоминал печального чаплиновского героя. Это был единственный человек, который готов был сделать все, включая пожертвовать собственную жизнь, чтобы помочь спасти свой, уничтожаемый нацистами, народ. Он хотел знать все, что касалось евреев Польши: в каком состоянии были дома, как выглядели дети, что дословно сказала ему женщина, положив руку на плечо Карского, после зрелища «охоты», просил описать валяющиеся трупы на улицах гетто.

После встречи с Яном Карским Зигельбойм лично обращался к Черчиллю и Рузвельту, выступал по английскому радио с призывом к общественности помочь польским евреям. 13 мая 1943 года, когда в Лондон пришло известие об окончательном подавлении восстания в варшавском гетто (там погибли его жена и сын), Зигельбойм покончил с собой. В предсмертной записке он написал: «Моя смерть – выражение негодования и протеста против пассивности, с которой мир взирает на полное уничтожение еврейского народа и мирится с этим... Может быть, моя смерть поможет сломить стену равнодушия тех, кто еще может спасти остатки польского еврейства».

В начале мая 1943 года глава польского правительства в изгнании генерал Сикорский приказал Яну Карскому отправиться в США с тем же заданием, которое он выполнял в Лондоне. Польский посол в США Ян Чехановский должен был обеспечить ему ряд встреч с влиятельными лицами в Вашингтоне.

Информацию для Госдепартамента он передавал через Адольфа Берля, члена мозгового центра Франклина Делано Рузвельта, и других руководителей различных служб; для Министерства юстиции – через генерального прокурора Фрэнсиса Биддла; в Верховный суд – через судью Феликса Франкфуртера. О его встрече с Франкфуртером следует рассказать особо.

Феликс Франкфуртер в ответ на сообщение Карского заявил: «Я вам не верю! Не могу утверждать, что вы лжете, но мой разум, мое сердце не в состоянии этого принять» ... Он был евреем, но не хотел поверить в реальность варшавского гетто, потому что это потребовало бы от него поступков на грани возможного, которых и добивался Карский во имя спасения остатков польских евреев. Не были готовы на поступки на грани возможного и другие влиятельные евреи США («евреи Рузвельта»: Брандейс, Розенман, Коэн, Моргентау, раввин Вайс) [5].

«В годы надвигавшейся Катастрофы и впоследствии „евреи президента“ на поверхности представлялись американскому еврейству своего рода тактическим преимуществом, непосредственным и благорасположенным каналом общения с самим президентом, настроенным, как все верили, весьма сочувственно к жертвам репрессий и геноцида. Это было... трагическим заблуждением. Вместо того чтобы доносить до президента мольбы их соплеменников о спасении, „евреи президента“ создали вокруг него своего рода „буфер“, оградивший его от нежелательных, с их точки зрения, влияний. Стремясь сохранить близость к Рузвельту и его доверие, они либо избегали непосредственно обращаться к нему с вопросами, имевшими отношение к евреям (как Брандейс и Франкфуртер), либо говорили ему только то, что он хотел от них услышать (как Розенман или Вайс). Характерен эпизод, когда Розенман посоветовал Моргентау не идти к Рузвельту со своими обвинениями против Госдепартамента. Это, по мнению Розенмана, могло вызвать утечку в прессу. „Нечего беспокоиться об огласке, – парировал Моргентау. – Чего я хочу, так это рациональность и мужество: первым – мужество, второй – рациональность“ ... Если бы большее количество его коллег следовали этой формуле, то история евреев в 20-м веке могла бы получиться не такой трагичной, какой она оказалась» [6]. Среди

этих господ не было Зигельбоймов, превыше всего они ценили свою комфортную жизнь и свою близость к власти имущим как таковую.

Польский посол в США Ян Чехановский, чтобы добиться личной аудиенции у Рузвельта, в начале июля разослал приглашения многим членам американской администрации, привлекая их внимание к посланцу польского Сопротивления и очевидцу еврейской трагедии. Усилия увенчались успехом: 28 июля 1943 года ему и Карскому был назначен прием у Рузвельта (20 минут...). Карский в рассказах об этой беседе всегда подчеркивал, что президент еврейскую тему не поддержал, больше всего его интересовало положение внутри Польши, вопрос о границах и о необходимости компромисса с СССР. Карский не скрывал, что и для него это было самым важным тогда. Когда Карский спросил Рузвельта, что он хотел бы передать полякам, тот ответил: «Скажите им, что мы победим! ... А еще скажите своему народу, что в этом доме у него есть друг». Ян Карский вспоминал, что Рузвельт создавал впечатление, что именно он является «властелином человечества» и ниспровергателем гитлеровской Германии. Однако в машине на обратном пути в посольство Ян Чехановский заметил: «В общем-то, президент почти ничего не сказал» [5].

Тем не менее, эта беседа не осталась без последствий, правда, с большим опозданием. В начале января 1944 года министр финансов Генри Моргентау, выступавший за участие США в спасении евреев – жертв нацизма, добился от Госдепа, выступавшего против принятия беженцев – евреев, официального отчета о своей позиции, и, вместе с собственными соображениями, переслал его Рузвельту. На основании этого материала Рузвельт издал президентское распоряжение о создании Управления по делам военных беженцев (УВБ), которое не требовало одобрения конгресса. С задачей «спасения... жертв преследования противником» и создания временных пристанищ для таких жертв. УВБ имело широкие полномочия, в том числе право заключать финансовые сделки со стороной противника, что было запрещено Актом о торговле с противником 1917 года [1]. Впоследствии представитель УВБ в Швеции выберет на роль полномочного представителя этого Управления в Венгрии никому не известного мелкого предпринимателя, шведа, обладавшего, однако, громкой фамилией Валленберг. Так Ян Карский, сам того не зная, вызвал на авансцену истории Рауля Валленберга.

Литература

1. Бирман Дж. Праведник. История о Рауле Валленберге, пропавшем герое Холокоста.– М.: Текст, 2007 (Приложение: Рауль Валленберг. Отчет шведско-российской рабочей группы).– 399 с.
2. Янгфельдт Б. Рауль Валленберг. Исчезнувший герой Второй мировой.– М.: АСТ: CORPUS, 2015.– 636 с.
3. Nylander G., Perlinge A. Raoul Wallenberg in Documents, 1927—1947. – Stockholm: Banking & Enterprise, 2000. – 84 p.
4. Майер Д. Храброе сердце Ирены Сендлер. – М.: Эксмо, 2013. – 558 с.
5. Карский Я. Я свидетельствую перед миром: История подпольного государства.– М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 446 с.
6. Robert Shogan. Prelude to Catastrophe: FDR's Jews and the Menace of Nazism. By Robert Shogan.– Chicago, IL.: Ivan R. Dee, 2010. – 312 pp.

Глава 4. Венгрия в марте – июле 1944 года и ее евреи

4.1. Политика регента Хорти

В 1934 году Дьюла Гёмбёш – венгерский премьер-министр – последовал примеру Польши в устранении барьеров политики изоляции, которая проводилась в отношении нацистского режима в Германии. Событие это не являлось значительным, так как вес Венгрии в мировой политике был невелик. Гитлер же высоко оценил этот жест. Венгрия стала налаживать дружеские отношения с Германией, и эти усилия были скоро вознаграждены. По двум венским арбитражным решениям 1939 года и 1940 года Венгрия получила значительную часть территорий, составлявших некогда королевство Сан-Стефана, включая Карпатскую Украину. Венгры надеялись, что Германия предоставит им свободу рук в отношении Румынии и что им будет дана возможность принимать участие в любых мероприятиях, направленных против **этого заклятого врага мадьяр, с целью присоединения всей Трансильвании к Венгрии.**

Гитлер поддерживал территориальные претензии Венгрии в период между 1938-м и 1941 годом. При этом он исходил из чисто тактических соображений. Он испытывал чувства симпатии к венграм, этому когда-то кочевому народу, терроризировавшему Центральную Европу, а затем превратившемуся в форпост Запада против угрозы с Востока. Гитлер восхищался их противоборством решениям Трианонского мирного договора, свержением коммунистического правительства в 1919 году, антисоветской и антисемитской политикой движения «защитников расы», во главе с премьер-министром Гёмбёшем. Вместе с тем Гитлер считал регента Хорти закостенелым австрийским адмиралом, полностью находящимся в руках англофилов и евреев и испытывающим антипатию к национал-социализму и личности фюрера. Когда Гёмбёш неожиданно умер в 1936 году, Гитлер не видел никого в качестве его преемника на посту премьер-министра, кому бы он доверял, и внимательно следил за развитием событий в Венгрии во время войны, будучи хорошо информированным своей секретной службой о тайной дипломатической деятельности венгров. Гитлер долгое время воздерживался от вмешательства во внутривенгерские дела. Возникновение в Венгрии политических движений, похожих на немецкую национал-социалистскую партию, ничего для него не меняло. Наиболее значительным из этих движений была партия «Скрещенных стрел» Ференца Салаши, бывшего майора венгерского Генерального штаба. У Салаши в венах текло совсем мало мадьярской крови: один из его прадедушек был армянином, другой – словаком, а дедушка – немцем. К его партии присоединилось совсем немного значительных лиц, да он вначале и не слишком о себе заявлял, будучи нерешительным, интеллектуальным человеком, далеким от организационных вопросов. За свою политическую деятельность он был изгнан из армии. Когда же он был арестован, а партию временно возглавил Кальман Хубай, эксперт по пропаганде, число членов партии резко возросло. К 1939 году она стала второй по значимости партией в стране. Но это продолжалось недолго. Вернувшись из заключения, приобретя ореол мученика и уверовав в собственную непогрешимость, Салаши вновь взял руководство партией в свои руки, ухитрившись превратить ее всего за несколько лет в небольшую и незначительную группу людей. Лучшие умы партии, включая Хубая, вышли из нее, а некоторые из них позже даже создали собственную Венгерскую национал-социалистскую партию, но большого успеха не добились.

В отношении движения «Скрещенных стрел» Германия соблюдала полный нейтралитет, так как была еще не готова оказывать ему помощь, исходя лишь из общности идей: ведь это требовало материальных затрат. Да и политика, Венгрии частично совпадала с программой партии «Скрещенных стрел». Основным принципом партии во внешней политике было раз-

деление Европы на сферы влияния. Немецкая сфера влияния распространялась на Центральную Европу, Южная Европа отходила к Италии, включая Средиземноморье, а Юго-Восточная Европа – к Венгрии. Это не совпадало с внешней политикой Гитлера. Немецкое правительство держалось в стороне и от новой партии, организованной бывшим премьер-министром Белой Имреди, профашистской и и тоже антисемитской Партии национального единства, хотя ее программа была ближе немцам. Внешняя политика этой партии исходила из необходимости тесной кооперации с рейхом. Германия вмешалась во внутривенгерские дела и оказала партии «Скрещенных стрел» помощь в приходе к власти, когда Гитлер посчитал это целесообразным.

Регент Хорти, будучи англофилом и стремясь уйти от конфликта с западными державами, приветствовал войну против Советского Союза. Хорти настоял и на том, чтобы премьер-министр Ласло Бардоши подписал декларацию об объявлении войны СССР. Когда же ему, Хорти, на Нюрнбергском процессе, было предъявлено обвинение в участии в нападении на Югославию в апреле 1941 года и подписании декларации о войне с СССР в июне 1941 года, он попытался переложить всю ответственность на своих министров и коллег того времени.

Регент Хорти

Вскоре выяснилось, что подготовка страны к войне была явно недостаточной. Венгерские войска испытывали лишения, их потери были высокими, а успехи весьма скромными. Одно поражение следовало за другим. 1-я венгерская армия потерпела сокрушительное поражение в боях на Дону. Венгерский народ, воспринимавший первые победы с воодушевлением, быстро потерял оптимизм и терпение. В стране стали преобладать антивоенные настроения и те политики, которые весной 1943 года задумались о необходимости заключения сепаратного мира, знали, что народ с ними. Наиболее важными местами их контактов с западными державами были венгерские посольства и представительства в Стокгольме, Берне, Лиссабоне и Анкаре. Движение к миру с Западом возглавил сам премьер-министр Миклош Каллаи. Он пытался поддерживать корректные отношения с Германией, игнорируя новые требования немцев и за спиной у них ища путь к заключению сепаратного мира с США и Великобританией.

В качестве его ближайшего советника выступал граф Бетлен, который в течение ряда лет тоже был премьер-министром страны. Хорти, зная об их деятельности, закрывал на нее глаза, следя издали за развитием событий.

Контакты с союзниками осуществлялись через специальных агентов в Стамбуле и Стокгольме. В Стамбуле пытался найти дорогу к сепаратному миру ученый с мировым именем, лауреат Нобелевской премии Альберт Сент-Дьерди. В Стокгольме действовал согласно инструкциям Миклоша Каллаи журналист Андор Геллерт. Он вел переговоры с американской миссией в Стокгольме, а также по поручению венгерской социал-демократической партии – со шведскими социал-демократами и британскими лейбористами с помощью Вильмоша Бёма, бывшего наркома по военным делам Венгерской Советской Республики, а затем одного из руководителей венгерской социал-демократической партии. В то время Бём жил в Стокгольме и работал в английском посольстве (переводчик британского информационного агентства). Контакты эти отслеживались немцами. Осенью 1943 года Геллерту было поручено передать американцам [2]:

1. Если британцы или американцы войдут в Венгрию, никакого сопротивления она им не окажет.
2. Венгрия готова закончить войну на стороне союзников, если возникнет возможность разработать план совместных действий.
3. Цель такого плана – не спасение венгерского правительства, а лишь стремление обеспечить будущее венгерского народа.

Однако, практически, только венгерская секретная служба имела возможности и средства для установления эффективных контактов со странами противника. Конфиденциальным посредником регента и премьер-министра был шеф службы безопасности – двойника немецкого гестапо – генерал-майор Уйсаси, поддерживавший тесную связь с начальником второго отдела Генерального штаба полковником Кадаром. Только в начале 1944 года стали появляться первые результаты их усилий. Венгерские заговорщики заявили о желании Венгрии заключить сепаратный мирный договор и хотели знать условия, на которых будет установлено перемирие. Переговоры ими велись с представителем западных держав – неким американским полковником. Полномочий для ведения переговоров он не имел, так как был просто офицером американской секретной службы – Управления стратегических служб (УСС). Уже в начале переговоров с Уйсаси полковник заявил о своей готовности прибыть в Венгрию по воздуху для обсуждения дальнейших деталей. Его визит был намечен на середину марта 1944 года. Немцы были информированы своими сторонниками среди офицеров венгерской секретной службы об этих переговорах Уйсаси.

И тогда Гитлер решил действовать: намерения Венгрии заключить сепаратный мир угрожали южному участку Восточного фронта. Генеральный штаб по распоряжению Гитлера разработал план операции «Маргарет I» по удержанию Венгрии на немецкой стороне. Для удержания Румынии был также разработан план – операция «Маргарет II». Однако, когда пришло время действовать по этому плану, войск в распоряжении немецкого командования в Румынии не оказалось.

Первоначально Гитлер намеревался оккупировать Венгрию немецкими войсками при некотором участии румынских и словацких войск. Однако затем в оперативный план были внесены изменения о проведении всей операции только немецкими войсками без привлечения румын и словаков: Гитлера убедили, что привлечение румынских и словацких войск при-

вело бы к тому, что венгры бы немедленно прекратили военные действия на фронте и бросили бы все имеющиеся у них силы для защиты от своих заклятых врагов – румын, а также и от словаков. В Трансильвании – в прифронтной полосе — вспыхнула бы партизанская война. Кроме того, было решено не смещать регента Хорти для обеспечения конституционного баланса, поддержания порядка в Венгрии. Необходимо было лишь убедить Хорти в необходимости смещения правительства Каллаи и замены его коалиционным правительством, которое будет поддерживать дальнейшее ведение совместной борьбы с СССР до победного конца [1].

Будапешт жил своей обычной жизнью, не имея представления о надвигающихся событиях. Большинство жителей радовалось победам союзников и тому, что война идет к окончанию. Месяц март стал месяцем празднеств: в ресторанах всего было вдоволь, на набережных Дуная звучали традиционные мелодии цыганских оркестров. 20 марта 1944 года ожидалось торжество по случаю 50-летия со дня смерти национального героя Венгрии Лайоша Кошута. Должно было состояться заседание парламента на котором выступит Миклош Каллаи. По ходившим слухам, он объявит о капитуляции Венгрии и о высадке британо-американского десанта.

В день венгерского национального праздника 15 марта (день революции 1848 года) Хорти появился в театре со свитой. В антракте советник германского посольства передал Хорти вызов (второй по счету!) в ставку Гитлера (замок Клессхайм вблизи Зальцбурга). На первой встрече с Гитлером Хорти были вручены следующие требования к Венгрии [2]:

1. Венгры неудовлетворительно сражаются на Восточном фронте. Следует предоставить Германии новые военные контингенты.
2. Уровень жизни в Венгрии слишком высок. Экономика должна быть подчинена нуждам тотальной войны.
3. Венгерские евреи все еще пользуются чрезмерно большой свободой. Следует принять, наконец, меры для «окончательного решения еврейского вопроса».
4. С левыми в Венгрии обращаются слишком мягко. Особенно важно распустить социал-демократическую партию Венгрии.
5. Германия располагает неопровержимыми доказательствами о переговорах венгерских представителей с англичанами и американцами. Следует немедленно это прекратить. Уволить пресс-секретаря МИД Антала Улейн-Ревецки. Заменить Миклоша Каллаи новым премьер-министром. Все силы Венгрии необходимо сосредоточить на Восточном фронте.

(Улейн-Ревецки в это время в Венгрии уже не было. Осенью 1943 года он стал советником посольства в Швеции и продолжил контакты, установленные Геллертом. Однако переговоры ни к чему не привели. Венгры хотели капитулировать перед США и Англией (не перед СССР), но им не позволили выбирать победителей: еще в ноябре 1943 года в Тегеране союзники приняли решение, согласно которому боевые операции на территории Восточной Европы возлагались на Красную Армию.

После немецкой оккупации Венгрии Улейн-Ревецки подал в отставку с поста официального представителя Венгрии в Швеции. Швеция разрешила ему остаться в Стокгольме в качестве частного лица с сохранением всех дипломатических привилегий.)

Хорти отказался выполнить предъявленные требования и вернулся в Венгрию. Однако на второй встрече 19 марта 1944 года Гитлер вновь заявил, что он, Гитлер, не может более спокойно наблюдать, как венгерское правительство делает одну попытку за другой для установле-

ния контактов с западными державами. Премьера Каллаи необходимо сместить, а формирование нового правительства поручить человеку, которому Германия может доверять и который положит конец попыткам выхода Венгрии из войны. Гитлер также убедил Хорти, что у Венгрии нет практически выбора, так как западные державы не могут оказать помощь Венгрии и, выйдя из войны, Венгрия окажется во власти СССР. И Хорти согласился и с необходимостью ввода в Венгрию немецких войск, но возражал против назначения в качестве нового посла и полномочного представителя Германии в Венгрии Эдмунда Веезенмайера, показавшего свое умение в подготовке оккупации Югославии в 1941 году, находившегося в Венгрии с секретной миссией Риббентропа с 1943 года и настроенного против Хорти. Но Гитлер был непреклонен, и в конце концов Хорти пришлось пойти и на это унижение [1,2].

4.2. Оккупация Венгрии нацистами

Рано утром 19 марта 1944 года Хорти в своем поезде возвратился из Зальцбурга в Будапешт. В поезде вместе с ним прибыл новый немецкий посол Веезенмайер. Сидя в вагоне поезда, Хорти не знал, что операция «Маргарет I» уже началась. Гитлер не доверяя Хорти до конца, распорядился, чтобы операция завершилась до прибытия регента в столицу Венгрии. На рассвете 19 марта несколько немецких элитных батальонов из Австрии и Сербии вступили на окраины Будапешта. Затем они заняли все стратегически важные пункты города. За ними последовали отдельные, довольно слабые, подразделения вермахта, которые заняли оставшиеся ключевые позиции. Венгры не оказали им никакого сопротивления и, более того, немцы приветствовались с таким энтузиазмом, что все это выглядело как «драка за цветы». Венгры расценили появление немецких подразделений как свидетельство намерения Германии защитить страну от русских. Советские войска вышли на Восточном фронте уже к Карпатам, и это обстоятельство занимало венгров прежде всего.

Вместе с войсками явилось и гестапо – и не только в Будапеште, но и других крупных городах. Гестаповцы имели на руках списки лиц, выступавших против союза с Германией, поэтому уже утром 19 марта последовала серия первых арестов. Пока эти аресты не носили массовый характер. Миклош Каллаи укрылся в турецкой дипломатической миссии. Начальник полиции безопасности был весьма удивлен, когда в обеденные часы того же дня ему позвонил Гиммлер и поинтересовался, сколько евреев находятся под стражей у немцев. Чтобы удовлетворить высокое начальство, тому в голову пришла оригинальная идея. По городскому телефонному справочнику он отыскал несколько сот докторов и адвокатов, фамилии которых имели еврейское звучание, и приказал всех их арестовать. Вечером же с гордостью доложил рейхсфюреру СС, что более двухсот наиболее известных евреев находятся в его руках. Регент по прибытию спокойно отправился в свою резиденцию в королевском замке в Будапеште, сопровождаемый личной охраной. Произведенные им затем шаги строго соответствовали положениям конституции.

Первейшей задачей Хорти был поиск нового премьер-министра. В конце концов Хорти и Веезенмайер остановились на кандидатуре генерала Дёмё Стояи, который был венгерским послом в Берлине. Он действительно довольно быстро сформировал новое правительство, в котором были представлены не имевшиеся в стране партии, а отдельные личности, ранее входившие в состав различных кабинетов. Только одно министерство (МВД) было предназначено для представителя Венгерской национал-социалистской партии (Андор Ярош). Партия «Скрепленных стрел» не получила ничего, однако статс-секретарями МВД стали отъявленные антисемиты, нилашисты, бывший майор полиции Ласло Баки и губернатор Пешта Ласло Эндре.

Говорили, что Хорти угрожал подать в отставку, на что Веезенмайер ответил, что в этом случае Венгрия будет включена в состав Германии в качестве протектората. И Хорти остался, признав Стояи, внушая себе, что взял за образец поступок короля Дании 9 апреля 1940 года. Хорти считал Стояи меньшим злом по сравнению со «Скрещенными стрелами», лидер которой, Ференц Салаши, был по словам Хорти «отъявленный негодяй и предатель».

Казалось, что ничего не изменилось и страна по-прежнему идет в ногу со своим немецким союзником. Германия же получила передышку. Но удалось ли ей действительно впрячь Венгрию в колесницу войны так, как этого требовали ее цели? Сможет ли она сформировать новую венгерскую армию? На самом деле было уже поздно [1,2].

В апреле 1944 года начались воздушные налеты союзников в качестве ответа на немецкую оккупацию Венгрии. Шведская миссия в Будапеште настоятельно рекомендовала всем шведам, чье присутствие в стране не диктовалось крайней необходимостью, немедленно ее покинуть.

Большая часть повседневной работы шведской миссии в это время по-прежнему была связана с торговлей. Следили за тем, чтобы Венгрия выполняла свои обязательства по отношению к Швеции: к Рождеству – индейки и яблоки, к Пасхе – яйца...

Пер Ангер так описывал настроения венгров в то время: «Вспомните нашу историю! Мы пережили нашествие гуннов, 150 лет турецкого ига, господство австрийцев, а теперь еще и немцев, а завтра – русских. Нет, нет, никогда!» Этот лозунг родился после первой мировой войны: по условиям Трианонского мира Венгрию заставили отдать 70% ее бывшей территории соседям. «Мы находимся в безнадежном стратегическом положении – на равнине, разделяющей Запад и Восток, и открыты для атак со всех сторон. Но мы выживем!» Отношение венгров к Швеции: «Это замечательная страна – Почему вы так думаете? – Потому, что она очень далеко от нас!» [2]

4.3. Его звали Адольф Эйхман

«Незадолго до полуночи 31 мая 1962 г. в Израиле был казнен по приговору суда за преступления против человечества и еврейского народа бывший гестаповец Адольф Эйхман. Труп его сожгли, пепел рассеяли – чтобы не сохранилось и следов убийцы. Но о его преступлениях будут помнить вечно. То, в чем Эйхман признавался на допросах капитану израильской полиции Лессу, оказалось ценнее всего, что люди узнали ранее о нацистском механизме уничтожения людей. На свет явились в пугающем обличье новые, ранее неизвестные подробности.»

Йохен фон Ланг. Протоколы Эйхмана [3]

«Гитлер не раз заявлял публично, что «с еврейством будет покончено». Восьмого ноября 1942 г. в мюнхенской пивной «Лёвенброй» он цинично шутил перед «старыми бойцами» своей партии:

«Над моими пророчествами всегда смеялись. Из тех, кто тогда смеялся, очень многие сегодня уже не смеются. А те, кто продолжает смеяться, возможно, скоро смеяться не будут...»

В то время трубы крематориев в лагерях уничтожения уже дымили днем и ночью. Речь транслировалась всеми германскими радиостанциями и была напечатана в газетах дословно. Но большинство немцев посчитали эти фразы риторическими угрозами – это, мол, так, попугать врагов.

Гораздо конкретнее об «истреблении еврейского народа» говорил 4 октября 1943 г. в Познани рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Речь была секретной. Гиммлер сказал:

«Большинство из вас хорошо знает, что это такое, когда свалена в ряд сотня трупов, когда сложены пятьсот трупов или когда там лежит их тысяча. Вынести такое и остаться, вопреки всем человеческим слабостям, порядочными людьми – вот что нас закалало.»

Йохен фон Ланг. Протоколы Эйхмана [3]

Путь, который привел Адольфа Эйхмана в Будапешт, начался с его вступления в австрийскую национал-социалистическую партию 1 апреля 1932 года, в возрасте двадцати шести лет. В следующем году он бросил свою работу торгового агента в венской компании по производству вакуумных масел и вступил в ряды австрийской организации СС. Адольф Эйхман был идейным нацистом, целиком разделял и поддерживал программу партии и ненавидел евреев. В первое время после вступления в партию Эйхман участвовал в нападениях на евреев, ничем не выделяясь в этом среди своих товарищей. Еще никто не смог бы предсказать его ключевую роль в будущем убийстве шести миллионов человек. Шанс сделать карьеру в СС и стать главным руководителем программы уничтожения евреев представился ему в 1934 году. После некоторой военной подготовки и канцелярской работы, гауптшарфюрер СС Эйхман был отправлен в Берлин, на работу в Еврейский музей – пропагандистской организации, созданной при Главном управлении СД. В сентябре 1939 года СД, служба безопасности, слилась с гестапо и стала РСХА (Главное управление имперской безопасности).

Когда его перевели в Еврейский музей, он воспринял это вначале как оскорбление, но затем понял, что нашел то, что искал – сделать настоящую карьеру. Эйхман понимал, что не обладает ни одним из качеств, которые гарантировали бы его быстрое продвижение по службе в Германии того времени:

- он не был старым соратником Гитлера,
- он не был представителем старой гвардии нацистов,
- у него не было специального высшего образования, дававшего преимущество перед коллегами,
- он не служил в армии,
- он бледно выглядел на фоне головорезов из числа членов НСДАП.

Однако Эйхман уже понял, что отличительной чертой немецкого фашизма является не просто ненависть к евреям, но и стремление реализовать эту ненависть в конкретных действиях. Очень немногие члены НСДАП хоть что-то знали о евреях, они их просто ненавидели. Еврейский музей же давал сержанту СС Эйхману возможность стать экспертом в этом, ключевом для НСДАП, вопросе. К тому же, у Эйхмана не было конкурентов на этом поприще!

В Еврейском музее, пропагандистской антисемитской организации, Эйхман познакомился не только с «классическими» антиеврейскими текстами и фальсификациями вроде «Протоколов сионских мудрецов». Эйхман изучал иудаизм, еврейские обычаи, еврейские национальные и политические движения. В будущем это помогло ему, передергивая и искажая, представлять евреев в невыгодном для них виде. Эйхмана мало интересовала история евреев.

Основное внимание он уделял современным событиям, организации еврейских общин, религиозным организациям, различным ветвям сионистского движения. Эйхман подписался на еврейские газеты и другие издания и методично изучал их.

Все это было вознаграждено. Три года спустя как ведущий эксперт в еврейском вопросе он был назначен начальником отдела СД и получил звание унтерштурмфюрера СС (младшего

лейтенанта). Это было очень быстрое повышение. Эйхман в СД стал разрабатывать планы операций против евреев. Теперь он мог назвать точное количество евреев в каждом городе, имена глав еврейских общин, знал деятельность еврейских клубов и сионистских движений, мог перечислить отрасли экономики, в которых евреи принимали активное участие.

Все это позволяло СД проводить операции по аресту и высылке евреев, экспроприации их имущества.

Еще через год решение еврейского вопроса было полностью передано Эйхману. После аншлюса и оккупации Австрии СД послала Эйхмана в Вену.

Одно наиболее откровенное место нацистской партийной программы звучало так: «Только член Расы может быть германским подданным. Только лицо германской крови, независимо от вероисповедания, может быть членом Расы. Следовательно, членом Расы ни один еврей быть не может». С принятием Нюрнбергских законов таким пассажирам придали форму правовых актов. В 1938 году Нюрнбергские законы должны были вступить в силу в Австрии, и, чтобы ускорить этот процесс, в Вене была учреждена «Центральная служба еврейской эмиграции». Эйхман, ставший в результате тщательного изучения предмета экспертом по еврейским вопросам, был назначен руководителем этой службы 1 августа 1938 года. Через несколько месяцев он был повышен в звании до штурмфюрера СС. Получив новое звание, Эйхман рьяно взялся за избавление Австрии от еврейского населения.

На этом этапе нацисты придерживались в своей расовой политике концепции принудительной эмиграции – позже в других странах она сменилась стратегией полного уничтожения. Австрийские евреи были к тому времени уже в достаточной степени деморализованы действиями властей. Расквартировав свою контору в реквизированном фамильном особняке Ротшильдов на улице Принца Евгения, Эйхман предложил евреям выход из положения. Прежде всего он взялся за обработку руководителей еврейской общины. В общении с ними Эйхман легко пользовался идишскими и ивритскими названиями еврейских и сионистских организаций. Отсюда слухи о том, что Эйхман знал идиш и иврит. Когда он бросал словечки типа «ахалюц» (пионер, первопроходец, первопоселенец), он стремился создать впечатление, что за этим стоит внушительный запас ивритских слов и его, Эйхмана, невозможно обмануть. На самом деле подобными словами его познания и ограничивались. В основном Эйхман пользовался идишскими словосочетаниями, которые звучали как немецкие. Прибегая к комбинации грубых угроз и сладких обещаний, сдобренных к тому же приводящей в замешательство демонстрацией познаний в иудаизме и еврейской культуре, он смог заручиться их участием в хитроумной эмиграционной программе. В основных чертах эта программа сводилась к следующему. Состоятельные евреи лишались имущества, но им оставляли достаточную его долю, чтобы оплатить выезд. Евреи сами должны были обеспечивать себя и свои семьи визами – настоящими или поддельными. Эйхман брался «помочь» им в вопросе приобретения иностранной валюты, без которой эмигрантов за границей не приняли бы. Он организовывал через Рейхсбанк обмен марок на иностранную валюту – по непомерно высокому курсу. Необходимыми суммами располагали, естественно, только состоятельные еврейские граждане, но огромная, полученная от обмена прибыль использовалась для покупки валюты, предназначенной их более бедным сородичам. Таким образом, изобретательный Эйхман использовал богатых евреев, заставляя их финансировать эмиграцию бедных, в то время как рейх избавлялся и от тех и от других, не потратив ни пфеннига.

Кроме того, Эйхман приказал руководителям еврейской общины создать эмиграционный фонд, способствующий выезду бедных евреев, и послать за границу служащих фонда для

специального сбора средств. Посланцы вернулись с 10 миллионами американских долларов, очень значительной по тем временам суммой, и в скором времени Австрию «в добровольном порядке» покинуло почти 100 000 евреев. Это произвело должное впечатление, и глава РСХА Рейнхард Гейдрих лично приезжал в Вену, чтобы поздравить Эйхмана. Для изучения его методов приезжали и другие важные берлинские чиновники, и покидали они Вену под таким же глубоким впечатлением. Никогда прежде его звезда не сияла так ярко, как в эти дни в Вене.

Затем, после того как в марте 1939 года нацисты захватили Чехословакию, Эйхман перенес свою деятельность в Прагу. Комбинация устрашения и организованной эмиграции и тут имела не меньший успех, Эйхман оставался в Праге до конца 1939 года.

С началом Второй мировой войны и вторжением Гитлера в Польшу программа принудительной эмиграции была сразу же приостановлена. Отныне участью евреев должно было стать их физическое уничтожение, что, однако, рвения Эйхмана ничуть не убавило. Захватив Польшу, нацисты «приобрели» в конечном итоге еще три с половиной миллиона евреев, ликвидацию которых, как полагал Эйхман, поручат ему. Когда немецкие военные части занялись массовыми убийствами и провели на местах несколько нескоординированных между собой зверских акций уничтожения, Эйхман и Гейдрих посчитали такой подход чрезмерно упрощенным и неэффективным. Следовало разработать более рациональные и радикальные методы. Но пора «окончательного решения» еврейского вопроса еще не наступила. Прежде следовало заняться другим. Опыяненное успехами руководство нацистов объявило районы Польши, примыкающие к границе рейха, неотъемлемой частью Германии. Соответственно, было решено заменить местное население: этнические немцы Польши перемещались в пограничные районы, в то время как жившие там евреи вместе с большинством местных поляков и цыганами переселялись на восток. Руководить операцией было поручено Эйхману, и скоро сотни тысяч поляков, евреев и цыган согнали со своих мест и насильственно направили в восточную часть страны, в то время как фольксдойчей в значительно более комфортной обстановке перевозили из Центральной Польши и прибалтийских стран на освобожденные для них Эйхманом хутора и фермы.

Евреи были, таким образом, согнаны в гетто в Центральной Польше ожидать своей участи, но против всевластия СС на подведомственной ему территории, как ни странно, выступил генерал-губернатор Ганс Франк (Польша отныне называлась генерал-губернаторством). Не питая ни к полякам, ни к евреям никаких теплых чувств, к Гимmlеру и к Гейдриху Франк относился с презрением и неприязнью и не потерпел бы положения, при котором в его владениях хозяйничали их подчиненные. Борьба с ними заняла у Франка немало времени, но он был достаточно настойчив и близок к Гитлеру, чтобы держать Гейдриха и Эйхмана на почти-тельном расстоянии, а потом и вовсе от них отделаться. В результате Эйхман лишился шанса отправить в лагеря смерти три с половиной миллиона польских евреев как раз в тот момент, когда газовые камеры и крематории были построены и готовы были принять их. Это задание выполнили другие.

В январе 1940 года Эйхман переехал в Берлин и занял должность начальника отдела гестапо по делам евреев в только что созданном РСХА. РСХА подразделялось на семь частей, каждой из которых был присвоен номер. Четвертый отдел, гестапо, включал шесть отделений, каждому из которых была присвоена латинская буква. Эйхман был в IV В. Сам IV В подразделялся на небольшие группы, каждой из которых было присвоен порядковый номер. Эйхман возглавлял IV В4 – отдел гестапо по делам евреев. В его обязанности входило проведение нацистской политики по отношению к евреям в Германии и на оккупированных Герма-

нией странах. Из четырехэтажного дома по улице Курфюрстенштрассе, 116, Эйхман руководил депортациями и уничтожением евреев в 16 странах на протяжении четырех лет.

Адольф Эйхман

Немцы быстро подмяли под себя большую часть Европы, после чего, с учетом населения стран-союзниц, их власть распространилась еще на три с половиной миллиона евреев. Эйхман был уверен: в назначенное время он и его Отдел IV – В4 сумеют должным образом распорядиться их судьбой. Тем временем нацисты вторглись на территорию Советского Союза, а по пятам за наступающим вермахтом следовало последнее изобретение войны – специальные подразделения, айнзацгруппы. Численностью каждая до батальона, они должны были уничтожать невооруженных гражданских лиц – евреев и «советских комиссаров», выявленных на занятой территории. «Восточные евреи – оплот коммунизма. Поэтому, как того желает фюрер, они должны быть уничтожены» – такой приказ получили командиры айнзацгрупп.

Эйхман в их число не входил. Его областью было планирование, организация и управление. Вполне возможно, что удовольствия от убийств он не получал. Тем не менее ездил инспектировать айнзацгруппы, занимавшиеся своей кровавой работой: обычно они расстреливали раздетых мужчин, женщин и детей, расставленных сотнями на краю вырытых для захоронения рвов. В привычку подобные визиты у Эйхмана не вошли: он считал массовые расстрелы делом грязным и хлопотным. Много лет спустя, во время следствия в Иерусалиме с притворным, а возможно, даже искренним неудовольствием он вспоминал: «Я до сих пор не могу забыть одну женщину с ребенком на руках. Ее расстреляли, а след за ней и ребенка. Его мозги забрызгали всё вокруг, в том числе и мой кожаный плащ».

У метода массовых расстрелов было много недостатков: даже воспитанные в нацистской вере и закаленные войной, солдаты, чтобы продолжать свою страшную работу, вынуждены были пить все больше и больше; при этом некоторые, как сообщалось, сходили с ума или поворачивали свое оружие против офицеров. «Обратите внимание на глаза этих людей, – говорил генерал СС Эрих фон дем Бах-Зелевски присутствовавшему во время акции рейхс-фюреру СС Гиммлеру. – Видите, как они смотрят? Нервы этих людей загублены на всю жизнь», как

метод уничтожения расстрелы были малоэффективны, «неаккуратны» и слишком публичны. Надо было найти более «элегантные» средства.

Об Эйхмане вспомнили снова. Его отправили в Польшу, в Люблин, где производились эксперименты с газом. Евреев заталкивали в герметично закрывавшийся автобус, выхлопная система которого выбрасывала отработанные газы внутрь. Автобус проезжал некоторое расстояние, пока не заполнялся выхлопными газами, затем останавливался у ямы. Когда двери открывались, трупы и умирающих сбрасывали вниз. Метод был эффективным, но недостаточно массовым. Рудольф Гесс, комендант Освенцима, тоже занимался поисками средств массового убийства, и Гиммлер приказал Эйхману установить связь с его старым другом. Эйхман рассказал Гессу о бойне на колесах, и они согласились, что такие машины в работе с огромными толпами людей будут неэффективными. Эйхман пообещал, что он попробует найти подходящий газ. В конце ноября 1941 года такой газ, не Эйхманом, но был найден. Действовал он почти мгновенно. Циклон Б успешно прошел испытания на русских пленных. Он мог удобно храниться в жестяных банках в виде твердых таблеток, которые переходили в газообразное состояние при соприкосновении с воздухом. Циклон Б скоро стал производиться в больших количествах.

Примерно в то же время глава РСХА Гейдрих созвал Эйхмана и других руководителей СС и гестапо, а также некоторых старших чиновников различных ведомств на сверхсекретное совещание в курортном пригороде Берлина Ванзее. На встрече в штаб-квартире германского Интерпола 20 января 1942 года Гейдрих сообщил им, что Гитлер дал сигнал к осуществлению программы «окончательного решения» еврейского вопроса. Ответственность за выполнение акций массового уничтожения, независимо от географических границ, возложена на него, Гейдриха. Совещание оценило общее число евреев, которые подпадут под действие программы, в 11 миллионов человек, включая еврейское население Британии и нейтральных стран – Ирландии, Швеции, Швейцарии, Испании и Турции, евреев, проживающих на неоккупированных пока территориях Советского Союза. Выполнение программы на территории Европы должно было производиться в направлении с востока на запад, и в осуществлении ее ключевая роль отводилась Эйхману, подотчетному лишь Гейдриху. Эйхман переживал в это время огромное воодушевление при мысли о том, как широко и полно можно будет проявить свой незаурядный организаторский талант.

В заинтересованном обсуждении средств и методов «окончательного решения» Эйхман сыграл заметную роль. Участников совещания интересовала участь людей с частичным содержанием еврейской крови, или *Mischlinge*. Какое процентное содержание еврейской крови квалифицировало соответствующее лицо как предназначенное для уничтожения? Эксперты предлагали различные критерии и точные средства расчета... Эйхман выступил сторонником жесткой линии: со всеми *Mischlinge* следует поступать как с чистокровными евреями. Рассмотрение этого вопроса было отложено. Участники совещания разошлись после ужина в хорошем настроении. Гейдрих, шеф гестапо Мюллер и Эйхман задержались для доверительной беседы, во время которой Гейдрих подтвердил, что за все организационные, технические и материальные аспекты проведения в жизнь «окончательного решения» будет отвечать Эйхман.

Вскоре после совещания начались широкомасштабные депортации и заключение евреев в концлагеря, которые проводились под руководством Эйхмана по всей Европе, кроме одной-единственной страны, Польши, с численностью еврейского населения, равной суммарному количеству евреев во всех остальных европейских странах. Генерал-губернатор Франк был твердо намерен на свою территорию Эйхмана с его подручными не пускать. Убийство Гейдриха

в Праге в июне 1942 года сделало победу Франка в его личной войне с СС окончательной: Эйхмана был исключен из числа функционеров, занимающихся решением участи польских евреев.

Эйхман испытывал сожаление по поводу смерти Гейдриха, однако теперь он отвечал, за работу по «окончательному решению» непосредственно перед Гиммлером. Из своей конторы в штаб-квартире гестапо на берлинской улице Курфюрстендамм он наблюдал за деятельностью членов своей команды во всех частях континента. Время от времени он срывался с места и совершал молниеносные инспекторские поездки в некоторые столицы, и, где бы он в это время ни появлялся, работа по сосредоточению евреев в лагерях и депортации шла быстрее. Тем не менее, несмотря на все служебное рвение Эйхмана, общее число депортированных, начиная с совещания в Ванзее и кончая мартом 1944 года, не превысило трех четвертей миллиона – поставленные совещанием цели не были достигнуты. Жертвы Эйхмана исчислялись следующими цифрами:

Бельгия – 25 000. Эйхман называл это «скудным результатом». Население Бельгии оказало заметное сопротивление репрессиям, позволив многим евреям избежать депортаций; кроме того, немецкие военные власти в Бельгии отнеслись к регистрации евреев небрежно.

Болгария – 12 000. Еще один «скудный результат» для Эйхмана. Болгария, ненадежная союзница, страна с сильными либеральными традициями, упорно сопротивлялась депортации евреев со своей территории.

Чехословакия – 120 000. Здесь нацистам удалось все, т.к. они полностью, после жестоких репрессий, последовавших за убийством Гейдриха в Праге, контролировали население этой страны.

Франция – 65 000. Почти 200 000 евреев спаслось благодаря отказу главы правительства в Виши Анри Петена подписать указ о депортации, отказу властей в итальянской зоне оккупации от участия в «окончательном решении еврейского вопроса», активной деятельности французского Сопротивления и растущего неприятия нацистских методов даже со стороны французских антисемитов.

Рейх: Германия – 180 000, Австрия – 60 000. Здесь Эйхман не встретил значительного сопротивления депортации остатков двух еврейских общин.

Греция – 60 000. Большинство евреев Греции проживало в портовом городе Салоники, где компактная еврейская община существовала на протяжении почти 2500 лет. Поэтому выявить и депортировать их не представило труда.

Нидерланды – 120 000. Германия контролировала Голландию почти тотально; были вывезены и уничтожены практически все голландские евреи.

Италия – 10 000. Италия во всем, что касалось политики в отношении евреев, сотрудничать с союзной Германией отказывалась. Италия не позволила депортировать евреев не только со своей территории, но также из оккупированных ею районов Франции, Югославии и Греции. Преследование евреев началось только после оккупации Германией Северной Италии, вслед за высадкой союзников на Апеннинском полуострове и падением режима Муссолини.

Польша. В немецкой зоне Польши два больших гетто, в Литцманштадте (Лодзи) и в Белостоке, находились вне юрисдикции Ганса Франка. Эйхману удалось депортировать из Белостока в Освенцим не более 10 000 евреев – депортациям препятствовали местные власти, утверждавшие, что евреи им нужны для военных работ. В Литцманштадте Эйхман столкнулся с еще более ожесточенным сопротивлением местных чиновников, извлекавших из рабского труда жителей гетто огромную выгоду. Ему лишь удалось договориться с ними о «постепенном сокращении» численности обитателей гетто.

Румыния – 75 000. Из большой еврейской общины на территории Румынии приблизительно половина, 400 000, пережила войну. Несмотря на прежние варварские действия, даже отличавшийся ярким антисемитизмом режим Антонеску, союзника Гитлера, отказался от участия в «окончательном решении». Тем не менее, десятки тысяч румынских евреев были депортированы за границу и расстреляны.

Скандинавия: Дания – 425, Норвегия – 700. Еврейские общины этих стран были относительно немногочисленны, и нееврейское население помогало соотечественникам бежать в нейтральную Швецию.

Югославия – 10 000. По «техническим причинам» большинство евреев Сербии и Хорватии (две самые большие части расчлененной Югославии) были расстреляны или отравлены газом на месте, а не депортированы. Тем не менее, тысячам евреев удалось бежать в партизанскую зону Тито, еще тысячи нашли прибежище в Италии.

Эйхман не выполнил установленных планов и чувствовал, что провалился. Он считал, что обязан убить любого еврея, который попал в его руки: «За любое, даже малейшее сомнение когда-нибудь придется заплатить дорого.» У него не было своих «любимчиков» среди евреев, как у других нацистов, он не торговался с евреями, обещая им за деньги свободу, Эйхман был убежден, что исключений быть не должно, и никакие причины: политические, сентиментальные или корыстные – на решения о депортации влиять не могут.

Немецкий протестантский священник, Генрих Карл Грубер, выступавший на процессе Эйхмана в Иерусалиме, говорил, что всякий раз, когда он просил Эйхмана за какого-нибудь человека, ответ того неизменно был отрицательным. «Он был холоден, как кусок льда или мрамора, – говорил Грубер. – Ничто не трогало его сердца». Во власти Эйхмана находились сотни тысяч человек, но он не упускал из виду ни одного из них. Эйхман был очень внимательным ко всем мелочам и полон решимости не упускать ни единого человека: «Любое исключение создает прецедент, препятствующий делу очищения от евреев» – таково было его кредо.

Эйхман относился необычайно добросовестно к своей «работе» и, поэтому, невыполнение его отделом намеченного плана почти во всех странах Европы должно было порождать у него ощущение неудачи. Примечательно, что он так и не получил звания выше оберштурмбанфюрера (подполковника), которое ему присвоили в октябре 1941 года, и не был награжден ни одним знаком отличия вплоть до самого конца 1944 года, когда Гиммлер отметил его «достижения» с большим раздражением, чтобы унять его прыть, ставшую уже излишней к концу войны (см. ниже в 5.6). Однако, когда после оккупации Венгрии стало возможным уничтожение всего еврейского населения Венгрии, эту задачу поручили именно Эйхману: Гиммлер по-прежнему доверял ему.

Эйхман чувствовал необходимость доказать вышестоящему начальству свою компетентность, свое поистине маниакальное рвение, с которым он приступил к решению поставленной задачи – уничтожению восьмисот тысяч венгерских евреев. Позже Уинстон Черчилль назвал эту акцию «возможно, самым большим и ужасным преступлением за всю историю человечества, совершенным при помощи науки и технических средств номинально цивилизованными людьми от имени великого государства и одной из ведущих наций Европы» [4,5].

Эйхман побывал в городе Хайфа и его окрестности два раза.

Первый раз – в палестинской Хайфе, времен британского мандата, 2—3 октября 1937 года. Да, только 48 часов он провел в «нижнем городе» Хайфы, высадившись с корабля и попытавшись отправиться на гору Кармель. Эйхман хотел остаться здесь надолго, чтобы изучить возможный объект своей деятельности – еврейское население (ишув) Палестины. Однако британская администрация выслала его из страны по подозрению в шпионаже в пользу Германии.

Второй раз – в окрестности израильской Хайфы, после похищения его в Аргентине и вывоза в Израиль для предания суду в качестве военного преступника, 22 мая 1960 года. На этот раз он оставался здесь почти год: с 26 мая 1960 года (за три дня до начала следствия 29 мая) и вплоть до начала суда над ним в Иерусалиме 11 апреля 1961 года.

Бывший глава израильского Моссада Исер Харэль вспоминал: «...Я подгонял бедного водителя всю дорогу, и он доставил меня в канцелярию Бен-Гуриона в 9:50. Политический секретарь Ицхак Навон не нуждался в разъяснениях: он понял, что я не стал бы беспокоить главу правительства за считанные минуты до заседания без крайне важной причины. Спустя минуту я уже входил в кабинет. Бен-Гурион удивился, увидев меня, и спросил, когда я вернулся. Я ответил, что прибыл два часа назад и у меня для него сюрприз. Старик посмотрел на меня с еще большим удивлением: мы никогда не пользовались в беседах столь возвышенным языком. Я рассмеялся:

– Я привез с собой Адольфа Эйхмана. Вот уже два часа он находится на земле Израйля, и, если вы одобрите, мы передадим его полиции...

...В тот день, когда Эйхмана доставили в Израиль, два старших офицера управления полиции – начальник следственного отдела Матитьягу Села и Шмуэль Рот, исполнявший обязанности начальника уголовного отдела, – получили приказ явиться к генеральному инспектору. Шеф был взволнован и сообщил им, что Эйхмана поймали и доставили в Израиль. Теперь начали волноваться и подчиненные, Посоветовавшись, трое полицейских офицеров обговорили порядок составления ордера на арест преступника. Шмуэлю Роту не надо было объяснять значение свершившегося. На другой день инспекторы вместе с судьей Ядидом Алеви приехали к месту заключения Эйхмана, и Рот был поражен, до какой степени преступник невзрачен: как и многие другие, он представлял себе Эйхмана совсем не таким. Рот перевел на немецкий язык вопрос судьи – кто таков задержанный. Немец без колебаний ответил:

– Я Адольф Эйхман.

Судья подписал ордер на арест...

...23 мая я снова отправился в Иерусалим. В тот день глава правительства собирался известить членов кабинета о поимке Эйхмана, а затем объявить об этом в кнессете. Некоторое время я присутствовал на заседании кабинета, а затем вместе с Бен-Гурионом отправился в кнессет.

Заседание парламента началось как обычно в 16:00. По городу уже распространилась весть, что глава правительства собирается сделать важное сообщение, поэтому зал был в напряженном ожидании. Я редко показываюсь на людях, поэтому вошел в зал лишь за несколько минут до того, как Бен-Гурион попросил слова.

Бен-Гурион встал и взволнованным голосом зачитал сообщение:

«Я должен известить кнессет, что израильская служба безопасности некоторое время тому назад обнаружила место, где скрывался один из самых крупных нацистских преступников – Адольф Эйхман, несущий вместе с главарями нацизма ответственность за то, что они называли „окончательным решением еврейского вопроса“, иначе говоря, уничтожение шести миллионов евреев Европы. Адольф Эйхман уже находится под арестом в Израиле и вскоре предстанет перед израильским судом согласно закону 1950 года о наказании нацистов и их пособников.»

Члены кнессета были ошеломлены. Они и не подозревали, что пока правительство равнодушно реагировало на сообщения о том, что Эйхман жив, добровольцы-израильцы уже действовали. Они искали преступника, чтобы поймать его и предать суду.

Из кнессета весть разлетелась по всей стране, а затем и по всему миру. Все честные люди отдавали Израилу дань уважения, а преступники, получившие предупреждение, дрожали в своих норах. Но и до них дотянется карающая рука. Ничто не забудется, и рано или поздно справедливость восторжествует.» [6].

Было ясно, что Эйхмана нельзя было помещать в обычную тюрьму вместе с другими преступниками. Необходима была особая осторожность. Надо было найти изолированное помещение, а лучше целое здание. Сотрудниками полиции было найдено подходящее здание дома предварительного заключения (ДПЗ) в окрестности Хайфы. Этот ДПЗ был хорошо защищен изнутри и снаружи, обеспечивал надежное содержание заключенного под стражей и возможность допроса в любое время. Назвали его «лагерь Ияр» («бюро 06») (т.к. он был организован как военный лагерь, а Ияр – ивритское название месяца, в котором был пойман Эйхман). Лагерь Ияр (небольшая группа зданий с внутренними дворами) был расположен в начале широкой Изриэльской долины, известной своим плодородием – результатом труда тех, кого Эйхман мечтал уничтожить [5].

Вся работа по охране Эйхмана и подготовке к суду над ним получила название «Операция Ияр» [5].

«Адольф Эйхман был так же неизвестен в «Третьей империи», как десять тысяч других чиновников этого высокого государственного учреждения. Но после Второй мировой войны его имя стало синонимом геноцида и убийств. Что это был за человек? Как он решился на такое? Что это было за время, какие обстоятельства сформировали его? Он сам ответил на эти вопросы.

Авнер Лесс – капитан израильской полиции. Генеральный прокурор Государства Израиль поручил ему допрашивать Эйхмана, чтобы подготовить судебный процесс. Начиная с 29 мая 1960г., он просидит не одну сотню часов напротив человека, пославшего на смерть миллионы евреев, в том числе отца капитана и дюжину его родственников. Отец Лесса, берлин-

ский фабрикант и фронтовик Первой мировой войны, был отправлен через концлагерь Терезиенштадт в газовую камеру Освенцима. Ему, кавалеру ордена «Железный крест», пожаловали, как говорит с горькой иронией сын, «привилегию» быть убитым одним из последних.» [3]

В этой главе, ниже, и в главе 5 будут использоваться показания Эйхмана на этих допросах.

Книга [3] заканчивается следующими словами капитана Авнера Лесса: «Девятого октября 1960 г. в помещение, где происходил допрос, вошел начальник тюрьмы полковник Оффер и сообщил Эйхману, что сегодня ожидается прибытие из Кельна защитника д-ра Серватиуса. Через два дня при просмотре очередной распечатки протокола Эйхман, возбужденный первым свиданием с адвокатом, рассказал мне, что представлял себе Серватиуса именно таким, как он выглядит. Что он производит впечатление весьма компетентного человека. Ведь во время Нюрнбергских процессов он должен был набраться большого опыта по таким делам. Это пригодится ему, Эйхману, он ведь понимает серьезность положения и не строит иллюзий. Во всяком случае, его судебный процесс будет историческим событием высшего разряда; не так важна его личность, как «исторические факторы». А сам он ведь только «маленькое колесико» в гигантской гитлеровской машине...

Я возразил, что на самом деле коренным вопросом процесса будет – а не был ли он как раз «маховиком» безжалостной машины уничтожения. Но это вопрос, решить который не может ни он, ни я; на него должен ответить суд.

Спустя примерно месяц я предъявил Эйхману документ, датированный 21 сентября 1939 г., когда в Польше еще шли бои. Речь в нем шла о совещании с его участием, на котором было принято решение о «геттоизации» в Польше всех евреев – как первой стадии «окончательного решения». Именно это Эйхман категорически отрицал ранее.

Необходимость признать, что он уже с сентября 1939 г. знал о плане массового уничтожения евреев, была для него заметным ударом. Документ совершенно лишил его аппетита; в тот день он не притронулся к обеду. Обычно же съедал без остатка.

Когда мы сверяли одну из последних записей в феврале 1961 г., дежурный офицер привел в комнату, где происходил допрос, нашего фотографа Гербера. Когда тот устанавливал свой аппарат, Эйхман вопрошающе смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Я сказал: «Я думаю, нас хотят сфотографировать». Эйхман застегнул верхнюю пуговицу рубахи, сказал «А, хорошо», вытянулся по струнке на своем стуле и сделал серьезное задумчивое выражение лица. Он был тщеславен и хотел войти в историю с видом значительной личности. Через два месяца после последнего допроса Эйхман предстал в Иерусалиме перед судьями. Государство Израиль оплатило его защиту. Судебный процесс был поучительно корректен. Ни одной из жертв Эйхмана такого на долю не выпало.» [3]

4.4. Адольф Эйхман едет в Будапешт

12 марта 1944 года все эсэсовские офицеры из Отдела IV – В4 Главного управления имперской безопасности (РСХА) оберштурмбанфюрера Адольфа Эйхмана собрались в концлагере Маутхаузен. Эйхман рассказал им, что через семь дней начнется операция «Маргарет», цель которой – немецкая оккупация Венгрии. Команда Эйхмана должна была вступить в Венгрию вместе с армией и заняться своим делом незамедлительно: Венгрия должна быть очи-

цена от евреев область за область в направлении с востока на запад, Будапештом займутся на последнем этапе, а всю операцию необходимо было завершить в минимально возможное время.

«ЛЕСС. Разве не следует из документов, которые мы здесь видели, что существовал план: за четыре месяца извлечь всех до одного из миллиона евреев и депортировать их? Это значит, что ваша акция проводилась под сильным давлением, чтобы завершить ее как можно скорее?»

ЭЙХМАН. Так точно!

ЛЕСС. Что же осталось еще от евреев Европы? Была одна только Венгрия.

ЭЙХМАН. Господин капитан, так было с самого начала: эвакуировать как можно быстрее. Если мне был дан приказ – сгонять их с востока на запад как можно скорее, значит, германскому руководству стало уже в общих чертах ясно, как складывается положение на фронтах. Но темпы акции, господин капитан, не зависели от меня с моими несколькими людьми. Я не мог форсировать темп, форсировать темп могло одно только венгерское министерство внутренних дел. Если бы, например, со стороны венгерской жандармерии чинился – употребим все же это слово – саботаж, то ничего бы вообще не происходило, абсолютно ничего!» [3]

Позднее на суде в Иерусалиме Эйхман упорно настаивал на том, что он только выполнял приказы и распоряжения и никому ничего плохого по собственной воле не сделал, так как находился в юридическом положении «крайней необходимости», поскольку неподчинение приказу в Третьем рейхе могло стоить жизни. Он уверял, что готов отвечать за свои деяния и не рассчитывает ни на какой иной приговор, кроме смертного, но все же выискивал любую возможность выскользнуть из петли. С этой целью он ссылался на то, что до Нюрнбергских процессов геноцид не был определен как состав преступления, и, поскольку закон не имеет обратной силы, никого нельзя привлечь к ответственности за действия, совершенные при Гитлере.

«ЛЕСС. Вильгельм Хёттль, бывший штурмбаннфюрер СС и, как и вы, работник Главного управления имперской безопасности, показал на одном из допросов, что вам было известно: Объединенные Нации считают вас одним из главных военных преступников.

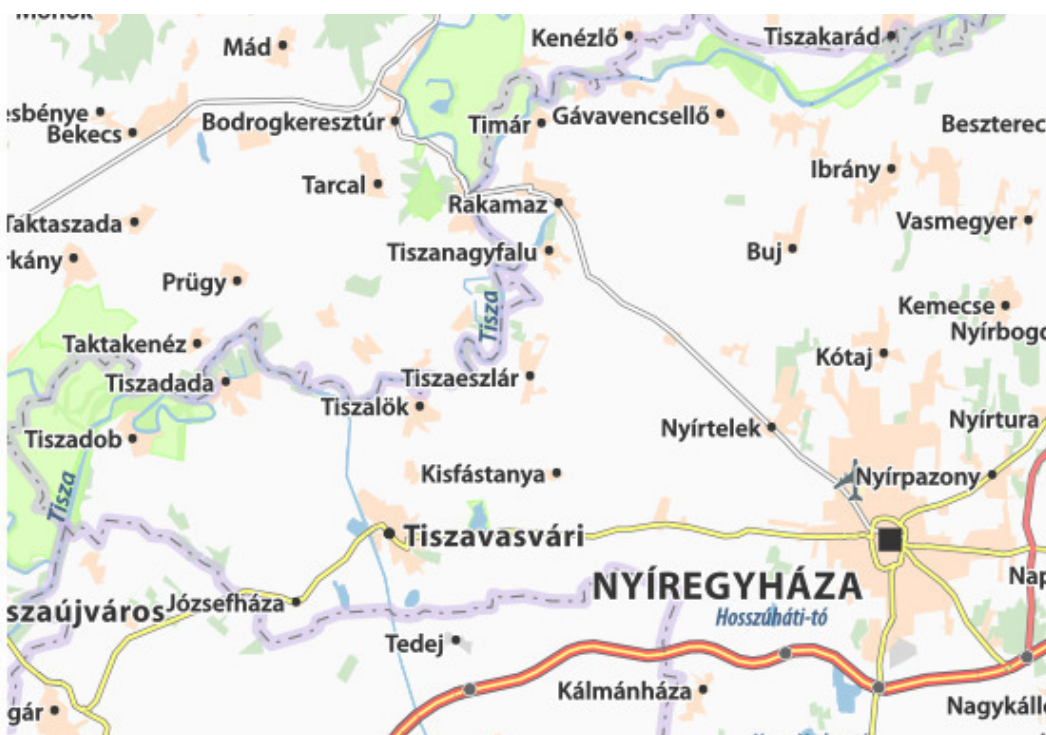
ЭЙХМАН. Да, и это тоже неверно. Совершенно неверно. Как-то в одной... в какой-то польской газете была заметка, там был приведен список военных преступников, я там значился, кажется, седьмым номером или... или семнадцатым. Один человек, знакомый с прессой, объяснил: «Это работа журналистов, это они слепили». А о международном военном преступнике я никогда не слышал. И вообще, когда в 1945 г. начались эти нюрнбергские дела, я очень удивлялся, как это вообще возможно, задним числом!» [3].

18 марта 1944 года Дитер Вислицени и Герман Крумеи, заместители Эйхмана, Хунше, Даннекер во главе колонны из 30 автомобилей покинули Маутхаузен, чтобы присоединиться к германским силам вторжения. Сам Эйхман 19 марта отпраздновал дома свое 38-летие и затем во главе колонны из 120 автомобилей отправился в путь. Его подразделение участвовало в торжественном параде немецких войск в Будапеште. После парада Эйхман отправился в реквизируемый СС пятизвездочный отель «Мажестик». Он любил комфорт [4].

4.5. Депортация евреев венгерской провинции

В Венгрии издавна существовала предпосылка для «окончательного решения» еврейского вопроса – кровавый навет в Тисаэсларе (Тисаэсларское дело). Это кровавый навет на евреев и последовавший за ним судебный процесс, который положил начало развернувшейся в Венгрии антисемитской кампании в 1882—1883 годах. Еврейская община в венгерской деревне Тисаэслар (Tiszaeszlár), расположенной на реке Тиса (см. карту), составляла 25 семей (5% общего населения Тисаэслара). 1 апреля 1882 года, перед праздником Песах, пропала 14-летняя христианская девочка Эстер Шоймоши, служившая в доме Андраша Хури. Она была послана с поручением и не вернулась назад. После безрезультатных поисков был пущен слух, что девочка стала жертвой религиозных еврейских фанатиков. Антисемиты под предводительством представителя Тисаэслара в венгерском парламенте Геца Оноди и члена парламента Дёзё Иштоци, основавшего позже антисемитскую партию, внесли предложение об изгнании евреев из Палаты Депутатов, настраивали население против местных евреев, что привело к серии насильственных акций и погромов. Они обвиняли евреев в убийстве девочки и использовании её крови в Песах, который проходил 4 апреля. 4 мая мать девочки обратилась к местному судье с требованием провести расследование исчезновения дочери, сделав акцент на виновности евреев в «ритуальном убийстве».

19 мая окружной суд в городе Ньиредьхаза (в 15 км от Тисаэслар) послал в Тисаэслар судебного исполнителя Йозефа Бари для расследования заведённого судьёй дела.

Тисаэслар и Ньиредьхаза

После задержания подозреваемых евреев и помещения их под наблюдение полиции Бари приступил к расспросам. Некоторые женщины и девочки, прельщённые деньгами и сладостями, показали, что сторож синагоги Йозеф Шарф зазвал Эстер в свой дом и резник («шохет») обезглавил её. Пятилетний сын Шарфа показал, что в присутствии его отца, старшего брата, 14-летнего Морица, и нескольких других мужчин шохет сделал надрез на шею девочки и при помощи Морица собрал её кровь в посуду. Все подозреваемые, включая Шарфа

и Морица, отрицали какую-либо причастность или осведомлённость об исчезновении девочки и её предполагаемом убийстве. 19 мая Шарф и его жена были арестованы. Вечером того же дня Мориц был передан комиссару безопасности Речки. Он поместил его в своё отделение в Тисанадфалу, где судебный клерк Пецей должен был проследить за безопасностью мальчика. Пецей, отсидевший в тюрьме 12 лет за убийство, очевидно помогал Речки сделать из Морица инструмент для классического обвинения в кровавом навете.

29 июля 15 человекам были предъявлены формальные обвинения. Саламон Шварц, Абрахам Буксбаум, Леопольд Браун и Германн Волльнер были обвинены в убийстве, Йозеф Шарф, Адольф Юнгер, Абрахам Браун, Самуэль Люстиг, Лазарь Вайштейн и Эмануэль Тауб – в добровольном содействии преступлению, Ансельм Фогель, Янкель Шмилович, Давид Гершко, Мартин Гросс и Игнац Клейн – в подстрекательстве к убийству и краже тела. Задержка в производстве дела была вызвана преимущественно тем, что ряд составленных Бари актов были признаны неправильными, тем, что он проводил расследования без государственного юридического лица, записывал показания без свидетелей, истязал обвиняемых и подозреваемых. По правительственному указанию Мориц Шарф был отдан под наблюдение районного судебного пристава, который поместил его под попечительство надзирателя Хентера и таким образом изолировал от контактов с защитниками и другими евреями. Мориц находился под абсолютным влиянием обвинителей, готовившим его к признаниям, которые ему следовало сделать на суде.

Затянувшийся процесс привлёк общее внимание. В стране проходила массовая агитационная кампания с памфлетами, пытавшаяся склонить общественное мнение в сторону виновности обвиняемых. Бывший президент Венгрии Лайош Кошут, находившийся в то время в изгнании в Турине (после поражения революции 1848 года), поднял свой голос за осуждение произвола властей и опротестовал раздуваемые предубеждения против евреев. Он говорил, что подозрения в ритуальных убийствах – это позор для Венгрии, что представлять убийство, которое в худшем случае мог сделать один человек, как расовое или ритуальное преступление – это недостойно современной цивилизации.

17 июня 1883 года в Ньиредьхазе началась последняя часть слушания дела. Хотя единственной основой обвинения были свидетельские показания Морица Шарфа, суд провёл 30 заседаний для расследования дела во всех деталях и заслушал много свидетельских показаний. Отзыв о судебно-медицинских экспертизах для процесса выдал венский профессор судебной медицины, один из основателей её как научного направления Эдуард фон Гофман, подтвердив результаты второй экспертизы и указав на вопиющее отсутствие специальных судебно-медицинских знаний у авторов первой. Явные противоречия в показаниях мальчика, несмотря на его тщательный инструктаж, и ложность его обвинений, выявленные при проведении следственного эксперимента в Тисаэсларе 16 июля, привели к единогласному оправданию обвиняемых 3 августа адвокат вдовы Шоймоши, в своей речи, полной горечи и брани, выступил против решения, но верховный суд отверг его апелляцию и подтвердил решение окружного суда. Невольный молодой обвинитель Мориц, свидетельскими показаниями которого манипулировали антисемиты, вернулся к своим родителям, которые его радостно приняли и полностью простили. Он помогал своему отцу до самой его смерти в 1905 году.

Оправдательный вердикт и освобождение заключённых, большинство из которых находились в тюрьме 15 месяцев, послужило сигналом к беспорядкам в Пресбурге (Братиславе), Будапеште и других городах Венгрии. Антисемиты, толпившиеся и скандалившие около здания суда во время заседаний, среди которых наиболее заметным был Оноди, оскорбляли

заклочённых и угрожали свидетелям и адвокатам. Кровавый навет в Тисаэсларе был одним из наиболее заметных в Европе в конце XIX века. Он послужил оправданием кровавых погромов в Венгрии в 1919—1921 годах. В 1930-х годах его использовали венгерские антисемиты для введения антиеврейских законов [7].

На следующее утро после прибытия в Будапешт Эйхман поручил своим помощникам Герману Крумеи, Дитеру Вислицени и Отто Хунше установить контакт с лидерами венгерских евреев. Этим пятнадцати напуганным представителям еврейской общины было заявлено, что:

- «все дела венгерского еврейства передаются в компетенцию СС»,
- евреям запрещается покидать Будапешт или менять без разрешения место жительства,
- немедленно организуется Центральный еврейский совет из восьми человек,
- этот совет будет получать распоряжения от гестапо, для чего в конторе совета должно быть организовано круглосуточное дежурство на телефоне,
- для предотвращения паники среди еврейского населения еврейская пресса должна публиковать статьи, призывающие к спокойствию,
- раввины призваны успокаивать свою паству.

Гиммлер приказал Эйхману внимательно отслеживать настроения среди еврейского населения, выявляя малейшие признаки сопротивления, чреватые еще одним восстанием типа варшавского: не следовало доводить евреев до актов отчаяния.

Крумеи успокаивал. Евреям нечего опасаться, заявлял он. Конечно, в отношении их будут введены ограничения экономического характера, однако они не будут более жесткими, чем требуют того крайности войны. Религиозная, общественная и культурная еврейская жизнь будет продолжаться, как прежде. СС будет охранять их покой. Получив другие подобные же заверения, еврейские старейшины ушли с встречи чуть менее встревоженными, чем пришли на нее.

Как только Центральный еврейский совет был создан, Эйхман лично обратился к нему с часовой речью – смеси угроз, обещаний и мошеннической демонстрации познаний в области древнееврейского языка и еврейской культуры:

- евреям следует оповещать его, если кто-нибудь попытается тронуть их, он немедленно накажет виновных, даже если ими окажутся немецкие солдаты,
- пожелавшие заниматься грабежом и присвоением еврейского имущества также будут им жестоко наказаны,
- пусть евреи не пробуют вводить его в заблуждение, они об этом пожалеют,
- он занимается еврейскими делами вот уже десять лет, и никто еще из евреев его обмануть не смог,
- он лучше, чем они, знает иврит,
- главная его цель – это расширение производства на военных заводах, для них нужна еврейская рабочая сила.
- в настоящий момент требуются четыреста добровольцев, если они не явятся сами, он наберет насильно, но в любом случае с ними будут обходиться гуманно, и они будут получать заработную плату, как все другие рабочие,
- начиная с этого момента все евреи должны в обязательном порядке носить на одежде желтую звезду,

– это правило, как и другие, о которых он вскоре объявит, вводится не навечно, а только до тех пор, пока не кончится война,

– сразу после победы евреи поймут, что немцы – все тот же доброжелательный народ, среди которого они жили прежде.

Последовавшие события обнаружили всю лживость речей Эйхмана. Новые антиеврейские декреты, принятые весной 1944 года были зловещим предзнаменованием дальнейших событий. Евреи Венгрии шаг за шагом лишались всех гражданских прав. Стало обязательным ношение желтой шестиконечной звезды: за отказ – тюрьма или смерть. В течение всего нескольких дней были обнародованы приказы, запрещающие евреям покидать дома, сдавать местным властям все имеющиеся у них телефоны, радиоприемники и автомобили. Отбирались даже детские велосипеды. Счета евреев в банках замораживались, а продовольственные пайки значительно урезались. Евреев увольняли с государственной службы, в отношении их вводился запрет на профессии. Все магазины, конторы и фабрики передавались под арийское управление. Не разрешалось посещать рестораны, театры, сидеть на скамейках в парках, ездить в поездах и трамваях. Евреи были растеряны и деморализованы. Затем начались облавы в провинции. Евреев сгоняли в местные гетто и временные, наспех сооруженные концлагеря – последняя остановка перед депортацией на заводы или в лагеря смерти в Польше и в Германии. Облавы в провинции проводились систематически, в одном районе за другим, венгерскими жандармами. Сотрудники Эйхмана играли при них роль советников и наблюдателей. Жестокость, проявляемая жандармами, поражала даже эсэсовцев. Облавы намеренно начались в первый день еврейской Песах [4, 2].

Депортация евреев венгерской провинции

В «Протоколах Эйхмана» отчетливо прозвучала одержимость Эйхмана своей миссией:

ЛЕСС. Я опять цитирую из воспоминаний Гёсса, английское издание; вот что он пишет о вашей деятельности за границей: «Если иностранное правительство давало согласие на выдворение своих евреев, оно поручало какой-то официальной инстанции организовать их арест и выдачу. Затем Эйхман обсуждал непосредственно с этой инстанцией вопросы транс-

портировки и делился своим опытом в части арестов. В Венгрии, например, акции проводились министерством внутренних дел и полицией. Эйхман и его коллеги контролировали организацию дела и вмешивались только в том случае, если венгры действовали медленно или халатно. Штаб Эйхмана должен был также поставлять подвижной состав и согласовывать расписание с министерством путей сообщения. По приказу Поля, начальника Главного управления хозяйством и делами СС, а тем самым – и концлагерей, я трижды приезжал в Будапешт, чтобы получить приблизительное представление об ожидаемой численности трудоспособных евреев. Это давало мне возможность наблюдать методы Эйхмана при ведении переговоров с отделами венгерского правительства и военными. Держался он решительно и по-деловому, но дружелюбно и вежливо. Куда бы он ни пришел, с ним охотно имели дело. Это подтверждается бесчисленными личными приглашениями, которые он получал от руководителей этих отделов. Эйхман был совершенно убежден в том, что если ему удастся уничтожить биологическую базу евреев на Востоке, то от этого удара еврейство в целом никогда больше не оправится. Он был совершенно одержим своей миссией и убежден в том, что акция истребления необходима, чтобы на будущее обезопасить немецкий народ от деструктивных намерений евреев. Он был также явным противником отбора из эшелонов работоспособных евреев. Он считал это препятствием для окончательного решения еврейского вопроса, которое должно быть проведено как можно скорее, поскольку невозможно предвидеть исход войны. Уже в 1943 г. он сомневался в полной победе Германии». Желаете проглядеть и высказаться об этом?

ЭЙХМАН. Если бы у меня был красный карандаш, господин капитан, я бы подчеркнул все, что является притянутым за волосы враньем. Это настолько несерьезное изложение, что я... И так прозрачно, словно он здесь ну прямо ожил. Меня уже не сердит, что он надеется нанести мне вред таким количеством лжи. Я уже за это время все прошел, что касается таких текстов. Если желаете, господин капитан, я выскажусь обо всем.

ЛЕСС. Вы не обязаны это делать.

ЭЙХМАН. Я в принципе отвергаю это целиком как неправду. Это... у меня слов нет, а ведь все одно к одному.» [3]

«Когда Еврейский совет в Будапеште, узнав об условиях в провинциальных гетто, заявил Эйхману протест, он ответил им, что условия не хуже тех, в которых живут немецкие солдаты на маневрах. «Вы опять распространяете пропагандистские истории», – предупредил он. Эйхман и Ласло Эндре, заместитель венгерского министра внутренних дел, совершили по лагерям инспекционную поездку. То, что они там увидели, им понравилось. По возвращении в Будапешт Эндре заявил: «Все в порядке. Гетто в деревне больше похожи на санатории. Евреи наконец-то выбрались на открытый воздух, они лишь поменяли свой образ жизни на более полезный для их здоровья.» К этому времени команда Эйхмана обосновалась и оборудовала для себя постоянную контору в реквизированном гестаповцами отеле «Мажестик» на Швабском холме, в привилегированном районе Буды, где располагались летние резиденции богатых венгерских граждан. Филиал эсэсовцев в промышленной части города, возглавляемый офицером связи подполковником Ласло Ференци, командовавшим жандармами и сыскным ведомством, находился в тыльном крыле здания ратуши Пешта на восточном берегу Дуная. Не без черного юмора эсэсовцы назвали его для прикрытия «Международной компанией по складированию и транспорту», хотя между собой называли просто «Конторой по ликвидации венгерских евреев». Начало депортаций Эйхман отметил небольшим приемом в «Мажестик», на который он пригласил Ференци, Эндре и еще одного заместителя министра внутренних дел Ласло Баки. Пили шампанское, доставленное самолетом из Парижа.

Депортации производились в яростном темпе. Часто за одни сутки в Освенцим отправляли до пяти железнодорожных составов, в каждом из которых находилось до четырех тысяч мужчин, женщин и детей, упакованных, как сардины, по семьдесят, восемьдесят или даже по сотне человек в вагон. В каждый вагон ставили по ведру воды и еще одно ведро для испражнений. Дорога до Освенцима занимала от трех до четырех дней. Когда еврейские старейшины заявили протест по поводу невыносимых условий в вагонах, Отто Хунше, один из помощников Эйхмана, огрызнулся: «Прекратите выдумывать ужасы... За один рейс в пути в составах умирает не более пятидесяти – шестидесяти человек». Эндре ответил угрозой: «Евреев постигла судьба, которой они заслуживают. Если члены Еврейского совета будут на своих домыслах настаивать, с ними поступят как с обычными распространителями злостных слухов.» По прибытии в Освенцим некоторых депортированных заставляли посылать родственникам почтовые открытки с видами природы и обратным адресом Вальдзее, несуществующего курорта, расположенного якобы где-то в Австрии. На всех карточках писалось приблизительно одно и то же: «У меня все хорошо. Я здесь работаю». Таким образом намеревались предупредить распространение панических настроений у тех, кого еще только предстояло сюда доставить. Нацисты опасались второго варшавского восстания.

Евреи доставлялись в Освенцим в таких количествах, что, несмотря на недавнюю установку дополнительных газовых камер и крематориев, Гессу пришлось срочно отправиться в Будапешт, чтобы просить Эйхмана о замедлении темпов, с которыми лагерь уничтожения не справлялся. Эйхман неохотно согласился сократить до трех в сутки число отправляемых составов.

Hungarian Jews arriving at Auschwitz-Birkenau, May 26, 1944

Евреи из Венгрии по прибытию в Освенцим, 26 мая 1944 года

Русские теснили немецкую армию, и каждая единица подвижного состава была отчаянно нужна для военных целей. Франц Новак, эсэсовский офицер, заведовавший у Эйхмана транспортом, встречался в работе с все большими трудностями. Тогда Эйхман обратился за помощью непосредственно к Гиммлеру, который, в свою очередь, переадресовал его прошение в ставку Гитлера. В ответ была получена директива: армии предписывалось приоритетное снабжение подвижным составом, «только когда она наступает». И поскольку армия отступала, Эйхман свои составы получал без задержки. В результате немцы, теснимые русскими на равнинах Восточной Венгрии, бросали свое тяжелое вооружение. В наиболее отчаянной стадии войны, когда опасность нависла над самим существованием рейха, считалось более важным использовать имеющийся подвижной состав для транспортировки евреев: одних – на военные заводы, где непосильный труд скоро доводил их до смерти, других – непосредственно в газовые камеры.

Famous photo of Hungarian Jews walking to the gas chamber

Евреи из Венгрии по пути в газовую камеру

Когда осознание того, что происходит с евреями в провинции, оформилось окончательно, Еврейский исполнительный комитет в Будапеште выпустил листовку, адресованную «христианскому народу Венгрии, с которым мы рядом, бок о бок, разделяя все его беды и радости, жили в своем отчестве в течение тысячелетия». В листовке подробно описывались ужасы депортации и выражалась вера евреев в «присущее венгерскому народу чувство справедливости». Листовка заканчивалась следующим образом: «Если же мы обращаемся к венгерскому народу тщетно, когда умоляем лишь о сохранении нашей жизни, мы попросим его только об одном – чтобы нас избавили от ужаса и жестокости депортации и положили конец нашим страданиям дома, позволив нам, по крайней мере, покоиться в земле родины» [4]

Коснулась эта беда и партнера Рауля Валленберга по Центрально-европейской торговой компании – Коломана (Кальмана) Лауэра. Приведем соответствующие письма из книги [8].

Машинописное письмо Коломана Лауэра (Стокгольм, 23.05.1944) Якобу Валленбергу (Стокгольм)

*DR. KOLOMAN LAUER
DIREKTÖR I
MELLANEUROPEISKA HANDELS A.-B.
STOCKHOLM 23/5 1944
Besv. 23/5
Herr Bankdirektör Jacob Wallenberg
Stockholms Enskilda Bank AB
Stockholm 16*

Я взял на себя смелость побеспокоить Вас следующим вопросом. Разумеется, Вы знаете о ситуации с евреями в Венгрии. В течение двух последних недель родственники моей жены депортированы неизвестно куда. Моему тестю 79 лет и моей свекрови 74 года, они потеряли двух сыновей в Первую мировую войну, а их третий сын, врач, был депортирован шесть недель назад.

Я сделал несколько попыток спасти их и мою пятилетнюю племянницу – пока все напрасно – т.к. они не смогли получить временный шведский паспорт и, т.о., защиту шведской миссии, из-за того, что я не шведский гражданин. По рекомендации судовладельца Свена Салена я теперь хочу подать заявку на шведское гражданство. Я был бы очень обязан, если бы Вы могли выдать мне сертификат, который я мог бы приложить к подаваемым документам.

Кроме Свена Салена, следующие лица/организации выдали мне сертификаты, подтверждающие мою работу и вклад в развитие шведской промышленности:

- Шведский кооперативный союз и Оптовое общество,*
- Эрик Бьоркман (менеджер Skandinaviska Banken),*
- капитан Георг Остердал (председатель Шведской федерации оптовиков и импортеров, Гетеборг),*
- депутат Гёста Лидберг (председатель шведского Конного экспортного комитета),*
- армейский ветеринарный хирург Хенрик Брейде, Хельсинборг, а также несколько импортных фирм в сфере производства продуктов питания.*

По мнению моего адвоката, у меня есть шанс получить шведское гражданство...

*Искренне Ваш,
Коломан Лауэр*

Машинописное письмо Якоба Валленберга (Стокгольм, 23.05.1944) Коломану Лауэру (Стокгольм)

*ID 23 May, 1944
Dr Koloman Lauer
Mellaneuropeiska Handels A.-B.
S t o c k h o l m*

Отвечая на Ваше сегодняшнее письмо, я рад послать Вам прилагаемый сертифицикат, который Вы просили. Надеюсь, что это поможет Вам в связи с Вашим обращением на получение шведского гражданства.

*Искренне Ваш,
JW*

Машинописное письмо Рауля Валленберга (Стокгольм, 23.05.1944) Якобу Валленбергу (Стокгольм)

*RAOUL WALLEMBERG
Bragevägen 12, Stockholm
Telephone 20 92 72 23 May, 1944
Acknowledged on 24 May, during absence
Office:
Mellaneuropeiska Handels AB
Strandvägen 7 a,
Telephone 67 22 83—4*

Дорогой Якоб!

Д-р Лауэр, который вместе со мной является руководителем Центрально-европейской компании, отправил Вам сегодня письмо, с просьбой о сертификате, который он намерен представить властям в связи с его просьбой о шведском гражданстве.

Причина, по которой д-р Лауэр подает просьбу..., прожив лишь пару лет в Швеции, заключается в том, что т.о. он сможет получить помощь шведской миссии в Будапеште родителям его жены, их детям, которые из-за последних законов относительно евреев были депортированы.

Ему необходимо подтверждение того, что он вел бизнес с банком в течение ряда лет и что он делал это корректно. Если бы ты мог добавить, что он обладает большим опытом в отношении пищевой промышленности и связанных с этим вопросами транспортировки, а также является достойным гражданином, то ценность такого сертификата возросла бы. В связи с моей должностью, я очень заинтересован в личном благополучии д-ра Лауэра и был бы очень признателен, если бы ты смог предоставить ему такой сертификат.

Цель состоит в том, чтобы незамедлительно подать все документы по этому вопросу в канцелярию губернатора Стокгольма уже в пятницу, когда Сален будет говорить с Нотиньм.

*Твой любящий,
Р. Валленберг*

Машинописное письмо секретаря Якоба Валленберга (Стокгольм, 24.05.1944) Раулю Валленбергу (Стокгольм)

*ID 24 May, 1944
Mr Raoul Wallenberg, Architect
Mellaneuropeiska Handels AB
Strandvägen 7 a,
S t o c k h o l m*

В отсутствие г-на Якоба Валленберга, я настоящим подтверждаю получение Вашего вчерашнего письма относительно д-ра Лауэра. Я не премину передать это письмо г-ну Валленбергу, как только он вернется.

Позволю себе заметить, что д-р Лауэр, обратившись лично к г-ну Валленбергу вчера, уже получил сертификат, который он просил.

*Искренне Ваш,
Нильс Свенссон Секретарь*

4.6. Дневник Евы Хейман

В качестве документального свидетельства тех страшных дней приведем отрывок из дневника Евы Хейман [9], венгерской Анны Франк.

Ева Хейман

Ева Хейман родилась в еврейской светской семье. Она жила с бабушкой и дедушкой (супруги Рац), которые были владельцами аптеки. Её родители развелись, когда Ева была совсем маленькой, и мать (Агнес, Ева звала ее Аги) вышла замуж за известного писателя и публициста, венгерского еврея Бела Золта, жившего в Будапеште. Отец Евы, архитектор Бела Хейман, со своей матерью (бабушка Луиза (Вайслович) в дневнике Евы) также жили в Надь Варад. 17 октября 1944 года Ева погибла в газовой камере Освенцима. Ей было 13 лет. Еве так и не удалось спастись, но она спасла свой дневник с помощью Маришки Сабо, венгерки, раньше помогавшей бабушке Евы по хозяйству. Однажды один, как о нём пишет в дневнике Ева «добрый жандарм», позволил Маришке зайти на несколько минут к семье Рац в гетто, где Ева передала ей дневник и попросила его спрятать. Вместе с Евой в Освенциме погибли ее бабушка и дедушка, но спаслись её мать Ева и отчим Бела Золт. Их спасение из гетто города Надь Варад (после войны – румынский город Орадя) описано в книге Золта «9 чемоданов», опубликованной в журнальной версии в 1946—1947 годах и ставшей одной из первых книг о Холокосте.

Северная Трансильвания в составе Венгрии

Золт и Агнес, которая выздоравливала после перенесённой операции, находились в больнице, расположенной в гетто, когда началась депортация евреев в Освенцим, куда каждую неделю отправлялся очередной эшелон. Туда же должны были отправить и пациентов больницы. Один из врачей, знавший книги Золта, предложил план спасения его, Агнес и ещё нескольких евреев путём создания в больнице якобы тифозного барака, куда немцы боялись бы заходить. Об этом знала, судя по дневнику, и Ева, которая также должна была спастись. Однако сделать это не удалось, и в очередном эшелоне Ева с бабушкой и дедушкой отправились в Освенцим. Спасла Золта и Агнес из гетто одна из их близких будапештских подруг, которая, приехав в Надь Варад, подкупила венгерских жандармов, охранников «тифозного» барака больницы, и с поддельными паспортами поездом доставила их в Будапешт, где их одиссея спасения продолжилась благодаря деятельности Рудольфа (Реже) Кастнера, одного из руководителей «Ваадат ха-Эзра вэ ха-Ацала» (далее «Ваада»), венгерского комитета помощи еврейским беженцам из Польши и Словакии, созданном в январе 1943 года. Кастнер вёл переговоры с нацистами о выкупе евреев, сначала с Эйхманом, а затем с доверенным лицом Гимmlера Куртом Бехером. Нацисты согласились дать разрешение на выезд в Швейцарию 1686 венгерским евреям за 8,6 млн швейцарских франков. Первая группа поездом достигла Швейцарии в июне 1944 года. Вторая группа евреев, в которой находились Золт и Агнес, была доставлена в лагерь Берген-Бельзен, откуда через несколько месяцев была отправлена в Швейцарию. После войны Маришка Сабо передала дневник Евы Агнес, которая два года думала опубликовать его или нет и наконец напечатала в своей редакции. Было ли что-то в дневнике, что могло не понравиться ей? И написала ли Ева, что мать обещала её спасти, но ничего не сделала для этого? Она же говорила Еве, что если придётся, она будет с ней в одном вагоне эшелона, уходящего в Освенцим. Едва только дневник (возможно, как многие считают, с купюрами, сделанными Агнес при редактировании) был опубликован в 1948 году, как мучительно переживавшая страшную нравственную пытку Агнес покончила с собой, приняв яд. Бела Золт в 1945 году основал в Венгрии радикальную буржуазную партию, был избран в парламент и умер в 1949 году, ещё до захвата власти коммунистами. Дневник Евы Хейман, как и дневник Анны Франк, стал бесценным документом Холокоста, потрясающим свидетельством беспримерной трагедии миллионов европейских евреев.

Дневник Евы Хейман

Вот отрывок из дневника Евы в переводе автора с американского издания дневника – книги [9].

«13 февраля 1944 года

Мне исполнилось тринадцать лет. Я родилась в пятницу тринадцатого числа. Аги ужасно суеверна, хотя ей стыдно признаться в этом. Это первый раз, когда Аги не пришла на мой день рождения. Я знаю, что она собиралась на операцию, но думала, что ей все же удастся приехать. В Варде есть хорошие врачи. Аги сейчас счастлива, дядя Бела уже вышел из тюрьмы. Аги очень любит дядю Бела, Я тоже его люблю. Бабушка говорит, что нет другой души, которую любит Аги кроме дяди Бела, включая меня. Но я не верю в это. Может быть, когда я был маленькой, она не любила меня, но теперь она меня любит. Тем более, что я обещала стать фотожурналистом и выйти замуж за арийца-англичанина. Бабушка говорит, что к тому времени, когда я выйду замуж, будет уже неважно, мой муж еврей или нет...

Для меня всегда устраивали праздник в день рождения. Но уже в прошлом году были только два мои лучших друга: Марика Кечкемети, моя двоюродная сестра, и Анико Пайор, Аги тоже была. Моя бабушка сказала, что не разрешит праздновать день рождения, так как арийцы не должны говорить, что еврейские дети хвастаются...

Бабушка говорит, что я буду красивее, чем Аги, что она очаровательна, но я буду иметь современную фигуру. Это потому, что я много занимаюсь спортом, плаванием, катанием на коньках, велосипедом, верховой ездой и упражнениями...

14 февраля 1944 года

Сегодня я сняла свой велосипед с чердака. Через две недели я смогу начать кататься. Мне нравится кататься на велосипеде, а мой велосипед – настоящий, а не детский велосипед. Но я не хочу, чтобы велосипед напоминал мне о Марте.

17 февраля 1944 года

Аги сказала бабушке Рац, что лучше не обращать внимания на то, что я ревнива. У каждого ребенка есть свои недостатки. Аги знает детей, которые постоянно лгали, и даже

крали. А я действительно почти не лгу – в основном в школе, или моему французскому учителю, когда не сделала домашнее задание, Тогда я говорю, что у меня была головная боль или зубная боль.

21 февраля 1944 года

Я забыла о тебе в эти последние несколько дней, дорогой дневник, потому что у меня не было времени писать. Мы получили наши табели за первую половину года. Анни Пайор и я – лучшие из класса. Юсти (*гувернантка Евы, была гувернанткой и ее матери, Агнес. – прим. авт.*) была здесь сегодня, она очень обрадовалась табелю, и подарила мне четвертый и пятый тома «Маленького повстанца». Я люблю Юсти больше, чем кого-либо еще на свете, немного больше, чем Аги, но сразу после нее – Аги, затем папа и сразу после него – дядя Бела и дедушка с бабушкой Рац, затем бабушка Луиза. Бабушке Рац не следует рассказывать об этом, потому что она сразу упадет в обморок.

14 марта 1944 года

Аги здесь. Я долго не писала в тебе, дорогой дневник. Но я была очень занята. Я много занималась, потому что Анни вышла вперед, и хотя она моя лучшая подруга, я не могу этого допустить. Я очень люблю Анни, и Аги считает, что у нее хорошее влияние на меня, но все же я немного завидую ей... Дорогой дневник, ты хочешь узнать что-то интересное? Когда мы были вдвоем, двух минут не прошло как Аги, будто увидела прямо на дне моей души, спросила меня: «Итак, Ева-кукла (она всегда называет меня так), у тебя есть какой-то секрет, который ты хочешь мне рассказать, не так ли? Я просто не понимаю, как Аги догадалась, что я влюблена в Пишиту Вадаш. Знаешь, дорогой дневник, я сразу рассказала ей все! Иногда я даже иду в сторону магазина Вадаш, когда мне действительно нужно пойти в другую сторону... И иногда я вишу на окне в течение десяти минут, глядя на магазин Вадаш... Дорогой дневник, Агис дома, и мне все равно, идет ли война! Конечно, это отвратительно для меня, потому что так много людей страдают. Я имею в виду, что самое замечательное в мире, когда вся семья всегда вместе. У нас это очень редко!

16 марта 1944 года

Во второй половине дня папа тоже был здесь. Он посетил Аги и дядю Бела. Они разговаривали как друзья. Аги всегда говорит мне, что она никогда не сердилась на папу, и объясняет, что я должна любить своего папу так, как я ее люблю. Даже если они развелись, я – ребенок их обоих. Дорогой дневник, у меня много домашних заданий. С тех пор, как Агис здесь, я почти перестала учиться, и что-то неприятное может случиться со мной в школе.

18 марта 1944 года

В Пеите постоянные воздушные тревоги. Дорогой дневник, я так боюсь, что и здесь будут воздушные налеты. Я не могу писать, потому что я все думала о том, что произойдет, если в конце концов, они станут бомбить Варад. Я хочу жить любой ценой.

19 марта 1944 года

Мой маленький дневник ты самый счастливый, потому что ты не можешь почувствовать то огромное несчастье, которое случилось с нами. Немцы пришли к власти! То, чего боялся только дядя Бела, действительно случилось... Это первый день, когда Аги встала

с постели на обед, дедушка даже заметил, что она так слаба, как осенняя муха, но она сидела и ела вместе с нами. Был отличный пуншевый торт, вино и кофе эспрессо. Никто не включал радио весь день. В полдень дядя Бела хотел послушать новости, но Аги умоляла его не делать этого: «Сегодня не будем беспокоиться о политике, давайте жить нашей обычной жизнью...» Каким-то образом стало известно, что дядя Бела и Аги были здесь и днем. Приехали подруги Аги. Дядю Бела посетил его лучший друг в Орадя, дядя Шандор Фридландер. Большая толпа собралась, когда дядя Бела и дядя Шандор Фридландер вышли в кафе. Менее чем через десять минут дядя Бела и дядя Шандор Фридландер вернулись, оба белые, как стена. Я все еще слышу голос дяди Шандора: «Нам всем конец... немцы находятся в Будапеште с утра».

21 марта 1944 года

Друзья Аги и знакомые дяди Белы провели весь день в нашем доме. Теперь все в городе знают, что они здесь, и каждый ищет их советов. Дядя Бела говорит всем, что надо достать фальшивые документы и перебраться в Румынию. Но у бабушки странно бегают глаза, когда она слышит о побеге, да и с Аги невозможно бежать, так как ее ирам все еще болит...

26 марта 1944 года

С тех пор, как немцы здесь, я могу думать только о Марте. Она также была ребенком, но немцы убили ее. Но я не хочу, чтобы они убивали меня. Я хочу стать фотожурналистом и в возрасте 24 лет выйти замуж за англичанина-арийца...

27 марта 1944 года

Юсти пришла сегодня. Она ужасно заплакала и сказала, что г-жа Порослай хотела позволить мне спрятаться в своей усадьбе, но г-н Порослай даже не хотел слышать об этом. Тем не менее, я могла бы жить в свинарник, или в конюшне, я бы работала везде, пасла бы овец, только чтобы меня не застрелили немцы, как Марту.

29 марта 1944 года

Сегодня пришли из еврейской общины, и забрали почти все белье. Немцы требуют почти каждый день что-то от евреев, то пишущую машинку, в другой день – ковры, сегодня – постельное белье. Сначала бабушка попыталась договориться, затем она сказала, что это бесполезно, и пусть они все это возьмут. Она даже не хотела что-то выбирать – просто передала ключи от постельного белья этим совершенно незнакомым людям, те самые ключи, которые в прежние времена ей нелегко было дать даже Юсти или Аги. Сегодня снова пришла Юсти. Ее глаза были красными от плача, как будто она была еврейкой сама. Она говорит, что умрет, потому что она не может спасти меня – кого она больше всего любит в этом мире – от того, что меня ждет.

5 апреля 1944 года

Бабушка Луиза была очень счастлива видеть меня, она очень спокойна. Говорит, что не боится смерти. Да, но ей 72 года, а мне всего 13 лет. Бабушка Луиза беспокоится только о моем отце, моей тете, тете Лили и мне. Она говорит, что сейчас крайне важно оставаться здоровым, потому что тогда все можно вытерпеть. Между тем, женищина прибежала с новостью о том, что Эмиль Вайслович был арестован и доставлен в начальную школу на улице Корош. Немцы и венгры ворвались в его гостиницу и лишили его всего, что могли.

Хотя бабушка не разговаривает с Эмилем Вайсловичем, она была в ужасе. Она считала, что венгры не посмеют так обращаться с ним после того, как в прошлом он был избит румынами из-за своей про-венгерской ориентации. Теперь они даже помогли немцам ограбить отель вместо того, чтобы его защищать.

7 апреля 1944 года

Сегодня они пришли за моим велосипедом. Я почти устроила из этого большую трагедию. Знаешь, дорогой дневник, я была ужасно напугана уже только тем, что полицейские вошли в дом. Я знаю, что полицейские приносят с собой только неприятности, куда бы они ни пришли. У моего велосипеда был правильный номерного знак, и дедушка заплатил за это налог. Жандармы пришли, потому что в мэрии было зарегистрировано, что у меня есть велосипед. Теперь, когда все кончено, мне так стыдно, как я вела себя перед полицейскими. Дорогой дневник, я бросилась на землю и держась за заднее колесо моего велосипеда кричала им: «Позор вам за то, что отняли у девушки велосипед! Это грабеж! «Мы продали тогда мой старый велосипед, мою жилетку и старое зимнее пальто дедушки, добавили деньги, которые у нас были. Мои бабушка и дедушка, Юсти, Аги, бабушка Луиза и папа, все вместе, купили мне этот велосипед. У нас еще не было всей суммы, но Гофман не продавал велосипед кому-либо еще, и он даже сказал, что я могу взять велосипед сразу. Но я не хотела брать велосипед домой, пока у нас не было всех денег. Однако я спешила к магазину всякий раз, когда могла проверить, там ли еще красный велосипед. Когда вся сумма была наконец собрана, я пошла в магазин и взяла велосипед домой, только я не ехала на нем, а вела его обеими руками, как большую, красивую собаку. Я восхищалась велосипедом и даже дала ему имя Пятница. Это имя от Робинзона Крузо, но оно подходит для велосипеда. Прежде всего, потому что я привела его домой в пятницу, а также потому, что Пятница является символом преданности, он так был предан Робинзону. «Велосипедная Пятница» будет предана и «Еве Робинзон», и я оказалась права, потому что в течение трех лет этот велосипед никогда не вызывал у меня никаких проблем, то есть никогда не ломался, никаких расходов на ремонт не было. Марики и Анни также дали названия своим велосипедам. Велосипед Марики называли Хорси, а велосипед Анни называли Берки только потому, что это такое смешное имя.

Один из полицейских был очень раздражен и сказал: «Очень нам нужно видеть, как еврейка ломает такую комедию, когда у нее отбирают велосипед. Никто из евреев не имеет больше права на велосипед. Евреи также не имеют права на хлеб. Они не должны жрать, а оставить пищу для солдат.» Ты можете себе представить, дорогой дневник, как я себя чувствовала, когда они говорили мне все это. Я слышал об этом только по радио или читала в немецкой газете. Тем не менее, все иначе, когда вы читаете что-то и когда это швырнут вам в лицо. Особенно, во время, когда они отбирали мой велосипед. Собственно, что думает этот противный полицейский? Что мы украли велосипед? Мы купили его у Гофмана за наличные, а дедушка и все остальные заработали эти деньги. Но ты знаешь, дорогой дневник, я думаю, что другому полицейскому стало жалко меня. «Тебе должно быть стыдно за себя, коллега-сказал он, – твое сердце из камня? Как ты можешь говорить это такой красивой девушке?». Затем он погладил мои волосы и пообещал хороший уход за моим велосипедом. Он дал мне квитанцию и сказал мне не плакать, потому что когда война закончится, я получу свой велосипед обратно. В худшем случае, потребуется ремонт у Гофмана.

Аги сказала, что на этот раз нам повезло, но в следующий раз мы должны позволить им делать все, что бы они ни захотели. В любом случае нельзя им помешать, и мы не должны дать этим вонючим мерзавцам видеть, как мы страдаем. Тем не менее, я не понимаю Аги.

Меня не волнует, знают ли они или не знают, что мы страдаем. Нетрудно видеть, что если все, что у вас есть, отбирают, и скоро у вас даже не будет денег, чтобы купить еду, вы страдаете.

Но что это значит? Аги не нужно обнимать велосипедное колесо и рыдать, чтобы кто-нибудь глядя на нее, смог сказать, что она не только страдает, но днем и ночью дрожит от того, что ждет дядю Бела.

1 мая 1944 года

Мой маленький дневник, отныне я вижу все, как во сне... Мы начали упаковывать вещи, согласно тому, что Аги видела на плакате. Я знаю, что это не сон, но не могу в это поверить. Мы также можем взять постельное белье, но мы не знаем, когда они придут, чтобы забрать нас, поэтому пока не можем упаковать постельное белье. Аги варит кофе весь день для дяди Бела и бабушка пьет коньяк. Никто не говорит ни слова. Мой маленький дневник, я никогда так не боялась!

10 мая 1944 года

Мы здесь пять дней, но, честное слово, это похоже на пять лет. Я даже не знаю, как начать писать, так много ужасных вещей произошло с тех пор, как я в последний раз писала... Я понятия не имею, что будет дальше, я всегда думала, что это самое худшее, теперь я понимаю, что может стать еще хуже, намного хуже. До сих пор там была еда, а теперь у нас ее не будет. Внутри гетто мы могли посещать друг друга, а теперь нам не разрешают выйти из дома... Аги не возражает уже ни против чего, если они оставят нас в живых, вот о чем она постоянно говорит... Прошлой ночью я мечтала о Юсти, мой маленький дневник, а утром проснулась, плача.

17 мая 1944 года

Ты видишь, мой маленький дневник, я сказала вам на днях, что все может быть хуже? Посмотри, как я была права? Они начали допросы на пивной фабрике Дрехера. Ты знаешь, мой маленький дневник, жандармы не верят евреям, что у них ничего не осталось... Теперь все в доме дрожат от страха, гадая, когда их заберут на избияния на фабрику Дрехера.

18 мая 1944 года

Вчера то же самое случилось со мной, мой маленький дневник, как и с Марикой. Я не могла уснуть и подслушала все, о чем говорили взрослые. Сначала я услышала только разговор Аги и дяди Банди Кечкемети, они знают все из больницы. Они оба говорили, что в Дрехере не только избивают людей, но и используют электрический шокер. Аги говорила это таким кричащим голосом, что если бы не она сказала это, я думала бы, что все это выдуманная история ужасов. Аги сказала, что они привезли людей из Дрехера в больницу, у которых кровь текла из носа и рта, некоторые зубы были выбиты, а их подошвы настолько опухли, что они не могли стоять. Мой маленький дневник, Аги также говорила о том, что жандармы делают там с женщинами. Я просто не хочу это записывать. Я просто не могу записать это, хотя ты знаешь, мой маленький дневник, у меня не было секретов от тебя. Я также слышала, дедушка сказал в темноте, что здесь, в гетто многие люди совершают самоубийство. В аптеке гетто достаточно яда и дед дает его некоторым пожилым людям, которые

просят об этом. Дед добавил, что он был бы очень рад самому взять цианид и отдать часть бабушке. Услышав это, Аги начала плакать, и я услышал, как она подползла к бабушке и все еще плача сказала: «Терпение, папа, это не может продолжаться вечно.»

29 мая 1944 года

Мой маленький дневник, теперь все это заканчивается! Гетто было разделено на зоны, и они уводят нас всех.

30 мая 1944 года

Мой маленький дневник, все говорят, что мы останемся в Венгрии, что они собрали евреев со всей страны где-то вокруг Балатона для работы. Но я не верю. Это должно быть ужасно очутиться в грузовом вагоне, и теперь никто не говорит больше, что они нас забирают, а говорят, что они «депортируют» нас. Я не слышала это слово до сих пор, а Аги говорит дяде Беле: «Бела, ты не понимаешь, они депортируют нас!» Жандарм ходит вверх и вниз перед домом. Вчера он был в парке Риди, именно оттуда евреи депортируются. Не от железнодорожного вокзала, так как здесь жители города не видят их, – говорит дедушка. Многого происходит благодаря поддержке горожан. Если бы арийцы этого не хотели, они могли бы остановить нашу геттоизацию. Но им это нравилось, и даже сейчас им все равно, что произойдет с нами.

Этот жандарм, которого дядя Бела называет добрым жандармом, потому что он никогда не кричит на нас и не фамильярничает с женщинами, приходил на задний двор и говорил нам, что покинет службу, поскольку так бесчеловечно то, что он видел в парке Риди.

Они втиснули по 80 человек в грузовые вагоны, и дали им всего лишь по одному ведру питьевой воды. Но еще страшнее то, что они запечатывают вагоны с помощью навесных замков. Люди обязательно задохнутся в этой страшной жаре! Жандарм сказал, что он действительно не может понять этих евреев. Даже дети не плакали. Они все были как лунатики. Они вошли в эти вагоны оцепеневшие, без слов.

Добрый жандарм не спал всю ночь, хотя раньше он говорил, что крепко засыпает, как только опустит голову. Это было такое ужасное зрелище, что даже он не мог спать. Хотя он жандарм!

Теперь Аги и дядя Бела шептались о чем-то про нас, оставшихся в тифозной больнице. Предположительно, мы скажем, что дядя Бела заболел брюшным тифом. Это возможно, потому что раньше он был в Украине. Я не верю уже ничему, я могу только думать о Марте, и я боюсь, что с нами случится то же самое, что было с ней, хотя все говорят, что мы не поедem в Польшу, а только к Балатону.

Тем не менее, мой маленький дневник, я не хочу умирать, я все еще хочу жить, даже если это означает, что только я останусь в живых во всей округе. Я бы дождалась окончания войны в подвале или на чердаке или в любой дыре, я бы, мой маленький дневник, даже позволила бы, косоглазому жандарму, который отобрал у нас муку, поцеловать меня, только чтобы не быть убитой, только чтобы меня оставили в живых!

Теперь я вижу, что добрый жандарм впустил Маришку, я не могу писать дальше, мой маленький дневник, я плачу, и я спешу увидеть Маришку...»

Итак, в июне 1944 года Ева с бабушкой и дедушкой были депортированы в Освенцим, мать Евы и ее отчим, с помощью Кастнера, покинули Венгрию в том же месяце. 8 июля 1944 года все евреи венгерской провинции были уже депортированы в Освенцим командой Эйхмана с помощью венгерской жандармерии. Оставались в Венгрии лишь евреи Будапешта, которых Эйхман также планировал быстро депортировать. Однако, напуганный международными протестами и успешным наступлением Красной Армии, регент Хорти распорядился приостановить депортации и отозвал венгерских жандармов без которых Эйхман был беспомощен.

А 9 июля 1944 года в Будапешт прибыл поездом молодой человек 32-х лет отроду с рюкзаком (в рюкзаке был даже пистолет, которым молодой человек надеялся никогда не воспользоваться), в плаще и шляпе «а-ля Энтони Иден». Это был только что назначенный секретарь шведской миссии в Венгрии, носивший имя Рауль и громкую фамилию Валленберг. Кроме фамилии, ничто не связывало его с «империей» Валленберг. Его отец, морской офицер, умер еще до его рождения, а его дяди-банкиры не нашли возможным трудоустроить его в своей финансово-промышленной империи. Рауль прибыл в Венгрию защищать интересы преследуемых венгерских евреев. Он и его сотрудники-евреи раздали тысячи самодельных шведских «паспортов» с неправильно нарисованным шведским гербом и арендовали десятки «шведских домов» – убежищ для евреев Будапешта. 17 октября 1944 года Ева погибла в газовой камере Освенцима, а 16 октября, на день раньше, к власти в Венгрии пришли венгерские нацисты, вернулся Эйхман и депортации евреев, уже из Будапешта, возобновились. И тогда Рауль Валленберг отбросил дипломатические методы и стал любыми средствами бороться за жизни своих подопечных. В итоге он спас десятки тысяч людей, очень много еврейских девочек и мальчиков. Среди них, например, был Томи Лапид, в будущем известный журналист, депутат кнессета, министр в израильском правительстве. Сын Томи – Яир Лапид – бывший министр финансов, сегодня – депутат кнессета, лидер партии «Еш Атид», третьей израильской партии по числу мандатов в кнессете...

Не следует забывать о кровавых землях, кровавых наветах и дневнике Евы Хейман. В октябре 2015 года в румынском городе Орадя открыли памятник Еве Хейман.

Памятник Еве Хейман в Орадя

А венгерские неонацисты устраивают свои шабашки у другого памятника – памятника той самой Эстер Шоймоши. Они верят в кровавый навет, а значит хотят новой крови.

Венгерские неонацисты у памятника Эстер Шоймоши в наши дни

Совсем недавно венгерский премьер Виктор Орбан вновь славил бывшего венгерского регента Миклоша Хорти. Надо бы не постесняться и напомнить Орбану о деяниях Хорти словами Ильи Эренбурга (статья «Остановить!» в «Красной звезде» от 29 июля 1942 года): «Немцы рвутся вперед. Они торопятся. За их спиной – призрак расплаты. Немцев нужно остановить. А немецкую дворню пора высечь. Довольно макарончики с петушиными перьями топтали русскую землю. Все знают, что итальянцы – мастера бегать: пора им об этом напомнить. Пора добить вшивых румын: довольно они грабили нашу землю. Много румын уже лежит в нашей земле, пора отправить туда уцелевших. *Пришли к нам пьяные венгры. Один венгерский журналист утверждает, что он произвел раскопки и убедился, будто вся Россия некогда принадлежала мадьярам. Этих пьяных нахалов необходимо убрать. Они раскапывают. А мы их закопаем.* Но главное нельзя ни на минуту забывать о немцах. Нужно думать не о мертвых – о живых: о тех, что лезут дальше. Их необходимо остановить. Их необходимо перебить.»

4.7. Нацистская торговля людьми: «кровь на деньги»

Как уже говорилось, в Будапеште Эйхман применил ту же, опробованную уже в Вене, Праге и Берлине систему – привлек членов совета еврейской общины к выполнению своих целей. Адвокат Реже Кастнер, один из руководителей организации венгерских евреев, особенно старался заручиться доверием Эйхмана, намереваясь провести под его прикрытием операцию спасения. Он и торговец Йозель Бранд старались, используя ситуацию, побудить как

можно больше евреев эмигрировать в Палестину. Не имеет значения, считали ли они предложенный ими выкуп серьезным ходом или только пытались оттянуть таким образом массовые убийства, надеясь на скорый конец войны. Важнее другое: Гиммлеру было доложено об этом предложении, и он уполномочил Эйхмана вести переговоры с Кастнером и Брандом. Оба они делали вид, будто тесно связаны с «Центром мирового еврейства» (существовавшим лишь в воображении нацистов) и с президентом Всемирной сионистской организации Хаимом Вейцманом. Гиммлер предложил остановить «ликвидации», если ему дадут грузовые автомашины для войск СС. Выдвигая такое требование, он как бы страховал себя от возможных обвинений Гитлера. На самом же деле Гиммлер надеялся войти через этих людей в контакт с Вейцманом и с западными союзниками, чтобы заключить сепаратный мир и стать новым фюрером Германии. Но сделка не состоялась. Миссия Йоэля Бранда потерпела фиаско из-за позиции союзников: СССР, США и Англии (см. ниже).

«ЛЕСС. А что вам известно о поездке Йоэля Бранда, вызванной вашим предложением об обмене миллиона евреев на 10.000 грузовых автомашин?»

ЭЙХМАН. Господин капитан, насколько я могу вспомнить, господин капитан, это дело... оно возникло от Гиммлера. Я теперь не представляю себе, кто... кем был этот Йоэль Бранд. Может быть, я его и видел, но только... только мельком, может, один-два раза. Он ведь тогда сразу уехал. Детальями занимался Крумей. Я знаю только, что речь шла о миллионе евреев, которых надо было доставить в какой-то пункт и освободить в обмен на десять тысяч грузовиков, пригодных к зимней эксплуатации, с обещанием не использовать их на западном фронте. Это было основное, и я полагаю... я думаю, что примерно в это время Гиммлер сказал, что он хотел бы... хотел переговорить с доктором Хаимом Вейцманом.

«ЛЕСС. Когда с вашего согласия Йоэль Бранд уезжал за границу, чтобы сообщить там о вашем предложении, вы ему обещали, что за время его отсутствия евреев депортировать не будут?»

ЭЙХМАН. Какая-то договоренность была, господин капитан, о чем-то. Но я теперь уже не знаю даже, что он написал об этом в своей книге. Потому что в то время чуть не каждый день то и дело приходил д-р Кастнер. Я должен был что-то решать с венгерскими инстанциями, чтобы они тут... чтобы я мог как-то прояснить дело. Я уже не могу вспомнить подробности.

ЛЕСС. Я хочу прочесть вам теперь несколько мест из составленного доктором Кастнером отчета еврейского комитета спасения. Вот он пишет: «После отъезда Бранда и Гросса в Стамбул, я пришел вместе с Ханси Бранд (жена Йоэля) к Эйхману. Мы знали, что перед нами – главный режиссер истребления евреев. Но и возможность помочь нам находилась в его руках. Он и только он решал – казнить или миловать. Мы откровенно говорили с ним о зверствах в гетто и в эшелонах, увозивших людей. Мы спросили его, почему назначенных на депортацию из провинции не везут в Будапешт, как обещал Крумей. Мы сказали ему, что в таких условиях вряд ли можно вести обнадеживающие переговоры с заграницей. Он лгал нам о своей симпатии к сионистам. О конкретных вопросах он сказал: если и было такое, что в Прикарпатье напихали в вагон 90 человек, то это потому, что в этой местности у евреев слишком много детей, а детям нужно меньше места. К тому же здешние евреи невзыскательны. Что приостановить депортацию – об этом не может быть и речи. Не надо считать его дураком. Потому что если он приостановит депортацию, то заграница вообще не станет вести с ним никаких переговоров. Мы должны энергичнее заняться переговорами в Стамбуле, потому что он не даст вводить себя в заблуждение, а его терпение имеет пределы».

ЭЙХМАН. Я не могу вспомнить обо всем этом. Вполне возможно, большая часть здесь – правда, и вполне возможно также, что обстоятельства излагаются субъективно, так сказать, – в русле, представляющемся автору приемлемым. Что я приостановлю депортацию – это конкретное утверждение, разумеется, неправда. А правдой может быть, что я сказал: я не могу ее остановить, потому что не я отдал приказ о ней. Я получил приказ, и я всего лишь... исполнитель.

ЛЕСС. Речь здесь идет, однако, о поездке Йоэля Бранда. Если депортация в то время продолжалась, это не могло не препятствовать миссии Бранда. А вы на это, как утверждает здесь Кастнер, ответили, что не остановите ее.

ЭЙХМАН. Если это так – я принимаю сейчас, что я так говорил, – то, значит, инстанция, которая дала согласие на это дело, отдала и соответствующий приказ.

ЛЕСС. Я читаю вам, что пишет д-р Кастнер в другом месте: «Эйхман вернулся к себе на службу в одиннадцать часов. Я сразу же попросил доложить обо мне. Через полчаса он велел меня позвать. Позади него стоят – это его ближайшие сотрудники, его штаб – Крумей, Вислицени, Хунше и Новак. Эйхман начинает орать. Я молчу. Нужно, чтобы сначала прошел припадок бешенства. Понятно, что стоит теперь на кону. Дело уже не в спасении нескольких сот евреев из провинции. Если теперь, прямо сейчас, не удастся уговорить Эйхмана уступить, то «Ваада», наша тайная сионистская организация, окажется точно в таком же дурацком положении, как многие до нас в оккупированной Европе, кто поставил в этой рулетке жизнь людей на немецкую карту. Уплаченные миллионы окажутся пшиком. А проигравшего назовут еще и предателем. «Чего вы, собственно, хотите?» – спрашивает наконец-то Эйхман. Цитирую Кастнера: «Я должен настаивать на том, чтобы наши договоренности соблюдались. Вы согласны привезти в Будапешт из провинции предложенных нами людей?» Я цитирую Эйхмана: «Если я сказал «нет», значит, нет!» Цитирую Кастнера: «Тогда для нашей стороны нет смысла вести переговоры дальше». Я делаю вид, будто хочу уйти. Цитирую Эйхмана: «Ваши нервы сдают, Кастнер. Я вас пошлю в Терезиенштадт, чтобы вы отдохнули. Или вы предпочитаете Освенцим? Поймите же меня. Я должен убрать это еврейское дерьмо из провинции. Тут не помогут никакие доводы и рыдания». Цитирую Кастнера: «Тогда наши доводы не помогут и Бранду на его переговорах в Стамбуле». Цитирую Эйхмана: «Чего же вы от этой пары евреев хотите?» Цитирую Кастнера: «Дело не только в них. Дела в Стамбуле плохи, потому что вы форсируете депортацию. Вы же должны подтвердить серьезность ваших предложений!» Цитирую Эйхмана: «Но поймите же, я не могу отвечать за это перед венгерским правительством. Я обещал Ласло Эндре, что ни один еврей не вернется живым»...

ЭЙХМАН. Это очень театрально, очень театрально описано. Я должен... я опять должен сказать. Здесь есть зерно правды, но с очень многими... много приписано, приукрашено. Очень многое добавлено и приукрашено. Эти крепкие выражения – я их вряд ли употреблял. А о конкретном содержании я, конечно, ничего не знаю. Предлагал я ему отправляться в Терезиенштадт или нет? Я этого не знаю.

ЛЕСС. Я еще раз цитирую д-ра Кастнера; должно быть, это примерно в июне 1944 г., о чем он пишет: «Я обратил внимание Эйхмана на то, что уничтожение депортированных евреев в Освенциме поставило нас, «Вааду», в ужасное, невыносимое положение по отношению к зарубежным еврейским организациям и к союзникам. «Наш моральный кредит подорван. За границей никто больше не верит, что план спасения принимался когда-либо все-

рвез германской стороной». – «Как вы это себе представляете? – рычал Эйхман. – Может, вы думаете, что у рейха столько продовольствия, чтобы месяцами кормить сто тысяч венгерских евреев? Медицинский персонал и врачи, чтобы лечить ваших больных?». Я спросил (цитирую Кастнера): «Что произойдет, если не сегодня-завтра в Стамбуле будет заключено соглашение? Ведь если вы пошлете венгерских евреев в газовые камеры, чем вы будете расплачиваться за грузовики?» Цитирую Эйхмана: «Можете не беспокоиться! Там есть дети от двенадцати до четырнадцати лет. Через год-два они сгодятся для работы. Но я могу отдать и польских евреев или из Терезиенштадта. Так что за меня можете не беспокоиться». Цитирую Кастнера: «Я убежден в том, – сказал я, – что этим вы не принудите за границу к соглашению. Вы вообще заинтересованы во всем этом деле? Вы должны представить доказательства вашей доброй воли. Я делаю вам предложение: мы требуем безопасности для ста тысяч венгерских евреев, включая малолетних детей, стариков и больных. В подтверждение нашей готовности идти на жертвы, мы предлагаем за это примерно пять миллионов швейцарских франков в виде драгоценностей, иностранной валюты и венгерских пенго. Ценности передаем постепенно, по мере ответных действий». Помните такое?

ЭЙХМАН. Но! Может быть, он мне и делал такое предложение. Я не хочу отрицать, потому что я этого не помню. Но ведь у меня был в конечном счете приказ: 10.000 грузовых автомашин = один миллион евреев. И это дело было для меня, я бы сказал... это же был приказ! Больше я об этом ничего сказать не могу.

ЛЕСС. А другие сделки?

ЭЙХМАН. Бехер договаривался с д-ром Кастнером о каких-то поставках, и за это Бехер обещал ему определить контингент, который сможет эмигрировать в Палестину. Кастнера интересовали только молодые евреи из восточных областей Венгрии. Эти группы надо было пропустить нелегально и без ведома венгерского правительства через румынскую границу. Кажется, однажды д-р Кастнер пришел с чемоданом иностранной валюты. Но тут про эти дела узнала венгерская тайная полиция, как раз про чемодан с деньгами. В то время сотрудничество с венгерской полицией делалось особенно затруднительным.

ЛЕСС. Что же тогда сделали с деньгами?

ЭЙХМАН. Я этого не знаю, господин капитан. Это шло через управление командующего полицией безопасности и СД в Будапеште.

ЛЕСС. Вы угрожали еврейским функционерам в Будапеште, что, если Бранд вернется ни с чем, вы снова запустите «мельницу» в Освенциме на полный ход?

ЭЙХМАН. Я никогда не угрожал ни одному еврейскому деятелю. Ни в Венгрии, ни в какой другой стране. А «мельницу в Освенциме» – это выражение я услышал в первый раз, когда в тысяча девятьсот... наверное, в 1947-м... в немецком городке в Люнебургской пустоши шел фильм, который так назывался: «Освенцимская мельница». Так что если кто-то мне приписывал, будто я грозил «мельницей в Освенциме», то я... мне уже ясно, что это неправда.» [3]

Еще одним особым эпизодом торговли «кровь на деньги» стала деятельность в Венгрии штандартенфюрера СС Курта Бехера, занимавшего в штабе германского начальника СС и полиции хозяйственными делами. Еще в мае 1944г. он отличился в Венгрии «ариизацией» машиностроительных заводов «Манфред Вайс» на острове Чепель между Будой и Пештом.

Бехер вначале имел задание закупить лошадей для воинских частей СС. Один из его венгерских партнеров попросил его оказать помощь евреям, членам семьи умершего основателя венгерского концерна Манфреда Вайса, которые боялись проводимой Эйхманом депортации. С другой стороны, Гиммлер желал сколотить эсэсовский промышленный концерн, прибыль от которого дала бы возможность сделать военные формирования СС материально независимыми. По договору, заключенному в середине мая, наследники Вайса уступали хозяйственным предприятиям СС более половины акционерного капитала. За это 48 членов семьи получили 600 тыс. долларов и были доставлены двумя немецкими самолетами в Португалию (все же трех оставили в Вене в заложниках, чтобы освобожденные не смогли участвовать в каких-либо враждебных акциях против Германии). Эйхман видел в Бехере врага, злоупотребляющего полученными от рейхсфюрера СС полномочиями с целью спасти от истребления слой самых авторитетных, самых богатых и поэтому, согласно нацистской идеологии, самых опасных евреев [3].

Позиция советской стороны относительно торговли «кровь на деньги» нашла большое место в первом (и единственном до появления данной книги) оригинальном исследовании о Рауле Валленберге на русском языке [10].

«Знало ли советское правительство об особом месте, которое занимало уничтожение еврейского народа в планах, к осуществлению которых приступил Гитлер и его режим с момента развязывания Второй мировой войны? Если послушать некоторых интерпретаторов этой войны – включая Великую Отечественную войну советского народа 1941 – 1945 годов, – то нет. А если и знало, то не придавало им особого значения. Ну, а ежели послушать антисемитов из Агитпропа ЦК КПСС, то на оккупированных территориях СССР евреев специально не уничтожали, а казнили лишь «мирных граждан» неопределенной национальности; в Освенциме же уничтожали «мирных граждан Европы» (так гласили составленные в конце войны акты)...

Но в начале войны – в дни великих испытаний всего советского многонационального народа – непреложным законом было народное единство. Тогда антисемиты помалкивали – они правили не в московских партийных канцеляриях, а в геббельсовских ведомствах. Советский народ жил по законам интернационализма.

О том, что для советского политического руководства было ясным, какой размах и смысл приобретало истребление евреев, свидетельствует документ, который появился на свет в конце декабря 1942 года под названием «Осуществление гитлеровскими властями плана уничтожения еврейского населения Европы». Этот документ был опубликован в советской печати 19 декабря 1942 года. Но менее известна подоплека его создания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.